

ОПТИНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Крестный путь

Введенский ставропигиальный
мужской монастырь Оптиная Пустынь

2013

*Допущено к распространению
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 13-306-0434*

Настоящий номер альманаха включает в себя материалы по истории Оптиной Пустыни, жития святых, жизнеописания насельников монастыря и других лиц, имеющих отношение к обители. Публикуются документы и фотографии из архива Оптиной Пустыни, а также из других отечественных и зарубежных музейных и архивных собраний.

ISBN 978-5-86594-180-4

© Составление, оформление.
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптина Пустынь, 2013

Содержание

Крестный путь

Игумен Дамаскин (Орловский)
Преподобноисповедник Агапит (Таубе) (1894–1936)..... 5

Иеромонах Нестор (Кумыш)
Иеромонах Аифал (Панаев) (1879–1935?)..... 13

С преподобными преподобен будещи

Марина Можарова
**Оптинский старец Амвросий
в письмах К. Н. Леонтьева 17**

Оптинский некрополь

Андрей Толмачев
**Иеромонах Даниил (Болотов) —
оптинский иконописец и портретист 35**

Летопись Оптиной Пустыни

Священник Н. Алявдин
**Поездка в Оптину Пустынь
епископа Иувеналия (Масловского). 1918 год 43**

Святые под спудом

Елена Бехтерева
Возвращение 47

Испытание верности Богу

Лидия Соколова
**Катынь: мифы и реальность.
Лагерь польских военнопленных в Оптиной Пустыни 63**

Коллаборационизм духовенства на оккупированных немцами территориях в контексте канонизации святых Русской Православной Церкви. 71

Елизавета Булгакова
Воспоминания об Иване Митрофановиче Беляеве 83
Письма Ивана Митрофановича Беляева 90

Церковь и общество
Письма святителя Николая Сербского 96
Зинаида Иноземцева
Правда истории. Нужна ли она народу? 98

История Оптиной Пустыни в документах
Иеродиакон Платон (Рожков)
Преподобный Варсонофий и оптинская смута..... 103

Источники и литература 113

Список сокращений..... 117

Игумен Дамаскин (Орловский)

Преподобноисповедник Агапит (Таубе) (1894–1936)

Преподобноисповедник Агапит родился в благочестивой семье 4 ноября 1894 года в городе Гатчине Санкт-Петербургской губернии и в крещении был наречен Михаилом.

Его отец, барон Михаил Фердинандович фон Таубе, родился в 1855 году в Санкт-Петербурге. В 1882 году он окончил Институт инженеров путей сообщения Императора Александра I со званием гражданского инженера и был зачислен на действительную военную службу в лейб-гвардии конный полк, но был признан врачами негодным к военной службе и уволен в отставку. В 1884 году Михаил Фердинандович был назначен начальником партии для производства изысканий перед строительством Сибирской железной дороги¹, в 1885-м — начальником партии изысканий для продолжения строительства линии Самара — Уфа — Златоуст на соединении с одним из пунктов Екатеринбургско-Тюменской железной дороги. Он женился на дочери генерала от артиллерии, Анне Александровне Барановской, и в 1889 году у них родился сын Александр. В 1891 году Михаил Фердинандович был назначен начальником дистанции в городе Везенберге, а через год переведен на должность начальника Гатчинской дистанции². В 1892 году в семье родился второй сын, Иван. В 1893 году Михаил Фердинандович был назначен инженером при Балтийской и Псковско-Рижской железной

дороге³, а в 1894 году — техником службы пути Санкт-Петербургской — Варшавской железной дороги. 4 ноября 1894 года в семье родились близнецы Михаил и Сергей, которые были крещены 26 ноября полковым священником Николаем Щегловым в церкви лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка⁴. В 1897 году Михаил Фердинандович был назначен помощником делопроизводителя хозяйственного отдела Управления казенных железных дорог⁵, а затем помощником старшего наблюдателя за производством изысканий железнодорожной линии Миллерово — Рудня. В 1899 году у супругов родилась дочь Мария. В 1900 году Михаил Фердинандович был назначен помощником наблюдателя за постройкой Варшавско-Венской железной дороги.

Михаил Фердинандович деятельно участвовал в церковной жизни, и в 1901 году за содействие в трудах Холмского православного Свято-Богородицкого братства ему был присвоен братский значок 3-й степени⁶. Он был человеком глубоко религиозным, прихожанином храма священномученика Исидора Юрьевского, по политическим убеждениям — монархистом, членом Союза русского народа, по своим религиозно-общественным взглядам — славянофилом, написал несколько работ на эту тему, таких как

¹ РГИА. Ф. 229. Оп. 19. Д. 3527. Л. 3.

² Там же. Д. 3528. Л. 29.

³ РГИА. Ф. 229. Оп. 19. Д. 3528. Л. 6.

⁴ Там же. Д. 3527. Л. 78.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 3529. Л. 141.

Михаил Михайлович Таубе (слева) перед отправкой на фронт. 1916 год

«Славянофильство и его определение» и «Основные положения славянофильства как научно-философского богословского учения». В своем доме он собирал монархический кружок, который со временем стали посещать его дети. С 1910 года Михаил Фердинандович был причислен к Управлению по сооружению железных дорог.

В 1912 году Михаил окончил с золотой медалью гимназию¹ и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но успел проучиться только три курса, так как в 1916 году был призван в армию. Окончив ускоренные офицерские курсы², он служил помощником командира батареи в артиллерийском дивизионе — сначала в чине прапорщика, а затем подпоручика на фронте Наричь-Молодечно и под

Тернополем; получив летом 1917 года тяжелое ранение, был отправлен в госпиталь в Петрограде. 14 февраля 1919 года он был призван в армию новыми властями и служил сначала в Комиссариате снабжения и распределения коммун Северной области в должности контролера, а затем — старшего контролера. С 3 сентября 1919 года он служил начальником связи, временно — командиром батареи, особоуполномоченным по сбору военно-исторического материала штаба артиллерии 2-го строевого дивизиона, адъютантом при штабе, делопроизводителем в Управлении начальника артиллерии Петроградского военного округа. Участвовал в боях против Юденича под Петроградом — Нарвой и против белополяков под Гродно — Лидой. 15 августа 1922 года был уволен из армии по сокращению штатов в бессрочный отпуск и осенью того же года стал работать в музее «Оптина Пустынь»³.

Михаила Таубе рекомендовала в качестве сотрудника директор Оптинского музея Лидия Васильевна Зашук⁴, он стал хранителем монастырской библиотеки, смог ознакомиться со святоотеческой литературой и богатейшими по своему духовному содержанию рукописями.

Живя в Оптине и познакомившись с ее духовенством, Михаил стал духовным сыном сначала старца Нектария, а затем, после его высылки властями из Оптиной в 1923 году, — иеромонаха Никона (Беляева)⁵, который и постриг его в мантию с именем Агапит. По воспоминаниям знавших монаха Агапита в этот период, он был человеком высоким, худым, всегда грустным и сосредоточенным, искавшим в христианстве не столько утешения, сколько духовного подвига, и многие думали, что он в соответствии со своим духовным

³ ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Д. 48. Л. 48 об.—49.

⁴ Преподобномученица Августа (Зашук) (†1938). Память 26 декабря/8 января.

⁵ Преподобный Никон (Беляев) Оптинский, исповедник (†1931). Память 25 июня/8 июля.

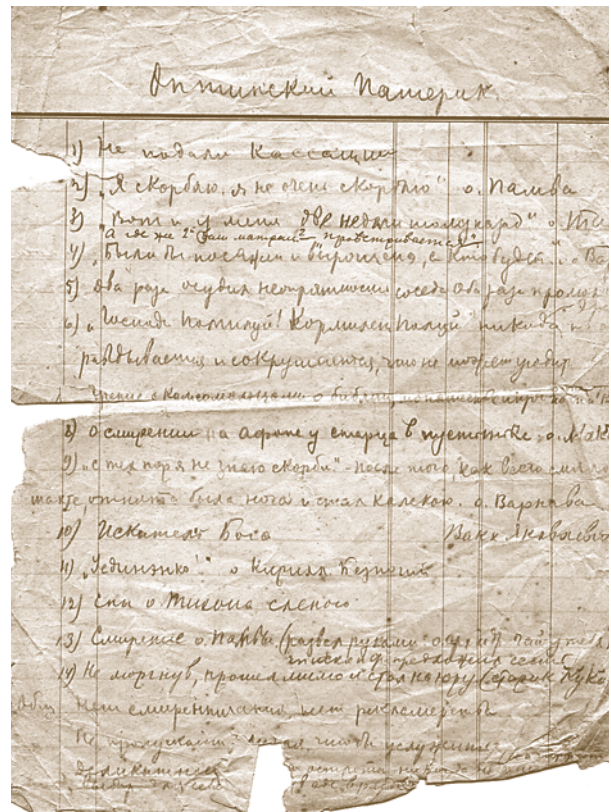
¹ ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Д. 43. Л. 48.

² Там же.

настроим станет впоследствии епископом и богословом. Недоброжелатели доносили о нем в ОГПУ, что он «неоднократно в коленопреклоненном состоянии у старцев был заставаем»¹ и поддерживает «живую тесную связь с монахами, проживающими в музее и вне его»².

В служебные обязанности отца Агапита в музее входили разбор монастырской библиотеки и составление каталога, а также проведение экскурсий. Посетителям музея он с восторгом рассказывал о прошлом монастыря и о Церкви, в иных случаях совершенно не беря в расчет, кому он говорит о вере, вероятно памятуя апостолов, которые несли благовестие и не сочувствующим им. Секретаря Наркомпроса Ушакова он, например, с увлечением знакомил с монастырской библиотекой. «Я пробыл с ним 2 часа... — писал тот, — и его рассказы о значении той или иной древней книги или картины, или вещи таковы, что при выходе из музея поневоле приходится сказать: „Как много религия сделала для культуры, и как жаль, что она теперь находится в загоне“»³. «Человек, находящийся в настоящее время в близкой дружбе с монахами и не пропускающий ни одной церковной службы, может ли являться ученым сотрудником музея? <...> Мне кажется выгоднее и полезнее иметь сотрудником неученого спеца, чем такого „слишком ученого“»⁴, — писал Ушаков в своем отчете о работе музея.

Заведующая музеем «Оптина Пустынь» Карпова предложила вышестоящему начальству уволить Таубе, как человека настроенного мистически, что крайне нежелательно для музея, который и так зарекомендовал «себя среди властей и населения, как единица остав-

Наброски к «Скитскому патерику» монаха Агапита (Таубе). Автограф

шегося старых традиций монашества...»⁵ 23 февраля 1925 года монах Агапит был уволен из музея⁶. После он жил то на родине, в Петрограде, то около Оптиной, готовя себя к священническому служению и зарабатывая на жизнь преподаванием иностранных языков, из которых прекрасно знал французский, немецкий, английский, итальянский и латынь⁷.

Отвечая на вопросы отца Агапита относительно рукоположения, иеромонах Никон 14 июня 1927 года писал ему: «Честнейший о Господе отец Агапит! Божие благословение да пребывает над Вами во веки.

Сердечно сочувствую Вам в скорбях Ваших и молюсь о Вас, как о сыне моем духовном. Меня спрашивал отец Лаврентий, и я ему, помнится, ответил, что советую Вам приезжать к нам. <...> О руко-

¹ Оптинский альманах. Святыня под спудом. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2009. С. 214.

² Там же.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Д. 10. Л. 5 об.

⁴ Там же. Л. 5—5 об.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Д. 10. Л. 7 об.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 43. Л. 50.

положении должен сообщить следующее: архиепископ Феофан¹ вообще большой буквалист и стоит на букве закона, и едва ли будет посвящать клирика не из его епархии. Неизвестно нам и то, что имеет ли он вообще возможность рукополагать. <...> На всякий случай хорошо бы послать письмо вашему Е.И.² с просьбой дать свое согласие на посвящение у кого-либо из православных архиереев. Если это будет даже простое письмо, мне думается, оно будет иметь силу. <...>

Да сотворит с нами Господь по воле Своей святой и да управит жизнь нашу во спасение.

Прошу святых молитв и желаю Вам мира и радования о Господе и всякого благополучия...»³

Отправить это письмо отец Никон уже не успел: 16 июня монах Агапит был арестован, и, узнав об этом, отец Никон не стал отправлять письма, а 11 июля был арестован и сам. До дня ареста монах Агапит ходил в светской одежде, а когда пришли гонители, он с радостью надел рясу и ушел в тюрьму христианским исповедником, точно только этого момента и ждал.

1 июля ему было предъявлено следователем обвинение в том, что он «имеет обширные связи с центральными городами Союза ССР и, являясь сотрудником Оптинского музея... связывается с контрреволюционной группировкой означенного музея... и совместно ведет контрреволюционную агитацию и религиозную пропаганду среди широких слоев крестьянского населения. <...> Имея тесную связь с Никоном Беляевым, Таубе, как лицо, связанное со всем научным миром, в целях... контрреволюционной деятельности предоставляет и использует все... возможности»⁴.

¹ Феофан (Туляков) — с 16.09.1927 архиеп. Псковский и Порховский; с 12.11.1935 митр. Горьковский и Арзамасский; расстрелян 4.10.1937.

² Вероятно, кто-либо из епископов.

³ УФСБ России по Калужской обл. Д. П — 16298. Л. 36—37.

⁴ Там же.

Сотрудники ОГПУ в соответствии с идеологией, принятой тогда государством, рассматривали монахов как членов контрреволюционной организации, и потому вопросы о том, пострижен ли человек в монашество, кто именно его постриг и было ли это совершено тайно, для ОГПУ были вопросами не столько религиозными, сколько организационно-политическими. Принявший монашество, и в особенности постригавший, в их глазах были преступниками как члены церковной системы, где давались обеты Богу большие, чем все обещания и договоренности с любыми светскими организациями; искренне принятые монашеские обеты делали монаха неуязвимым для властей, так как невозможно было отобрать что-либо у человека, принципиально отказавшегося от всякого рода стяжаний, невозможно было угрожать ему и лишением жизни, так как для земной жизни он уже был погребен обетами. И потому между государством, отвергающим Бога, и монашеством договоренностей быть не могло. Желая получить сведения обо всех участниках такого антигосударственного деяния, как постриг в монашество, следователь спросил доброго инока:

— Скажите, когда вас постриг в монахи Никон Беляев, где именно это происходило и кто при этом еще был?

Отец Агапит хорошо понимал, как именно следователь будет интерпретировать каждый его ответ, он знал, что по существу незаконно и спрашивать его об этом, так как статьи, предполагающей уголовную ответственность за постриг в монашество, не существует; кроме того, есть вопросы сугубо личные, интерес к которым следователя как представителя государства является незаконным, и сказал:

— На этот вопрос я отказываюсь давать ответ.

— Почему?

— Поскольку касается личной моей жизни.

Это был исчерпывающий с точки зрения закона и по христианской совести

Братия Оптиной Пустыни. Пасхальная седмица. 1910 год

Река Пинега. Архангельская область. 2009 год. Фото Александра Голенева

ответ, и на этом допросы были прекращены.

19 декабря 1927 года Особое Собрание при Коллегии ОГПУ приговорило монаха Агапита к трем годам заключения в концлагерь на Соловках. Но он был оставлен в Кемі, куда отправили и его духовного отца. Первое время они жили вместе в пересыльном лагере, но затем монаха Агапита отправили в одну из лагерных командировок, в лес, на побережье Белого моря, а отец Никон был оставлен в Кемі.

По окончании срока заключения 23 мая 1930 года — Особое Собрание приговорило монаха Агапита к трем годам ссылки, и он был отправлен в Архангельск, куда прибыл в одном этапе с отцом Никоном, что стало для него большим утешением. Здесь им пришлось проходить медицинскую комиссию. Врач, обследовавший отца Никона, заметил, что по состоянию здоровья он мог бы быть направлен в лучшие климатические условия. «Отец Никон, привыкший отсекал свою волю... спросил

совета на этот счет у отца Агапита, который не посоветовал ему предпринимать что-либо в этом направлении, и отец Никон послушался... сказав: „Воля Божия да совершается!“ По прибытии в... Архангельск отец Никон и отец Агапит некоторое время жили вместе. Вскоре отца Никона отправили в [поселок] Пинегу, а отец Агапит остался один вблизи Архангельска»¹.

Монаху Агапиту в то время никто не присылал посылку, и монахиня Амвросия (Оберучева) спросила его в письме: не нужно ли чего послать. Он написал, что нуждается в сапогах, так как его отправляют на работу в лес, на болото. Монахиня Амвросия заказала сшить сапоги монаху-сапожнику, который и раньше шил для отца Агапита и знал его мерку, и затем отправилась в деревню, за несколько километров от Архангельска, передать их вместе с продуктами отцу Агапиту. «В этой же деревне, — вспо-

¹ Мария (Добромыслова), монахиня. Житие оптинского старца Никона. Козельск: Введенская Оптина Пустынь, 1996. С. 408.

минала она впоследствии, — поселился и присланный сюда с Соловков владыка Тихон Гомельский¹. Он радушно встретил нас. Помещение у него было хорошее, он снимал две комнаты. В одной была марлевой занавеской отделена часть для алтаря»².

Отец Агапит нашел квартиру для монахини Амвросии и посетил ее на следующий день. Он стал рассказывать об отце Никоне; с большой любовью и теплотой он вспоминал их совместную жизнь и грустное расставание и попросил, чтобы мать Амвросия обязательно писала отцу Никону, так как ее письма всегда были для него большим утешением. Получив добротные сапоги, отец Агапит отдал в починку валенки; через день он был арестован вместе с епископом Тихоном.

Живя в Архангельске, монах Агапит познакомился с архиепископом Архангельским Антонием (Быстровым)³ и некоторыми ссыльными епископами и священниками, а с владыкой Тихоном (Шараповым) он жил в самом ближайшем соседстве. 23 января 1931 года архиепископ Антоний был арестован, по тому же делу были арестованы двадцать один человек, и среди них монах Агапит. Вскоре после ареста он, как и многие другие подследственные, был отправлен в 5-й лагпункт вблизи станции Пинюг, где его продолжали допрашивать, и в частности, о том, знает ли он о совершавшихся епископом Тихоном тайных богослужениях. Заявив, что он никогда не видел, чтобы его сосед-епископ совершал дома тайные богослужения, и что никаких бесед между ними не было, он сказал: «Винновым в антисоветской агитации себя не признаю, так как никогда и нигде на

политическую тему антисоветских разговоров не вел»⁴.

Монах Агапит был обвинен в том, что он являлся ближайшим сторонником епископа Тихона, выполнял его задания среди крестьян, участвовал в помощи ссыльному духовенству, которую организовал архиепископ Антоний, и выдавал себя среди крестьян «за мученика и невинного страдальца за веру Христову»⁵.

Вскоре монахиня Амвросия получила от отца Агапита телеграмму с адресом, в которой он просил прислать ему валенки, ибо зимой без валенок во время суровых морозов он оказался в весьма тяжелом положении. Она решила собрать ему посылку и отвезти. Ехать нужно было на электричке. Некая девушка взялась ее проводить. «Посылку увязали в саночки, и поэтому пришлось стоять с ней на площадке, — вспоминала монахиня Амвросия. — Электрички полны одних рабочих-мужчин... Наша станция. Со ступенек электрички надо сходить прямо на обледеневшую горку. Я, конечно, упала. Через мою голову прыгают рабочие. Чья-то рука оказалась над моей головой и защищала меня от прыгающих. Слава Тебе, Милосердный!

Расспросили, где здесь помещаются заключенные. Версты две или больше надо идти... Заскорузлые низкие деревца, между ними тропинка, по которой мы и пошли... Спаси Господи девушку. Она везла санки и решила меня проводить до места. <...>

Я стала дожидаться, добиваясь приема. Наконец меня впустили в палатку и раскрыли посылку. Не найдя ничего недозволенного, отнесли, и я получила ответную записку с благодарностью. Сделалось совсем темно, надо где-нибудь ночевать... Мне дали ночлег: пустили какие-то семейные добрые люди. На другой день даже угостили меня блинами и на дорогу дали. Занесла их, про-

¹ Тихон (Шарапов), еп. Гомельский, вик. Могилевской епархии; с 17.07.1936 еп. Алмаатинский; расстрелян 3.10.1937.

² Амвросия (Оберугева), монахиня. История одной старушки. М., 2005. С. 433.

³ Священномученик Антоний (Быстров) (†1931). Память 3/16 июля.

⁴ УФСБ России по Архангельской обл. Д. П—11397. Л. 70 об.

⁵ Там же. Л. 161.

*Архангельская область. Пинежский район. Разрушенный храм. 2009 год.
Фото Александра Голенева*

ходя мимо палатки, просила отдать их отцу Агапиту. Он опять ответил мне запиской»¹.

2 декабря 1931 года монах Агапит был приговорен к трем годам заключения в концлагерь и отправлен в Мариинские лагеря в Сибирь.

После возвращения из заключения он поселился в городе Орле, где в то время жило много ссыльных и отбывших заключение в лагерях. Иногда он приезжал в Москву, где встречался со знакомыми по Оптиной Пустыни.

В начале 1936 года отец Агапит заболел: у него образовалась опухоль на языке. Друзья предлагали лечь в больницу. Он выехал в Москву, операция была сделана, но врачи предупредили, что могут быть последствия. Через некоторое время обнаружилась новая опухоль, операцию уже делать было бессмысленно. Перед последним отъездом в Орел отец Агапит навсегда попрощался со всеми знакомыми — попрощался просто, спокойно, будто только на время уходя от

всех, чтобы, если Бог благословит, встретиться, но уже в иной жизни.

Страдания отца Агапита с течением болезни все более возрастали; ни есть, ни говорить он уже не мог, но при этом он не терял бодрости духа и, пока были силы, ходил в храм. Когда ему было что-либо нужно, он писал записку старушке-хозяйке, жившей на другой половине дома, через стену от него. Они договорились, что, когда станет совсем плохо, он ей постучит. 18 июля он постучал в стену, и когда хозяйка вошла, то увидела, что монах Агапит лежит не сводя глаз с иконы Божией Матери. «Лицо его было сосредоточенно и кротко. Ни боль, ни страх не искажали его. Он не стонал, только дыхание становилось все реже...»² Впоследствии она рассказала, что «переносил он свои страдания так светло, что она молится о нем, как о святом»³.

Монах Агапит скончался 18 июля 1936 года и был погребен на одном из городских кладбищ Орла.

¹ Амвросия (Оберугева), монахиня. Указ. соч. С. 436—437.

² АОП. Фонд новомучеников и исповедников. Неопубликованные мемуары Н.А. Павлович. Невода памяти. Гл. 3. Монах Агапит. Машинопись.

³ Соль земли / Сост. С. Фомин. М., 1998. С. 303.

Иеромонах Нестор (Кумыш)

Иеромонах Аифал (Панаев) (1879–1935?)

Оптинский иеромонах Аифал (в миру Александр Павлович Панаев) родился в 1879 году в деревне Горки Боровичского уезда Новгородской губернии. Отец его, Павел Панаев, был крестьянином. До 27-летнего возраста Александр проживал в родительском доме, помогая отцу в ведении хозяйства. В 1906 году он принимает решение оставить мир и удалиться в монастырь. Впоследствии отец Аифал сам покажет на допросе, что сначала он думал вступить в Александро-Свирский монастырь Олонецкой губернии, но потом изменил свое решение. Ему «захотелось попасть в более строгие условия и подальше от родных», и он, «по совету знакомого», поехал в Оптину Пустынь, с которой уже не расставался до самой ее ликвидации.

Шесть лет длился испытательный срок для вновь поступившего в обитель трудника Александра. 2 сентября 1912 года настоятелем архимандритом Ксенофонтом он был пострижен в монахи с именем Аифал. Ему назначено было послушание заведующего монастырской иконно-книжной лавкой¹.

Последующие шесть лет были для отца Аифала временем усвоения строгих правил монашеской жизни, к которой стремилась его душа, а также драгоценным периодом окормления у оптинских старцев. Краткими оказались эти годы. В 1918 году отца Аифала призвали на военную службу. Он был зачислен в тыловое ополчение и прикомандирован к войскам ВОХРа. После демобилизации, в 1921 году, он возвращается

в обитель, которая к тому времени уже становится сельхозартелью. Часть монастыря власти превращают в музей, и отцу Аифалу удается получить в нем место сторожа, которое он будет занимать на протяжении пяти лет, самых скорбных в истории Оптиной. Трагедия разорения горячо любимой пустыни была пережита им от начала и до самого конца.

Ничто не мешало отцу Аифалу после демобилизации вернуться домой, в Боровичский уезд, и поселиться в доме своего отца. Видя открывшиеся гонения, он не мог не понимать, на что обрекает себя, возвращаясь в монастырь. Однако ни годы, проведенные в рядах Красной армии, ни страх перед набравшими силу гонениями не смогли вернуть его обратно в мир. Хоть сторожем при музее, но в Оптиной. Это нежелание жить мирской жизнью отец Аифал сохранит в себе даже в концлагере. После окончания срока заключения он откажется возвращаться на свободу, и только настойчивые уговоры близких людей заставят его изменить свое решение.

Но в 1924 году, используя время отпуска, отец Аифал все-таки съездил на родину. Отправился он туда в сане иеродиакона². Целью его поездки была встреча с

¹ ГАКО. Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 339. Л. 30.

² Кто и когда совершил чин дьяконской хиротонии, установить не удалось. В «Дневнике очевидца», написанном неизвестным лицом для сугубо личного использования, содержатся скудные сведения об окончательном изгнании монахов из Оптиной Пустыни. Под 29 июля 1923 года имя отца Аифала помечено как имя иеродиакона, сослужившего в этот день в Казанском храме отцу Тихону. См.: Дневник очевидца // Вестник РХД. 1976. № 117. С. 55.

*Оптина Пустынь. Вид с северо-запада. Открытка. Конец XIX — начало XX века.
Калужский областной краеведческий музей*

новопоставленным Боровичским епископом Никитой (Стяговым)¹, успешно проводившим борьбу с обновленцами, незаконно захватившими церковную власть в Новгородской епархии. Возможно, владыка Никита уговаривал отца Аифала остаться в Боровичах и предлагал ему место на приходе. Оптиная была к тому времени закрыта. Результатом этих переговоров стала иерейская хиротония отца Аифала, совершенная епископом Никитой. Однако, по всей видимости, жизнь в миру, в отрыве от братии, пришлась не по душе пустыннолюбивому иноку, и через некоторое время он вернулся на работу в монастырь.

В Оптиной Пустыни в должности музейного сторожа отец Аифал проработал до 1926 года, когда там из монахов почти уже никого не осталось. В том же году он попал под сокращение. Может быть, отец Аифал был последним иноком, оставившим в то время Обетованную землю русского монашества. По выходе из Оптиной он поселился в Козельске, го-

роде, приютившем на короткий срок уцелевших от разгрома обители оптинских иноков. Здесь отец Аифал поддерживал духовную связь с оптинской братией и даже в 1926 году по благословению архимандрита Исаакия (Бобракова) некоторое время был исполняющим обязанности настоятеля Успенского соборного храма города Козельска.

По сохранившимся свидетельствам очевидцев, отец Аифал отличался строгостью к себе и подлинно монашеским смирением. «Это был прекрасный инок, истинный исполнитель заповедей Христовых и раб Христов, по глубочайшему смирению своему один из немногих», — так писала об отце Аифале монахиня Мария (в миру Мария Семеновна Добромыслова) в книге об иеромонахе Никоне (Беляеве)². Другая мемуаристка, вспоминая приезд отца Аифала к оптинскому старцу Нектарию (Тихонову), когда тот жил на хуторе Плохино, повествовала: «...Приехал из Козельска иеромонах Аифал — смиренный и истинный монах.

¹ Скончался иерарх-исповедник в 1936 году в сане архиепископа.

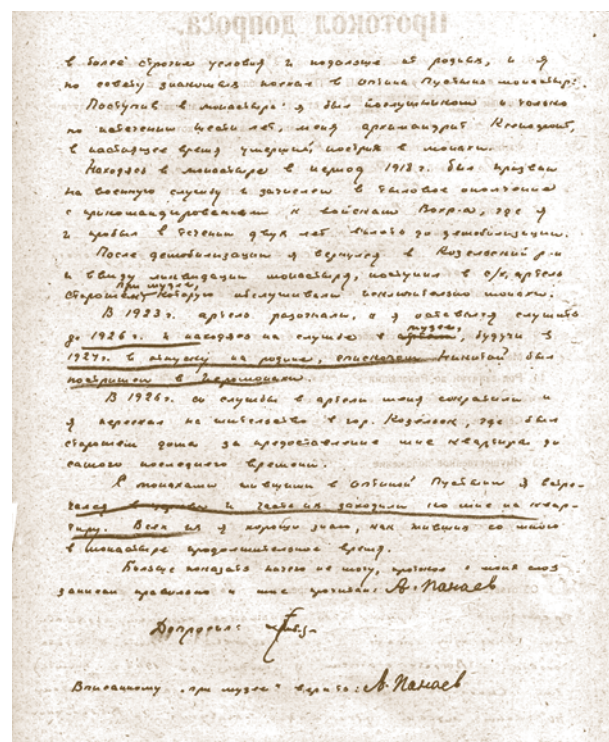
² Мария (Добромыслова), монахиня. Житие оптинского старца Никона. Козельск: Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1996. С. 347.

Слабый вообще, к тому же прошедший эдакий дальний путь (от Козельска верст 60), да еще со свертками каких-то поручений. Когда он вошел к батюшке, то стал на колени в ожидании благословения. А батюшка, зная его как идеального послушника, как бы не обращая внимания на коленопреклоненного отца Аифала, оставил его в таком смиренном положении (вероятно, для примера окружающих) и стал обходить ряд других пришедших. Только когда кончил со всеми, благословил его и принял от него поручения. Отец Аифал все это время так и был в таком коленопреклоненном положении, как встал при входе перед батюшкой. Да, отец Аифал был образцом истинного монаха. Про него говорила Лидия Зашук: „Я была заведующим оптинским музеем, а он оставался первое время в монастыре, в артели, в качестве рабочего. Надо было в скиту устраивать ‚Дом отдыха‘. И вот, я так требовательно повелевала им, мучила его, а он молчаливо, со смирением, повиновался безропотно“»¹.

Три года продолжалась для отца Аифала жизнь в Козельске. Это было время, когда уцелевшие оптинцы, переселившиеся вместе со своим настоятелем, архимандритом Исаакием, в тихий уездный городок, продолжали, как могли, монашескую жизнь. Жили по несколько человек на квартирах, собирались на службу, вместе отправляли ее в одном храме, все важные вопросы духовной жизни решали через настоятеля и духовников — старцев Николая и Нектария. Изгнанные из монастыря, лишенные имущественных и избирательных прав, не имеющие возможности вести легальную церковную деятельность, превращенные в изгоев общества, оптинские иноки и не помышляли об оставлении своего образа жизни. Власть рассчитывала на то, что монашеская жизнь, лишенная материальной основы, исчезнет сама собой. Но этого не происходило. Более

того, оказавшись в совершенно бесправном положении, оптинские иноки еще и расширяли круг новообразовавшейся в Козельске монашеской общины. Начавшийся постепенный рост религиозности в городе после поселения в нем оптинских монахов не устраивал власти.

Такое положение вещей не могло долго продолжаться в стране, которая ставила перед собой задачу окончательного уничтожения религии. Строителям социалистического благоденствия оставалось одно средство борьбы с монахами — физическое уничтожение представителей «чуждой идеологии». В августе 1930 года Сухиничский окружной отдел ГПУ провел в Козельске карательную акцию, целью которой являлся разгром возникшего в городе очага иноческой жизни. В результате проведения этой акции в Сухиничском доме заключенных оказалось 40 козельских монахов и монахинь бывшего Шамординского монастыря. Всех арестованных объявили единой монашеско-монархической контррево-

Протокол допроса иеромонаха Аифала (Панаева). УФСБ по Калужской области. Д. П-13910

¹ Амвросия (Оберузева), монахиня. История одной старушки. М., 2005. С. 256.

люционной организацией, стремившейся к реставрации монархического строя.

В числе посаженных за решетку оказался и отец Аифал. Его арест последовал 18 августа. Всего два допроса обвиняемого понадобилось следственным органам, чтобы установить состав совершенного им преступления. Первый допрос состоялся 19 августа, на следующий день после ареста. Он носил сугубо ознакомительный характер. Через две недели, 2 сентября, отца Аифала вызвали на второй допрос. Арестованный не скрывал своих связей с оптинцами, проживавшими в Козельске, но отказался признать себя виновным в предъявленных обвинениях. Никакой агитации, направленной против существующей власти, он не проводил. Какая там агитация, если смирению оптинского инок удивлялись даже работники советских учреждений? Этих двух формальных допросов было достаточно для того, чтобы приговорить обвиняемого А. Панаева к пятилетнему заключению в концлагерь¹.

4 января 1931 года отец Аифал вместе с другими заключенными был отправлен этапом из Смоленска в Соликамск. Нет никакой информации о том, как складывалась его лагерная жизнь. Но достоверно известно, что концлагерь не принес никаких перемен в душевный настрой оптинского иеромонаха. Он и там оставался таким, каким был до отправки. Вот что пишет о кончине отца Аифала монахиня Амвросия (Оберучева) в книге своих воспоминаний: «Отбыв свой срок,

он не решался возвратиться в мир при своем строго монашеском устроении. Он оставался еще год или более на месте ссылки, где ему пришлось поступить на место ночного сторожа, отбивать часы на колокольне. Он писал, что его даже страшит освобождение. Но после уговоров благочестивых людей, которые приготовили для него комнату, он, наконец, решился. Поговел, написал письмо отцу архимандриту о своем решении, просил прощения и благословения. Но как он боялся попасть в мир, так и не пришлось. Дорогой (не доезжая до места, куда он ехал, только верст двадцать) грабители в пустом вагоне отняли у него деньги — а их было только девять рублей — и вытолкнули из поезда. Железнодорожники подняли его. Через несколько часов отец Аифал скончался, удостоившись мученической кончины. Погребение было монашеское, о нем чудесным образом узнали близкие»².

К этому рассказу монахини следует добавить дошедшую до наших дней еще одну немаловажную деталь о смерти отца Аифала. Козельские старожилы говорили, что, когда железнодорожники нашли его лежащим на откосе полотна, окровавленного, и уже в бессознательном состоянии, губы его повторяли Иисусову молитву.

Везная тебе память, приснопамятный и достоблаженный отче, образец смирения, терпения, кротости, незлобия и молитвы!

¹ Архив УФСБ по Калужской области. Д. П—13910.

² Амвросия (Оберучева), монахиня. Записки старицы, получившей много милостей от Бога. М., 2009. С. 434.

С преподобным преподобен будеши

Марина Можарова

Оптинский старец Амвросий в письмах К.Н. Леонтьева

Впервые Константин Николаевич Леонтьев побывал в Оптиной Пустыни еще ребенком. В памяти его матери сохранились слова маленького паломника, которому так понравилось в монастыре, что он сказал ей: «Вы меня больше сюда не возите, а то я непременно тут останусь»¹. По прошествии лет интуитивный порыв

жизнь в полное руководство старцу Амвросию.

Ясное осознание невозможности жизни без настоящей веры пришло к Константину Николаевичу только в зрелые годы. В 1870 году племянница Леонтьева, повидавшая его в Турции, рассказала его матери, что он, несмотря на все удачи по службе, стал тосковать и думать о

Оптина Пустынь. Вид со стороны ризничного корпуса. Открытка. Начало XX века

к Оптиной, о котором Леонтьев, по его признанию, даже не помнил, обернулся осознанным желанием поселиться вблизи стен монастыря, вверив свою

том, чтобы кончить жизнь в монастыре. «В конце 60-х годов (под 40 лет), — писал Леонтьев, — я был уже исторически подготовлен (если можно так выразиться про отдельное лицо) к восприятию учения Церкви; я очень желал уже и тогда уверовать снова, как верил в детстве, с просто-

¹ Леонтьев К.Н. Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе // Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. М., 2002. С. 103.

*Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь. Фотография.
Начало XX века*

тою сердца и живостью»¹. О причинах и обстоятельствах, приведших Константина Николаевича к духовному перерождению, он рассказал незадолго до своей кончины в письме к В.В. Розанову. В ответ на просьбу писателя объяснить, что заставило его так неожиданно оставить успешную дипломатическую карьеру, Леонтьев писал: «Причин было много разом, и сердечных, и умственных, и, наконец, тех внешних и, по-видимому (только) случайных, в которых нередко гораздо больше открывается Высшая Телеология, чем в ясных самому человеку его внутренних перерождениях»². В основе этого решения, по словам Константина Николаевича, лежали, с одной стороны, «давняя (с 1861–62 года) философская ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни», а с другой — «эстетическая и детская какая-

то приверженность к внешним формам православия»³.

Решающую же роль в духовном переломе сыграло событие, произошедшее летом 1871 года в Салониках. Внезапная сильная болезнь (приступ холеры) и страх неожиданной смерти заставили Леонтьева с сердечной молитвой обратиться к Матери Божией перед Ее образом, привезенным с Афона: «Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в высшей степени развратную, утонченную, грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного, верующего и в среду, и в пятницу, и в чудеса, и даже постригусь в монахи...»⁴. Через два часа, еще прежде чем явился доктор, Леонтьев почувство-

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 345.

² Там же. С. 586–587.

³ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 587.

⁴ Там же. С. 588.

вал себя здоровым, и через три дня он был уже на Афоне. Немедленно постригаться его отговорили старцы, но под их руководством Константин Николаевич, по его собственным словам, очень скоро стал православным.

В сентябре 1871 года Леонтьев депешей известил посла в Константинополе Николая Павловича Игнатьева, что по нездоровью не может управлять консульством, после чего почти год прожил в русском монастыре святого Пантелеимона на Афоне. Значение произошедшего в нем перелома и этого последнего периода его жизни Леонтьев впоследствии оценил так: «...все главное мною сделано после 1872—73, т. е. после поездки на Афон и после страстного обращения к личному православию... Личная вера почему-то вдруг dokonчила в 40 лет и политическое, и художественное воспитание мое»¹.

В июле 1873 года Леонтьев, живший тогда в уединении на острове Халки (близ Константинополя), написал архимандриту Леониду (Кавелину), в то время настоятелю Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, о своем желании «жить при монастыре в России, и особенно при одном из подмосковных»². Константин Николаевич рассказал отцу архимандриту и о внутреннем своем настроении — «чувстве русского человека, пресыщенного западною мудростью, не верующего во все прелести прогресса и его обещания», — и о внешних обстоятельствах своей жизни: «Я женат, детей у меня нет, с женой я брачно не живу уже около трех лет, впрочем, мы согласны, и она от всего сердца старается теперь вступить на мой путь. Я имею от нее письменное дозволение на пострижение, она дала мне его для Афона»³.

Старцы отец Иероним и отец Макарий (архимандрит монастыря святого

*Иеросхимонах Иероним (Соломенцов).
1877 год*

Пантелеимона), отговорившие Леонтьева спешить с пострижением, благословили его продолжать литературные труды. Учитывая состояние здоровья Константина Николаевича и его привычку к независимости, афонские духовники говорили, что ему необходимо «духовное подчинение и вместе с тем некоторая телесная свобода». По словам Леонтьева, и сам он, изучая монашескую жизнь на Афоне и испытывая себя, тоже убедился, что на первое время для него нет ничего лучшего, как «пожить при хорошей обители и под хорошим руководством... в виде полумирского поклонника»⁴.

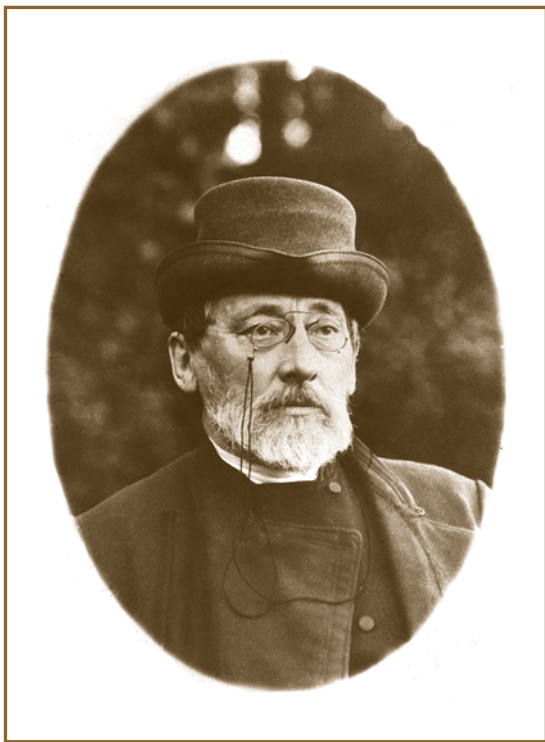
Весной 1874 года отставной дипломат Леонтьев вернулся в Россию. Успенским постом он приехал в Оптиную Пустынь с письмами от афонских старцев к отцу Амвросию. В этот же приезд Константин Николаевич говел и впервые исповедовался у Батюшки. О первой встрече со старцем Леонтьев вспоминал: «В семи верстах от Оптиной, в лесной

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 587.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 101.

⁴ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 100.

Константин Леонтьев. 1889 год

глуши, есть дача, на которую ездит иногда отдыхать от многолюдства давно уже изнемогающий оптинский Старец, отец Амвросий. Там на небольшой зеленой лужайке построена простая, чистая и просторная изба; в ней по несколько дней проводит от времени до времени отец Амвросий. Люди, однако, и там находят его. Когда я посетил в первый раз Оптину, я должен был ехать на эту дачу, чтобы передать духовнику письма, которые у меня были к нему с Афона. Вокруг избы на лугу уже было довольно много народа: монахи, крестьяне, крестьянки, монахини, дамы. Длинные жерди на столбиках были заложены со всех сторон, чтобы все разом не теснились к Старцу и не мешали ему беседовать тихо с тем, кого он уже позвал. Все терпеливо ждали: одни сидели на траве, другие стояли, облокотившись на жерди, в надежде, что Старец, проходя мимо, благословит их или скажет хоть какие-нибудь два слова. Многие, имея какое-нибудь дело, желали только одного: чтобы при начале этого дела Старец

молча перекрестил их. Больше ничего. Для этого многие приходят издали. Было очень жарко. Болезненный Старец в это время ходил тихонько по лугу под большим полотняным зонтиком и разговаривал с каким-то мужиком. Они беседовали долго. Когда очередь дошла до меня, то Старец, уже утомленный ходьбой, позвал меня в комнату»¹. Здесь повествование об отце Амвросии прерывается, и Леонтьев переходит к рассказу о первой встрече с оптинским иеромонахом Климентом (в миру Константином Карловичем Зедеггольмом), которому суждено было сыграть важную роль в жизни Константина Николаевича. Их знакомство состоялось в келье старца Амвросия.

Подробности же первой встречи Леонтьева с самим отцом Амвросием сохранились в памяти племянницы Константина Николаевича. По поводу первой исповеди у Старца Леонтьев говорил ей: «...до чего трудно беседовать с отцом Амвросием, который вести долгую беседу... не может, как это делал афонский старец»². Впрочем, по словам Марии Владимировны, Леонтьев «много оживился в обители» и уехал в свое имение Кудиново, находившееся в шестидесяти верстах от Оптиной, «снабженный советами Старца»³.

Период от возвращения с Востока и до поселения в Оптиной Пустыни Н.А. Бердяев назвал «самым тяжелым и несчастным» в жизни Леонтьева: «Вся его жизнь стоит под знаком нужды, болезней, духовного одиночества и непризнания. Внутренне же жизнь его поставлена под

¹ Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедеггольм) — иеромонах Оптиной Пустыни // Православный немец. Иеромонах Климент (Зедеггольм) — насельник Козельской Оптиной Пустыни. Введенская Оптина Пустынь, 2002. С. 50–51.

² Цит. по кн.: Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002. С. 295.

³ Там же. С. 295.

знак стремления к монашеству»¹. В письме близкому другу и сослуживцу по дипломатическому ведомству, Константину Аркадьевичу Губастову, Леонтьев писал 4 ноября 1874 года: «Я был сверх сил обременен в одно и то же время заботами о завтрашнем дне, тяжкими для меня сношениями с Катковым, хлопотами по банкам, нотариусами, мировыми судьями, расчетами с братьями, старыми недугами, сожалением и заботами о судьбе бедной жены, спешными литературными делами, горестью при виде опустошения родного имения и стольких близких могил, и при всем том духовные потребности жили своим чередом»². В этом же письме Леонтьев сообщил другу, что он наконец-то «причалил к пристани», то есть принят в число братии Николо-Угрешского монастыря, находящегося в пятнадцати верстах от Москвы: «Монастырь красив, архимандрит ко мне очень милостив, келия опрятна и просторна. Я уже брат Константин, а не К.Н. Леонтьев. Писать мне не запрещают, но я надеюсь, что с Божией помощью и от этой дурной привычки я постепенно отстану»³.

О перемене в своей жизни Константин Николаевич сообщил также Н.П. Игнатьеву в письме от 6 ноября 1874 года: «На этой неделе Господь, вняв наконец моим молитвам, сподобил меня быть принятым в число братии Николо-Угрешского монастыря под Москвой, и отец архимандрит Пимен⁴ — настоятель наш — милостив и снисходителен ко мне вовсе не по заслугам моим, ибо в мои года, как Вы знаете, уже и трудно стать хорошим иноком; слишком сучьев многоросло,

которые обрубать надо!»⁵ Казалось бы, желаемая цель достигнута, и Константин Николаевич обрел то, что искал, — место в обители. Но уже весной 1875 года, дошедший до крайнего изнеможения, больной Леонтьев покинул Угрешу. Позднее в «Исповеди» он вспоминал: «Телесно мне через 2 месяца стало невыносимо, потому что денег не было ни рубля, а к общей трапезе я никак не мог привыкнуть... Ел только, чтобы прекратить боль в желудке, а сытым быть — и забыл, как это бывают сыты... Отец Пимен звал меня дураком и посылал в сильный мороз на постройки собирать щепки... Братия была груба и завистлива. Старались подвести и нарочно очень худо говорили об игумене, а я защищал его и просил оставить эти разговоры»⁶.

К.А. Губастов вспоминал, что летом 1875 года нашел Леонтьева «похудевшим и постаревшим»: «Он много говорил и рассказывал мне подробности перенесенного им монашеского послушания. Архимандрит назначил его носить воду, дежурить зимою у ворот, и он все исполнял покорно. Но смирения этого хватило ненадолго. Произошла из-за чего-то размолвка с настоятелем, и впечатлительный и раздражительный брат Константин, довольный тем, что перенес раз в жизни, христианства ради, тяжелые послушания, перебрался в Кудиново»⁷. О времени, проведенном в монастыре, и о причинах возвращения «в мир, в свое Кудиново», Леонтьев рассказал также в письме Константину Дмитриевичу Гагарину 16 июля 1875 года: «В Угреше я старался исполнять все, как мог, но не мог никак приучить себя к слишком уж грубой и простой будничной пище в общей

¹ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. У.М.С.А.-PRESS. PARIS, 1926. С. 125.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 106.

³ Там же. С. 106, 107.

⁴ Архимандрит Пимен (в миру Петр Дмитриевич Мясников) (1810—1880), происходил из купцов.

⁵ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 108.

⁶ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба: Автобиография Константина Леонтьева // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 488–489.

⁷ Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сб. СПб., 1911. С. 216.

трапезе, а покупать свое было в январе и феврале вовсе не на что; я до того ослабел от голода и заболел Великим постом от какой-то нервной одышки, что сам архимандрит Угрешский благословил меня пожить на воле в деревне, а осенью вернуться, если хочу, в монастырь»¹.

В этом же письме Леонтьев сообщал, что Успенским постом будет говеть в Оптиной Пустыни и, причастившись, вернется в Кудиново, где намерен пробыть до глубокой осени. Дальнейшие его планы были неясны: «Что я буду делать позднее — это как Богу угодно. Мне бы хотелось навсегда устроиться так — зиму в Оптиной Пустыни, лето у себя в деревне»². Как ни тяжела была в бытовом отношении монастырская обстановка для Леонтьева, однако очевидно, что без монастыря Константин Николаевич уже не мыслил своей жизни. Красноречиво о том свидетельствует и такая, казалось бы, незначительная деталь, о которой в письме К.Д. Гагарину упоминает Леонтьев: «Я даже по вольности дворянства продолжаю носить монашеский подрясник, а для тех выездов, при которых уже вовсе нельзя себе этого позволить, сшил себе черную поддевку чуть не до пят длиною, чтобы больше походить на инока, чем на европейского хама-буржуа»³.

В августе 1875 года Леонтьев сообщил К.А. Губастову, что говел в Оптиной, что «ее старцы славятся наравне с афонскими» и что они очень расположены к нему. В эту поездку был разрешен, вероятно, главный для Константина Николаевича вопрос. Старцы, писал он, «изучивши как характер мой, так и мои обстоятельства, находят, что мне еще надо продолжать заниматься литературой»⁴. Из письма следует, что Леонтьев в этот

приезд в Оптину беседовал не с одним отцом Амвросием.

В октябре 1875 года Константин Николаевич, тяготясь удобной, но однообразной кудиновской жизнью, провел некоторое время в Мещовском монастыре святого Георгия, расположенном в тридцати пяти верстах от его имения. Этот «бедный, скромный, малолюдный», по его словам, монастырь привлек Леонтьева тем, что игумен в нем был «прекрасный» — «ученик знаменитой Козельско-Оптинской Пустыни». Константин Николаевич приехал туда, чтобы «помолиться, попоститься, познакомиться с монахами»⁵. Так Оптина постепенно, прямо и опосредованно, входила в жизнь Леонтьева и занимала в ней все более значимое место.

В середине 1870-х годов Константин Николаевич еще не решался исполнить обет, данный им в 1871 году в момент смертельной опасности. Причин тому, вероятно, было несколько: телесные недуги не оставляли Леонтьева; воспоминание о трудностях жизни в Николо-Угрешском монастыре было еще свежо в памяти; и главное — Оптина Пустынь в это время еще не стала для Константина Николаевича тем единственным и родным местом на земле, каким станет впоследствии. Путь к ней оказался долгим и нелегким. При этом монашество и монастыри уже навсегда стали постоянной темой размышлений Леонтьева.

Необходимо отметить также, что почти все написанное Константином Николаевичем на эту тему в 1880-е и 1890-е годы было продумано и пройдено опытом намного раньше. Так, в 1888 году в письме к Иосифу Ивановичу Фуделю, готовившемуся стать священником, Леонтьев писал о полезности того, чтобы «в монахи шло побольше просвещенных дворян». Предваряя рассказ о своем собственном пути к Церкви (и пояснив при этом, что имеет в виду не «высокую про-

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 115—116.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 123.

Оптина Пустынь. Открытка. Конец XIX века

стоту сердца», а «простоту внешнюю»), Константин Николаевич заметил: «Хороша „простота“, но не на всех она хорошо действует, многих людей тонких она отталкивает и внушает ту мысль, „что этот простой человек не то чувствует, что я“. И мне нужно было ознакомиться с Хомяковым, Аксаковым и некоторыми католиками, чтобы захотелось ехать к святым из русских купцов и греческих мужиков. К афонским я скоро привык, по возвращении в Россию мне даже к повиновению отцу Амвросию трудно было привыкнуть. Помог человек моего круга Константин Карлович Зедеггольм, в монашестве отец Климент! Ему я невыразимо обязан!»¹

В 1889 году в письме, адресованном И.И. Фуделю, Леонтьев размышлял о современном русском монашестве, которое, по его мнению, «плоховато», но «это касается не учения его, а зависит больше всего от того, что люди в него теперь идут не лучшие. <...> И через это, — продолжал

Леонтьев, — среднего уровня монахи не могут, так сказать, лично особенно нравиться людям развитым и сильно влиять на них. Нужны истинные прозорливцы и особенно одаренные люди, чтобы влиять на нас, как влияет, например, отец Амвросий. Да и то не без предварительной подготовки светскими людьми высокого образования. Не знаю, например, так ли бы легко повлиял на меня отец Иероним Афонский (старооскольский купец образования 20-х и 30-х годов!), если бы меня хоть немного не подготовили славянофилы и некоторые даже католические писатели»². О том, каким он был перед поездкой на Афон, Леонтьев упомянул в своей книге, посвященной иеромонаху Клименту (Зедеггольму): «Я в то время, как и большинство членов „современной русской интеллигенции“, ничего не понимал в христианстве и тем более в монашестве»³.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 426.

³ Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедеггольм) — иеромонах Оптиной Пустыни. С. 106.

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 414—415.

Европейское образование, заронившее в умы многих русских людей зерна рационализма, неверия и нигилизма, получало все большую власть над нетвердыми в вере душами. Ясно видя опасность расцерковления образованной части общества, Леонтьев указывал на возможный путь восстановления традиционного строя русской жизни. На своем личном опыте он убедился, каким долгим может быть этот период *предварительной подготовки*, о котором он писал, и как тернист путь возвращения в лоно Церкви. Леонтьев стал одним из немногих, кто вслед за ранними славянофилами старался *звонить во все колокола*, призывая русское общество одуматься. В этом величайшая его заслуга. И о значении старчества для современной России, никто из людей круга Леонтьева не написал так, как он.

Интерес к монашеству и понимание его значения для России (кроме того главного источника, каким явился личный жизненный опыт) Константин Николаевич получил также *в наследство* от своего друга и наставника в духовной жизни — иеромонаха Климента (Зедергольма). От него услышал Леонтьев совет Ивана Васильевича Киреевского: «Если вы хотите узнать основательно дух христианства, то необходимо познакомиться с монашеством, а в этом отношении лучше Оптиной Пустыни трудно найти»¹. Эти слова впоследствии Леонтьев не раз приводил в своих сочинениях². Если бы Константину Николаевичу известно было и другое высказывание И.В. Киреевского³ о направлении жизни христианина, он, несомненно, цитировал бы и его: «...существеннее всяких книг и всякого мышления — найти святого православ-

ного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов»⁴. Мысль эта удивительно созвучна собственному внутреннему опыту Константина Николаевича, прошедшего долгий и нелегкий путь поиска духовного наставника. В последний период своей жизни художник слова и выдающийся русский мыслитель обрел наконец такое руководство. Он «сердцем ближе других» подошел к Оптиной, именно там, по словам И.М. Концевича, «сложил бремя ошибок и грехов молодости, которые он искупал болезнями и искреннейшим покаянием»⁵.

И.В. Киреевский привел в Оптину К.К. Зедергольма, сына лютеранского пастора. Впоследствии Зедергольм помог найти путь к Оптине Леонтьеву. Все они хранили в себе и передавали другим свет, исходивший от их наставников. Эту благодатную преемственность, существовавшую в разных поколениях духовных чад оптинских старцев, можно уподобить преемственности в самом старческом служении. Только сферы их различны. Назвав иеромонаха Климента «превосходным катехизатором», Леонтьев указал на главное различие этих служений: «Катехизатор убеждает, старец руководит»⁶.

Поступивший в 1862 году послушником в Иоанно-Предтеченский скит при Оптиной Пустыни Зедергольм очень скоро стал помогать старцу Амвросию в его обширной переписке с духовными детьми. «Отец Климент мог превосходно действовать доводами, — писал о нем Леонтьев. — Его значительные светские познания, авторитет его учености, его

¹ Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедергольм) — иеромонах Оптиной Пустыни. С. 34.

² См.: Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 264.

³ Слова из письма И.В. Киреевского к А.И. Кошелеву, впервые опубликованного: Колюпанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева: в 2 т. М., 1892. С. 101—103.

⁴ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. : в 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 257.

⁵ Концевич И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., 2009. С. 237.

⁶ Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедергольм) — иеромонах Оптиной Пустыни. С. 129.

*Оптина Пустынь. Святые врата Иоанно-Предтегенского скита.
Открытка. 1918–1920-е годы*

обширная и основательная духовная начитанность, логическая ясность его речи и в особенности его умение говорить именно тем языком, каким мы все говорим... вот что придавало особый, исключительный вес его словам в глазах образованных людей такого рода, которые не в состоянии стать прямо на духовную точку зрения»¹.

Наступит время, когда и к Леонтьеву в полной мере будут относиться слова, сказанные им самим о рано скончавшемся (в 48 лет) иеромонахе Клименте. Старец Амвросий впоследствии и к Константину Николаевичу будет иметь такое доверие, что нередко будет адресовывать к нему «тех из своих интеллигентных посетителей, которые нуждались в убеждениях о суете мира сего и необходимости веры в Евангелие»². Среди писем Леонтьева есть

обширное и интереснейшее послание, имеющее заголовок: «О вере, молитве, о немощах духовенства и о самом себе». Завершается это письмо, адресованное студенту Московского университета, словами: «Писано по благословию оптинского старца отца Амвросия. Март 1888 г. Оптиная Пустынь»³.

Но это будет позже. Пока же (в 1870-е годы) Леонтьев молится о том, чтобы Господь сподобил его кончить жизнь не в миру, а в монастыре. Ему хочется «именно от добра, а не от худа уйти в Оптину совсем»; спокойно «перешагнуть порог», так же спокойно и просто, как он ездит гостить туда на время. Бывая в Оптиной, Константин Николаевич стремится подольше побыть с отцом Климентом, побеседовать с ним. Знакомым своим советует делать то же. Драматургу Николаю Яковлевичу Соловьеву, например, в феврале 1878 года Леонтьев писал: «...если Вы поедете в Петербург,

¹ Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедегольм) — иеромонах Оптиной Пустыни. С. 129.

² Вытронский Е. Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 2000. С. 169.

³ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 343–351.

заезжайте прежде на неделю в Оптину поговорить с отцом Климентом раз 10 (послушать его просвещенные речи) и попросить святого старца Амвросия благословить Вас на то, чтобы Ваша художественная деятельность была не на вред, а на пользу, хотя бы и косвенную». И далее следует важное добавление: «Даже и как писателю, я считаю необходимым, чтобы Вы несли с собой эти поэтические и русские образы хорошего пустынножительства»¹. Это совет опытного литератора, уже не мыслившего своей жизни без Оптиной Пустыни. Приглашал Леонтьев побывать в Оптиной и Ольгу Алексеевну Новикову, долго жившую за границей и написавшую несколько книг на английском языке в защиту России. «„Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет“, — цитируя Пушкина, писал Константин Николаевич, — и во многих отношениях Русью очень старой даже, до сих пор еще благополучно отстаивающей себя у России новой, либеральной и космополитической, от мерзкой России пара, телефонов, электрического света, суда присяжных, пиджака, „Вестника Европы“»².

Как ни дорога была Леонтьеву его литературная деятельность, но постепенно это поприще теряет значимость в его глазах. Не стремится он и к какой-либо другой деятельности в миру. Однако обстоятельства вынуждают Константина Николаевича вникать в житейские сложности и принимать решения. В сентябре 1877 года, находясь в очень тяжелом положении, когда «ни молиться правильно, ни читать, ни писать, ни думать» он не может, Леонтьев пишет племяннице Марии Владимировне о том, что отец Амвросий «не запрещает, конечно, но не особенно и советует хлопотать о месте земского врача». Вслед за этой фразой следует размышление, которое относится вообще к оптинским старцам и объясняет причину расстроенного состояния Константина

Николаевича: «К несчастью, в их советах мне есть все какая-то нерешительность и даже противоречивость; но это я говорю не в виде ропота на них, а, видно, на то воля Божия, чтобы я был в этих делах опять на свой собственный разум представлен. Тяжело это, когда ни в свой, ни в чужой разум уже давно не веришь, а остается руководиться им». Леонтьеву в эти дни, «почти безумные от озлобления и горести», приходит даже мысль: «...не было ли это искушением с моей стороны, что я не вернулся к Пимену тогда осенью [в 1875 году]»³.

Решительный перелом в отношении Константина Николаевича к старцу Амвросию наступил в год кончины иеромонаха Климента (1878). Так же, как отец Климент, считая себя «непотребным и слабым монахом», «постоянно молил Бога не оставлять его одного на земле без отца Амвросия»⁴, так же и Леонтьев теперь почувствовал необходимость отдать себя в полное руководство старцу. В марте 1878 года Константин Николаевич написал слова, под знаком которых пройдет вся его дальнейшая жизнь: «Я ведь ни во что не верю, кроме Бога и благословения отца Амвросия»⁵. Сказано это было в связи с необходимостью дать ответ графу Игнатьеву, предлагавшему Леонтьеву губернаторство в Болгарии. «Ужаснувшись в душе, — писал Константин Николаевич, — я, однако, протестовать не спешил и... написал сам в Оптину, не скрывая от отца Амвросия, что мне города Болгарии противны, но что я готов с радостью ехать туда, если это можно считать, как щепки отца Пимена»⁶.

В октябре того же года старец Амвросий одним словом решил все сомнения Леонтьева, касающиеся его служебной деятельности. У Константина Николае-

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 190.

² Там же. С. 456–457.

³ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 166, 167.

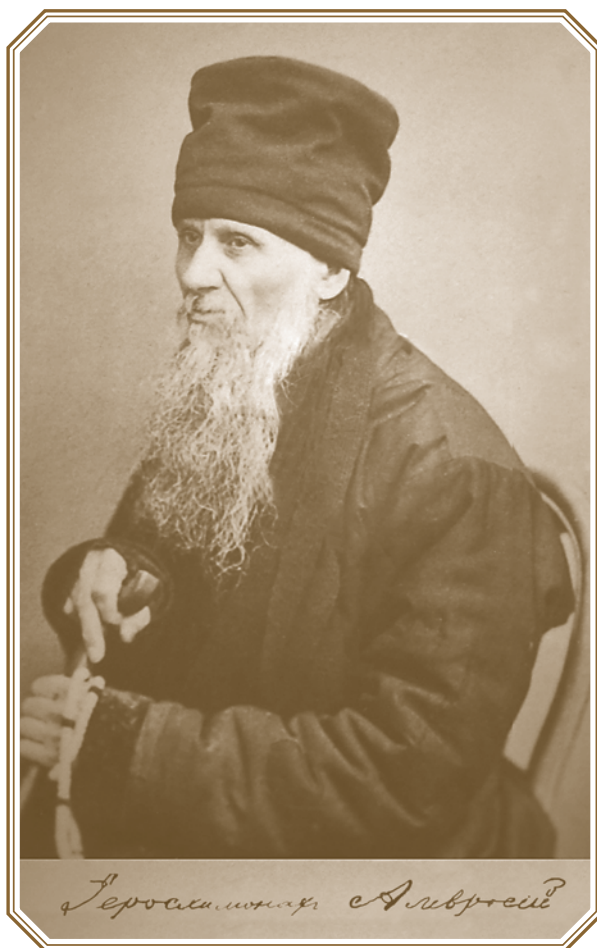
⁴ Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедергольм) — иеромонах Оптиной Пустыни. С. 167.

⁵ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 197.

⁶ Там же. С. 198.

вича в это время было множество разных проектов, «один смелее, другой скромнее», была даже мысль ехать на службу в Ливадию (турецкую провинцию в Греции), только на «мысли о Козельске» он, по его словам, «ни разу не останавливался». Он написал батюшке обо всех проектах, а отец Амвросий «все эти Ливадии и т. п. сразу отсек духовным мечом своим», сказав: «И без того его вызовут на службу, когда придет время. Пусть едет сюда, в Козельск». «Это духовное приказание, — писал Константин Николаевич, — было для меня совершенным сюрпризом; отец Амвросий вообще очень мягок и осторожен со мной. И это решительное слово его ужасно обрадовало меня и доказало мне, что он полагается больше прежнего на мою веру. С души как камень спал, и хотя унывать я не унывал ни минуты все это время, но тихая буря сердца и напряжение ума то для решения отвлеченных вопросов, то по поводу ближайших житейских забот были так постоянно велики, а вера в звезду свою земную так мала, что это решение, не исшедшее от разума глупого (то есть не моего... но глупого разума вообще), а истекшее из сердечного движения мудрого Старца, до невероятности обрадовало меня своею неожиданностью»¹.

Когда испытания начинали, по словам Леонтьева, переходить меру сил, Старец ободрял его и говорил, что это кризис и что дела скоро поправятся. «Буду верить его молитвам и его прозорливости!»² — писал Леонтьев в декабре 1878 года. От мыслей о расстроенном имени, беспокойства, суеты, денежных трудностей, казавшихся порой неразрешимыми, Леонтьев уезжал в Оптину, селился в скиту, в келье покойного отца Климента, писал письма и работал за его столом, и только там успокаивалось его сердце. Правда, и в Оптиной, как когда-то в Угреше, Константин Николаевич,

*Преподобный Амвросий Оптинский
(1812–1891)*

при всех его усилиях, никак не мог привыкнуть к «ужасной скитской пище». Но это обстоятельство уже не могло стать причиной поиска другого монастыря. Леонтьев навсегда связал свою жизнь с Оптиной, без нее он тосковал и постоянно к ней стремился.

В 1887 году Константин Николаевич окончательно поселился у стен монастыря и безвыездно жил в снятом им доме до того дня, пока по благословению старца Амвросия не переселился в Троице-Сергиеву Лавру. Писатель Евгений Поселянин, гостивший у Леонтьева в этом доме, вспоминал: «Особенно уютны были две верхние большие комнаты — его спальня и кабинет, из окон которых открывался привольный, чисто русский вид. К дому прилегал довольно большой сад, обильно засаженный деревьями.

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 215–216.

² Там же. С. 224.

Как-то раз я застал его бродящим по дорожкам, усыпанным осенними листьями, и теперь припоминаю его высокую фигуру и выразительное лицо с печатью мысли и страдания»¹. Самые спокойные и самые плодотворные в творческом отношении годы жизни Константина Николаевича прошли именно здесь, вблизи Оптиной, рядом со Старцем.

Жене, Елизавете Павловне, заболевшей тяжелым душевным недугом, Леонтьев нанял небольшую квартиру в Козельске, где она жила на его пенсию, окруженная заботой. Старца Амвросия Елизавета Павловна очень полюбила. И он принял участие в ее судьбе. Предметом заботы Батюшки стали также неурядицы в отношениях Константина Николаевича с племянницей Марией Владимировной, недостойное поведение слуги, обстоятельства жизни кудиновской горничной Вари, долгое время занимавшей-ся хозяйством Леонтьева.

Константин Николаевич направлял за советом к отцу Амвросию также всех своих знакомых, нуждавшихся в духовной помощи. Так, в августе 1888 года, заботливо предоставив И.И. Фуделю двадцать пять рублей на поездку в Оптину, Леонтьев настойчиво звал его и советовал некоторое время пожить при монастыре: «Человеческий ум не вмещает в слишком короткое время достаточное количество прочных впечатлений, а мне бы хотелось, чтобы жизнь в Оптиной оставила их у Вас побольше. Одно то уже надо взять в расчет, что отец Амвросий семидесяти пяти лет, очень слабый старец... надо успеть не раз с ним повидаться, когда же в 2–3 дня, „по-нынешнему“, налету это успеть? Принять от меня эти деньги... пожалуйста, не стесняйтесь. Иначе Вы меня огорчите. <...> Когда будут лишние, отдадите, а не будут лишние — и не надо! Что за пустяки это сравнительно с теми... последствиями, которые могут произойти от Вашего

сюда приезда!»² Константин Николаевич, как никто другой, знал то «чувство личное», то «сильное, искреннее и простое чувство, которое влечет людей образованных поговорить в Оптиной, поговорить с отцом Амвросием, посоветоваться с ним»³.

В письме к другому своему молодому другу, Анатолию Александровичу Александрову, которого, как и И.И. Фуделя, Леонтьев привлек к Оптиной, Константин Николаевич писал: «Откуда Вы это взяли, что я буду бранить Вас за то, что Вы женились, или сердиться на Вас?.. Плохого же Вы мнения о моем „религиозном“ чувстве! Я, кажется, при Вас сказал еще в Оптиной: „Раз отец Амвросий благословил, о чем же тут толковать?“»⁴ Теперь уже сам Леонтьев именем Старца, как *духовным мезом*, отсекал сомнения, разрешал недоумения — как чужие, так и свои собственные.

Современники Константина Николаевича, хорошо его знавшие, вспоминали о его деликатности, мягкости и доброте, но отмечали также нередко проявлявшуюся способность ставить в тупик и даже пугать собеседника категоричностью и максимализмом суждений. Один из таких случаев, прекрасно характеризующих и самого Леонтьева, и его отношение к старцу Амвросию, сохранился в памяти Е.Н. Поселянина.

«Добродушный и живой Астафьев, знавший Леонтьева давно, ласково обвинял его в нетерпимости», — начал свой рассказ Е.Н. Поселянин и далее передал слышанное от известного психолога П.Е. Астафьева. «Представьте себе, — говорил, сердясь, П.Е. Астафьев, — он мне вдруг предлагает: „Хотите, Петр Евгеньевич, мы будем с вами говорить так: я вам буду излагать свои взгляды, а вы меня слушайте и мне не возражайте“». «Как же я так могу говорить с человеком, не

¹ Поселянин Е.Н. Старец Амвросий. Праведник нашего времени. М., 2009. С. 129.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 400.

³ Там же. С. 470.

⁴ Там же. С. 401.

Оптина Пустынь. Настоятельский корпус. Открытка. Конец XIX века

возражая!» — недоумевал собеседник. Со слов жены П.Е. Астафьева, «живой южанки», которая «негодовала на те формы, в которых Леонтьев, так любивший парадоксы и яркие выражения, говаривал ей о своей приверженности Старцу», Е.Н. Поселянин привел следующий рассказ: «Представьте себе, он мне не раз говорил: „Вы знаете, Мария Ивановна, до чего я покоряюсь Старцу?.. Вот если он мне прикажет вас убить, то я несколько не задумаюсь“». От себя писатель прибавил: «И она принимала эти слова целиком, как будто Леонтьев действительно собирался ее убить, а не хотел самым наглядным образом показать ей, насколько он готов повиноваться Старцу»¹.

Близость Старца благотворно влияла на характер и привычки Леонтьева, хотя временами вспыльчивость напоминала о себе. В одном из писем 1887 года описан характерный случай. Повод к раздражению подал Константину Николаевичу

тот же Астафьев: «Петру Евгеньевичу я писал еще в августе или сентябре, но он поступил как истинная свинья в этом случае — не ответил. Не живи я под боком у отца Амвросия, так я давно бы ему это прямо написал. Да что скажет Старец, когда я сознаюсь ему, что я сделал это даже не сгоряча, а после неоднократных размышлений»².

Показателен в этом отношении также факт прямого заступничества старца Амвросия за А.А. Фета, сборник стихов «Вечерние огни» которого Леонтьев собирался раскритиковать. Неприятие Константина Николаевича вызвали стихи о любви, написанные старым уже поэтом. Высоко оценивая раннюю лирику Фета, Леонтьев заявил, что восхищаться его «Вечерними огнями», как другие, он решительно не может: «„Люблю тебя“ (кх, кх!)... “Ты села, я стоял“ (кх, кх, кх!)... Не понимаю! И совершенно согласен с Вольтером, который сказал: „Старая

¹ Поселянин Е.Н. К.Н. Леонтьев в Оптиной Пустыни // Памяти К.Н. Леонтьева. С. 386—387.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 327—328.

лошадь, старая возлюбленная и старый поэт — никуда не годятся. Я предпочитаю старого друга, старое вино и старую сигару!»¹. Высказывать, однако, Фету «дружеский совет о любви умолкнуть» Леонтьев не стал. «Вообразите, — писал он А.А. Александрову, — отец Амвросий, узнавший от кого-то со стороны о моем намерении, прислал мне из скита запрет — сказал: „Пусть уж старика за любовь-то не понимает. Не надо“. Я, конечно, очень охотно положил „дверь ограждения на уста мои“»¹.

Полное послушание Старцу приносило радость Константину Николаевичу. «Пока я не знаю взгляда отца Амвросия, я ничего сам решить даже и „про себя“ не могу»², — писал он в 1889 году. В трудный период осложнения отношений Леонтьева с его племянницей отец Амвросий дал такой совет: «Конечно, видаться не нужно. А так как сказано: „любите и врагов“, то надо деньгами помогать ей и молиться о смягчении сердца!» Успокоенный словами Старца, Константин Николаевич заметил по этому поводу: «...мой житейский опыт и моя психологическая тонкость совпали с духовным взглядом отца Амвросия»³.

О своей жизни при Оптиной Константин Николаевич в мае 1889 года писал: «Говею 4 раза в год, недавно по благословению Старца отказался от мяса, которое я ужасно любил, и (вот одно из тех „внутренних чудес“, на которые так верно указывал Хомяков, в точности его слова не помню) не чувствую даже ни малейшей потребности его есть, когда рядом со мной едят его другие. Пришло время, и оно не существует для меня... Теперь — очередь за литературой. Если бы год или два тому назад кто-нибудь предсказал бы мне, что я о мясной пище вовсе забуду и почти вдруг, мне показалось бы это более невероятным, чем если бы теперь

кто-нибудь сказал бы мне, что я скоро перестану писать для печати. „Просите, и дастся вам“, — а я пламенно желаю оставить всякую газетную и журнальную работу. Пока есть еще этому одно вещественное препятствие, но я надеюсь скоро его устранить и тогда буду уже совсем вольный казак! И тогда благословлюсь у отца Амвросия бросить литературу, как бросил многое другое. Это не зарок, это мечта и молитва»⁴. Очевидно, что привычная литературная работа уже не занимала Леонтьева так, как прежде, но это не внесло в его жизнь уныния. В письме к А.А. Фету он заметил: «Именно здесь, в Оптиной, именно теперь, эти последние годы, я не знаю, что такое скука!»⁵ Не литература теперь может дать ему «приятные сильные ощущения», а «прогулка по оптинскому лесу с приятелями, беседа с отцом Амвросием»⁶.

Писание для печати Леонтьев, правда, так и не оставил, и литературные новости его по-прежнему интересовали. Со свойственной ему горячностью он заявлял о несогласии с философскими идеями В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого, художественному творчеству которого посвятил большое исследование⁷. Не мог не высказаться Константин Николаевич и по поводу сопоставления образа старца Зосимы, созданного Ф.М. Достоевским, со старцем Амвросием: «В Оптиной „Братьев Карамазовых“ правильным православным сочинением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож. Достоевский описал только его наружность, но говорить его заставил совершенно не то, что он говорит, и не в том стиле, в каком Амвросий выражается. У отца Амвросия прежде всего строго

⁴ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 457–458.

⁵ Там же. С. 515.

⁶ Там же. С. 416.

⁷ В 1890 году в Оптиной Пустыни К.Н. Леонтьевым была написана книга «О романах Л.Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние» (Русский Вестник. 1890. Кн. 6–8. Отд. изд.: М., 1911).

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 420.

² Там же. С. 425.

³ Там же. С. 371.

церковная мистика и уже потом — прикладная мораль. У отца Зосимы (устаами которого говорит сам Федор Михайлович!) прежде всего мораль, „любовь“, „любовь“ и т. д., ну, и мистика очень слаба»¹. Суждение это, несомненно, основано как на понимании образа мышления старца Амвросия, так и на хорошем знании стиля его бесед. Письма Леонтьева убеждают, что их автор обладал этим в полной мере. В них сохранились живые подробности, помогающие представить Старца, услышать его голос. Ценны также сделанные самим Леонтьевым наблюдения и выводы, навеянные общением с отцом Амвросием.

Константин Николаевич в своих эпистолярных беседах не раз возвращался к размышлениям о том, «какую историческую великую роль играет в XIX веке в России Оптина Пустынь и как важно для мирян ее идеальное влияние»². Леонтьев связывал эту историческую великую роль прежде всего (а иногда и только) со старцем Амвросием. Может быть, в этом сказалась некоторая пристрастность Константина Николаевича к его духовному наставнику, но Леонтьев был совершенно искренен, когда восклицал: «Конечно, пока отец Амвросий жив, он все будет озарять и согревать — но ведь и ему 79-й год!»³

Константин Николаевич сетовал на то, что не все разделяют его взгляды на значение монастырей и роль монашества. В одном из писем И.И. Фуделю он писал: «Надо возражать, надо спорить. Иначе не разъяснится дело. <...> Вы говорите, что многие священники (из Академии) думают всё только об общественной пользе, о любви и т. д. Я же Вам скажу, что я со многими монахами воюю за то, что они зато вовсе не хотят об этом думать. (Отец Амвросий думает, но он „алмаз“ среди грубых гранитов, по выраже-

Оптина Пустынь. Паперти Казанского храма, Введенского собора и церкви в гестъ прп. Марии Египетской. Фотография. Конец XIX — начало XX века. Калужский областной краеведческий музей

нию Гоголя.) Да, это беда наша русская, что одни создают свои общественные христианские идеалы не на аскетической сущности, а другие, служа лично, по совести аскетическому идеалу, знать не хотят общественной жизни»⁴. Этот разрыв был мучителен для Леонтьева, утешением же служило то, что старец Амвросий разделял его убеждение.

В последний год своей жизни Леонтьев познакомился и вел переписку с писателем В.В. Розановым. В мае 1891 года Розанов прислал Константину Николаевичу письмо из Ельца с просьбой: «...не можете ли Вы об отце Амвросии написать так же, как об отце Клименте. Вы не можете себе представить, как чрезмерно, как колоссально его влияние здесь! <...> Прошу Вас — подумайте об этом. Здесь в редком доме Вы не найдете портрета отца Амвросия»⁵. Возможно, это была не единственная просьба такого рода, обра-

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 568.

² Там же. С. 510.

³ Там же. С. 511.

⁴ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 496–497.

⁵ Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С. 471.

*Преподобный Амвросий Оптинский
(1812–1891)*

щенная к Леонтьеву в это время. Да и сам Константин Николаевич понимал, какая миссия возложена на него как на человека близко знавшего великого Старца и способного написать о нем так, как никто другой бы этого не сделал.

Книгу о Старце Леонтьев не написал. Возможно потому, что не мог приступить к такой работе без благословения отца Амвросия. Может быть потому, что не успел или не решился, были еще какие-либо причины. Так или иначе, но мы располагаем только отдельными фрагментами, посвященными Старцу. К их числу относится достаточно пространное описание особенностей ума старца Амвросия и характера его духовного руководства, сделанное Леонтьевым в письме к И.И. Фуделю в январе 1891 года. Возражая своему собеседнику, написавшему, что отец Амвросий — «человек простой умом и сердцем», Константин Николаевич писал: «...что касается до ума отца Амвросия, то... это удивительно тонкий ум и именно в практическом направ-

лении, а не в собственно-мыслительном. Мудрость, скажу просто — даже ловкость батюшки отца Амвросия изумительны и в способе духовного руководства, и в хозяйственных делах (например, создание Шамордина в четыре с половиной года), и, наконец, и в политике даже, которую он по своему положению и значению вынужден вести между архиереями (которые всё меняются), между требованиями разнообразной паствы своей, претензиями монахов. <...> Какая тут простота ума! В высшей степени сложная его (ума т. е.) изворотливость и быстрая находчивость! Твердость характера, справедливость, прямота веры и добрых целей — да! Чистота намерений — да! Простота же средств и приемов — нет. Не могу признать этого»¹.

Продолжением этой характеристики служит сравнение старца Амвросия с другими духовниками Оптиной: «Здесь были и есть духовники, которые проще его сердцем; например, отец Анатолий, скитоначальник. Это, как зовет его один из почитателей, — огромное дитя (сердцем, характером). Увлекающийся, жалостливый, бесконечно добрый, доверчивый до наивности, без всякой природной хитрости и ловкости, при этом не только не глупый и даже не простой умом, но очень мыслящий, любящий пофилософствовать и побогословствовать серьезно. Понимает прекрасно (по моему, лучше отца Амвросия) теоретические вопросы вообще. Однако... однако... все мы руководство практическое отца Амвросия несравненно предпочитаем. А был еще здесь, ныне умерший, отец Пимен, духовник же, необычайный подвижник, простак, добряк, смиренный; сам отец Амвросий очень любил и ценил его и всегда у него сам исповедовался. Однако его детская простота, соединенная с резкой грубостью, подчиняла больше всего деревенских баб, а мы все уважали и любили его, а советоваться не

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 548.

к нему шли, а к мудрому и вовсе уже не столь простому Амвросию»¹.

В письме к В.В. Розанову в августе 1891 года Леонтьев просил позволения отложить подробную беседу об отце Амвросии, но при этом все же кратко охарактеризовал Старца: «Отец Амвросий по натуре и по уму склада более практического, чем созерцательного. „Практического“, разумеется, не в каком-нибудь мелком смысле, а в самом высоком и широко. В том смысле, например, в каком и евангельское учение можно назвать в высшей степени практическим. <...> Прибавлю еще: он скорее весел и шутлив, чем угрюм и серьезен, весьма тверд и строг иногда, но чрезвычайно благотворителен, жалостлив и добр... Теорий моих и вообще „наших идей“, как Вы говорите, он не знает и вообще давно не имеет ни времени, ни сил читать. Но эпоху и людей он понимает превосходно, и психологический опыт его изумительный. Иногда, впрочем, приказывает себе вслух читать некоторые рекомендованные ему небольшие статьи. Так, мою статью в „Гражданине“ о связи сословных реформ Толстого и Пазухина — с замедлением прихода антихриста он велел прочесть себе 2 раза и чрезвычайно одобрил. Он „равенства и свободы“ не любит, как и все духовные люди»².

В конце своей жизни Леонтьев лишь ненадолго разлучился со своим духовным наставником. Болезнь продолжала мучить Константина Николаевича, и поэтому с весны 1891 года старец Амвросий настойчиво побуждал его к переселению в Троице-Сергиеву Лавру. «Не

должен христианин напрашиваться на слишком жестокую смерть, — говорил Старец Леонтьеву. — Лечиться — смирение». Поближе к Москве, поближе к хорошим хирургам — так объяснял Старец свое требование и даже торопил отъезд. Но Леонтьеву казалось, что это не единственная причина. В письме к В.В. Розанову, сообщив, что уезжает после 20 августа, он обмолвился: «Может быть, у него есть и другие обо мне соображения, о которых он умалчивает». Леонтьев был готов принять любое решение старца: «...если бы он сказал: „Не ездите и готовьтесь здесь умирать“ (как он иным и говорит иногда), то я, конечно, остался бы»³.

Незадолго до отъезда Константин Николаевич принял тайный постриг с именем Климент в память своего покойного друга — иеромонаха Климента (Зедергольма). Уезжая, он благословился у Старца возвратиться в Оптину около 15-го сентября в том случае, если у Троицы ему покажется «уж слишком не по духу и не по средствам». В письме от 5-го сентября отец Климент писал: «15-е еще не настало, а я уже чувствую решимость остаться здесь и испытать себя хоть в течение зимы, а в мае что Бог даст»⁴. При расставании отец Амвросий сказал ему: «Мы скоро увидимся»⁵. Эти слова Старца в точности сбылись. Отец Амвросий скончался 10 октября, а отец Климент 12 ноября 1891 года.

Анатолию Александрову 17 октября отец Климент писал: «Весть о кончине отца Амвросия не застала меня врасплох: я давно уже приучил мою мысль к этой утрате. Он был слишком уже слаб, чтобы можно было надеяться на продолжение его жизни. Разумеется, ни один духовник уже не может мне заменить его. Будем *так* доживать наш греш-

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 548–549.

² Там же. С. 589. В статье К.Н. Леонтьева «Над могилой Пазухина» (Гражданин. 1891. № 64–67) высоко оценена деятельность министра внутренних дел графа Дмитрия Андреевича Толстого и публициста Алексея Дмитриевича Пазухина (правителя канцелярии Министерства внутренних дел), способствовавшая «замедлению всеобщего предсмертного анархического и безбожного уравниения», необходимого для «задержания прихода антихриста».

³ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 589, 590.

⁴ Там же. С. 593.

⁵ Концевит И.М. Оптина Пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 295.

ный век!»¹ В письме к Анатолию Александрову от 23 октября отец Климент, оглядывая жизненный путь старца, размышлял: «Если бы покойный старец Амвросий 25-летним юношей *не думал бы исключительно* о спасении своей души... а думал бы о том, чтобы улучшать земную жизнь других, то из него вышел бы или гордый и раздраженный, или пустой человек; но думая десятки лет лишь о *своем* спасении, он стал великим спасителем других: он спас Ф.П. Чуфрина от самоубийства; он меня, окаянного и многогрешного, поддерживал на правом пути в течение 17 лет; он *многое* множество других людей обращал, утешал, исправлял и т. д.»²

В письме к Л.И. Раевской, интересовавшейся газетными публикациями о покойном старце, отец Климент 1 ноября ответил: «Нумера „Московских ведомостей“, в которых было о батюшке, достану и вышлю. Сам теперь серьезно об нем писать не собирался, да это и обдумать надо; а посылаю в „Гражданин“, где об нем до сих пор не было ни слова, два-три письма, которые наполовину будут состоять из вырезок из тех же „Московских ведомостей“, собственного будет мало. Иначе сразу я не умею. Богу угодно будет, он научит, как и когда взяться за серьезный труд». О себе в этом письме отец Климент добавил: «...„монашествую“ в безмолвии моем поневоле (без отца

Амвросия) самочинном, как умею и могу. Стал больше поститься, больше молиться, гораздо меньше курить»³.

В небольшой статье, помещенной отцом Климентом в «Гражданине», о старце Амвросии говорилось: «Он скончался, обремененный годами и недугами и утомленный, наконец, непосильными трудами для исправления и спасения нашего»⁴. В заключительной части статьи отец Климент ответил на волновавший многих вопрос: «Что касается до основного и подробного жизнеописания отца Амвросия, то оно еще впереди. Найдется, несомненно, раньше или позднее в среде его многочисленных почитателей и учеников и такой человек, который решится возложить на себя этот богоугодный и, уж конечно, — занимательный труд»⁵.

Правоту и уверенность отца Климента подтвердило время. И в старой Оптиной Пустыни, помнившей старца Амвросия живым, и в новой, возрожденной в наше время, издавались и переиздавались его жизнеописания и собрания писем. Каждое из этих изданий по-своему уникально и неповторимо. Среди них особое место занимают пока еще не полностью опубликованные письма К.Н. Леонтьева. В них сохранены драгоценные подробности жизни Старца, его мысли, слова, запечатленные искусным пером духовного чада Старца — величайшего русского писателя и философа.

¹ Александров А.А. I. Памяти К.Н. Леонтьева; II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад. 1915. С. 121–122. *Здесь и далее в цитатах сохранен курсив источника.*

² Там же. С. 125.

³ Леонтьев К.Н. Избранные письма. С. 606.

⁴ Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010. С. 444.

⁵ Там же. С. 454.

Андрей Толмачев

Иеромонах Даниил (Болотов) — оптинский иконописец и портретист

Среди художников XIX века привлекает внимание необычным жизненным путем и столь же необычным художественным наследием Дмитрий Михайлович Болотов. Известный в 1860—80-е годы петербургский портретист, он в последующие годы потерялся для широкой публики и в советское время оказался совершенно забытым. Только в последние годы приоткрывается завеса забвения, и настало время узнать подробнее обстоятельства его жизни и взглянуть на его творчество.

Дмитрий Михайлович — он же отец Даниил, оптинский монах и художник — завершил свою мирскую жизнь 19 декабря 1886 года, поступив послушником в Оптину Пустынь, а через несколько месяцев уединился в Иоанно-Предтеченском скиту этого монастыря. В результате такого решительного шага художественный мир забыл про него, но на избранном пути он оказался нужным звеном в строительстве земного храма, обращенного к невидимому Богу, к иной, высшей реальности.

Дмитрий родился в имении деда по матери, в деревне Барыковке Епифанского уезда, 9 марта 1837 года и через день был крещен в ближайшей церкви села Бахметьева. Его отец, Михаил Павлович, внук крупнейшего экономического писателя XVIII века А.Т. Болотова, должен был продолжить хозяйственную деятельность деда в родовом имении, но череда неудачных лет с сильными морозами и нашествием мышей погубила старые плодовые сады — основу благо-

состояния Дворяниновской усадьбы. Позже отец надеялся поправить финансовое состояние семьи, приняв на себя управление огромным хозяйством, включающим сахарные заводы графа Бобринского на условиях выплаты ему десятипроцентной доли всех доходов. Но и в этой деятельности Михаил Павлович не преуспел. Родовое имение, которое около трех веков принадлежало Болотовым, было заложено и в 1850 году выставлено на продажу.

Мать, Александра Дмитриевна, урожденная Бибикова, занималась вместе со своей незамужней младшей сестрой образованием детей и имела большое влияние на их нравственное воспитание.

У Дмитрия, самого старшего, было еще трое сестер и брат: Мария, Евгений, Софья и Елена. Ближе всего ему по возрасту и по душевной созвучности была Мария. Ее мечтательно-мистические настроения художник вспоминал на склоне лет. Характерным примером их душевной направленности может служить один из детских снов Дмитрия, записанный в Оптиной игуменом Варсонофием. «Вижу однажды во сне, что ангел берет меня и уносит с собой на небо. Поднимаясь с ангелом, я вижу нашу деревню, дом, сад и как они уменьшаются по мере того, как мы поднимаемся все выше и выше. „Куда это ты несешь меня“, — спрашиваю я ангела, а тот отвечает: „К Богу!“ Но вот мы прилетели к какому-то великому дубу, который лежал на воздухе, и остановились около него для отдыха. В это время, я вижу, к дубу идет какой-то старец величествен-

ного вида. Я спрашиваю ангела: „Это кто?“ — „Это Бог!“ — отвечает ангел, и я проснулся»¹.

Мария первая сознательно встала на путь монашеского служения, которым впоследствии пошли почти все члены этой семьи. С 1867 года она была насельницей Аносина Борисо-Глебского монастыря, где предавалась аскетическим подвигам, и даже в своем рвении не всегда могла соотнести добровольную аскезу с ограниченными человеческими возможностями². В 1890-е годы она уже под именем матери Макарии перешла в Шамордин Казанский монастырь, где и скончалась, приняв схиму.

Другая сестра Дмитрия, София, после долгих лет поисков смысла жизни встретила оптинского старца Амвросия и сразу приняла его духовное руководство. Стремясь к монашеской жизни, она просила на это благословения, но вместо ухода в монастырь Старец велел ей вступить в брак. Безропотно подчинясь воле Старца, София несколько лет ухаживала за больным мужем и в то же время помогала в хозяйственных делах по подготовке создания женской общины вблизи деревни Шамордино, расположенной недалеко от Оптиной Пустыни. Первой настоятельницей этой общины по предположению Старца готовилась стать монахиня Серафима (Поливанова) из Костромского монастыря, но возникали разные непредвидимые затруднения, мешающие ее приезду в Калужскую губернию³. Тем временем смерть мужа Софии освободила последнюю для другого служения. Старец Амвросий благословил ее возглавить новую общину. Недолго пришлось поработать матери Софии на этом поприще: она скончалась в начале 1888 года, но успела обрести милость у Бога.

¹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-319. Л. 351.

² Женская Оптина. Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря. М., 1997. С. 298.

³ ОР РГБ. Ф. 213. Оп. 55. Ед. хр. 22, 23.

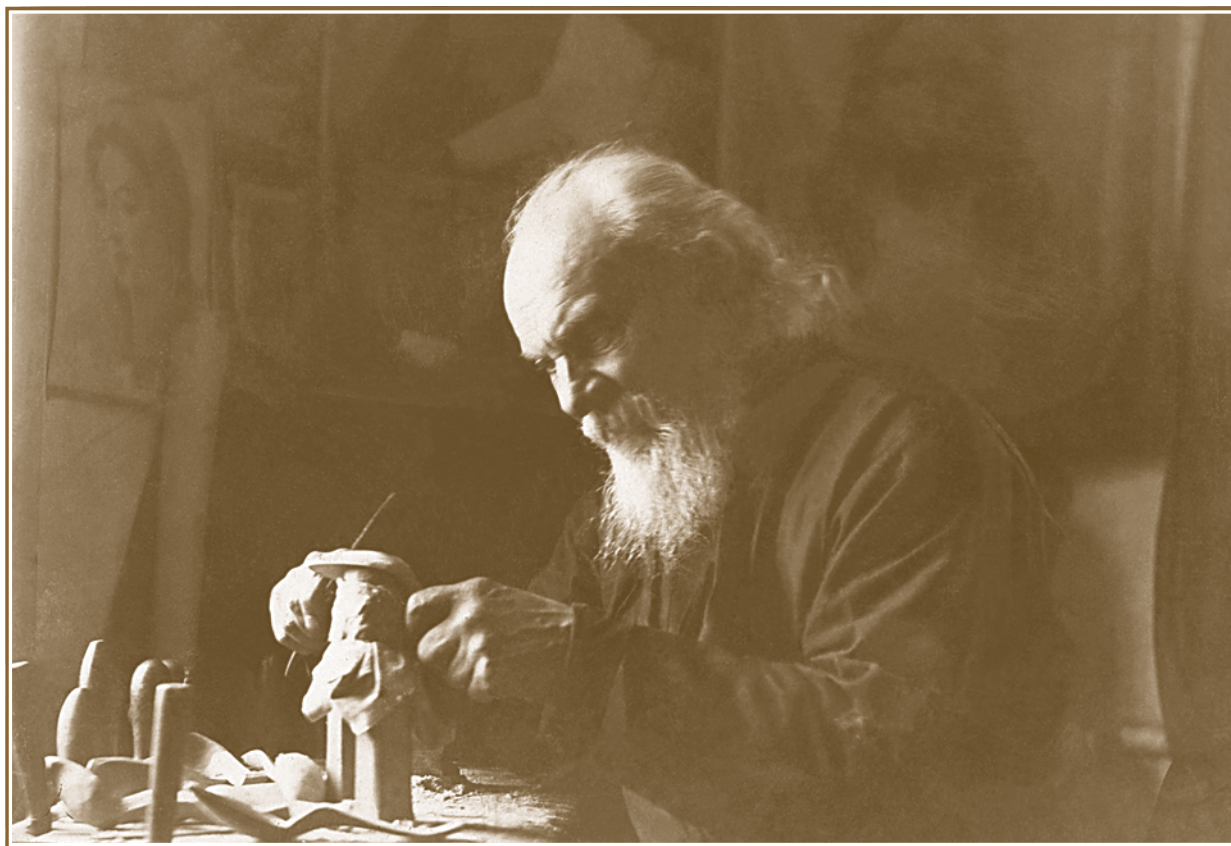
Брат Евгений подвизался в сане рясофорного монаха в Свято-Троицком Лютиковом монастыре, что под Калугой⁴.

У Дмитрия с детства открылись способности к рисованию, но для получения им образования обедневшей семье нужна была помощь. Необходимую материальную поддержку и оказал Василий Алексеевич Бобринский. Младший брат Евгений уже не получил высшего образования.

Годы учения Дмитрия в Академии художеств (1854—1865) пришлись на переломный период в жизни Академии. Утверждается новый устав, в котором больше места отводится общеобразовательным предметам. В частности, Болотов посещал курс по теории изящных искусств. Вице-президент Академии, князь Г.Г. Гагарин, чтобы расширить познания учеников и разнообразить круг их общения, устраивает у себя дома, в непринужденной обстановке, вечера с присутствием светской молодежи. Но реформа художественного образования не поспевала за требованиями жизни. Нашумевший отказ 14 учеников Академии участвовать в конкурсном экзамене на заданную тему завершил раскол русского художественного мира.

Дмитрий Михайлович не поддавался бушующим страстям, не участвовал в демонстративном протесте. Его смолodu интересовали другие проблемы: самосовершенствование, отношения с Богом; к исторической живописи он относился спокойно, его увлекала дисциплина идеала. Например, в дневниковой записи от 12 ноября 1873 года, помеченной «день св. Иоанна Милостивого», читаем: «...цензируй работу, передавая впечатление (разговоры и воздух), выбирая главное, опуская ненужное, и это будет изящное творчество, а не мертвая копия природы с ненужными ее мелочами и

⁴ ГАКО. Ф. 33. Ед. хр. 3. Л. 153 об. На сегодняшний день все упомянутые монастыри уже частично восстановлены, кроме последнего, разрушенного до основания.

Иеромонах Даниил (Болотов)

уродливостями»¹. Художник не разделял передвижнических идеалов «схваченной живьем натуры», его не увлекала ограниченная достоверность изображения модели со всеми возможными психологическими тонкостями. И это не только позиция художника — это подход к жизни. Выявление в окружающей действительности скрытого отблеска высшей реальности много раз декларировалось в дневниках и даже служило стержнем в воспроизведенном С.А. Нилусом разговоре Дмитрия Михайловича с извозчиком².

Болотов вышел из Академии со званием классного художника 3-й степени. Участвуя в ежегодных выставках, в 1868 году он удостоился звания художника 2-й степени и еще через два года — первой. Подчеркнем, что, вопреки распространенному мнению, Болотов не

был академиком живописи, а только претендовал на это звание в 1876 году, выставив живописный портрет И.К. Айвазовского и два женских портрета, написанных пастельными карандашами. Убедиться в этом легко, просмотрев ежегодные официальные печатные отчеты Академии художеств.

Двадцать лет проработал Болотов в Петербурге, став известным портретистом. Особенно удавались ему одухотворенные женские лица и детские образы, с выражением какого-то неизбывного удивления в глазах. Немногие из них сохранились до нашего времени. По свидетельству владыки Трифона (Туркестанова), «он был замечательный портретист, он учил рисованию великих князей и княжон. Он в миру жил, как монах, от всякого нецеломудренного предложения он всегда отказывался»³. Из многих

¹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-410. Л. 77.

² Нилус С.А. Великое в малом. Изд. 3-е. Сергиев Посад, 1911; Репр. изд.: 1992. С. 291.

³ АОП. Проповедь епископа Трифона (Туркестанова) от 2.12.1907. Машинопись.

дневниковых записей самого Болотова видно то же: «Люби братий, и всю злобу и гнев и ненависть сосредоточь на грехе и отвергай его. Всё созданное Богом — добро зело, и никого нельзя хулить или осуждать, ни тварь, ни промысел, ни крест свой...»¹

Совсем молодым Дмитрий посетил известного тогда восстановителя Реконьской пустыни отца Амфилохия, который предсказал ему жизнь в монастыре. Основная тема его сохранившихся дневников (крайние даты: 1856—1879 годы) — благочестивые размышления². В это же время Дмитрий Михайлович начинает писать иконы, придерживаясь усвоенной в Академии живописной техники. Очень часто в записях он обдумывает, взвешивает преимущества иноческой жизни. Поэтому нет неожиданности в том, что, познакомившись со старцем Амвросием и узрев в нем тот самый дуб на пути к Богу из своего детского сна, Болотов окончательно решил уйти в монастырь.

Десяток лет он жил в скиту Оптиной Пустыни на добровольном послушании, в 1899 году был пострижен в монашество, а в январе 1900 года становится иеромонахом. Послушание у него было — писание икон (иногда просто написано — «живопись»), и хотя он и служил соборне, но в документах отмечается, что к церковной службе он не способен. У него был дар проповеди, и Старец нередко посылал к нему на исповедь столичных паломников — распутывать хитросплетения интеллигентного ума. Часто его благословляли для этих же целей посещать с душеспасительными беседами усадьбы некоторых оптинских богомольцев.

Старец Амвросий советовал своим духовным детям совершенствоваться в какой-либо одной добродетели, внутрен-

не наиболее близкой им. Концентрация духовных усилий должна благотворно воздействовать на весь облик человека. Такой добродетелью у отца Даниила было правило «никогда никого не осуждать»³. По многим свидетельствам он в ней преуспел.

Очень много написано им портретов, как непосредственно с натуры, так и заочно, по фотографиям. Сохранились описи начала 1920-х годов имущества музея «Оптиной Пустыни», созданного вместо упраздненного монастыря. Описание экспонатов далеко от полной ясности, но около 20 портретов оптинских старцев и калужских епископов, без сомнения, значатся как написанные Болотовым⁴. В настоящее время местонахождение большинства из них неизвестно.

Иконопись отца Даниила почти всегда не традиционна — масло по холсту. Но это не мешает восприятию его художественных произведений верующими. Оптина Пустынь того времени соединяет в себе огромное духовное делание с внутренней свободой в выборе формы. Разительный пример мы имеем в странных богословских работах архимандрита Серапиона (Машкина), увлекших молодого отца Павла Флоренского. Отец Павел даже приехал в Оптину с надеждой побеседовать с архимандритом Серапионом, но смерть последнего помешала встрече. Отец Павел закономерно попал к отцу Даниилу и после ряда бесед с ним оставил в дневниках теплый отзыв о проповедническом таланте художника⁵.

Есть два свидетельства о воздействии икон работы отца Даниила. В одной скитской келье духовный писатель С.А. Нилус «был поражен, точно небесным видением, образом «Нерукотворного Спаса»,

³ АОП. Проповедь епископа Трифона (Туркестанова) от 3.02.1908.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Ед. хр. 7, 19, 69, 70.

⁵ Андроник (Трубачев), игумен. Священник Павел Флоренский и Оптина Пустынь // П.А. Флоренский. Философия. Наука. Техника. Л., 1989. С. 40.

¹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-410. Л. 76 об.

² Там же. Ф. 213. 62, 18–21 и Ф. 214. Ед. хр. 403–405 и 410.

прямо против входной двери сверкнувшим на меня своею лампадой.

— Откуда у Вас такая красота?

— Работа отца Даниила.

Надо было видеть этот Божественный лик, эти Божественные очи, проникающие в душу, чтобы понять сердцем, что не одна кисть отца Даниила воспроизвела эту святыню, а что кисти этой сила и вдохновение даны были свыше: человек от себя, одним своим искусством не мог бы создать такой красоты небесной.

— У меня на исповеди и совете была одна монахиня, — сказал мне отец Ф. — Монахиня эта сердцем ожесточилась до того, что решила снять с себя мантию и вернуться в мир. Как ни уговаривал я ее, как ни убеждал, она стояла на своем и меня слушать не хотела. Я упросил ее остаться одной в келье и помолиться перед этим образом. Когда я вернулся к ней, то застал ее в слезах, и от ее страшной решимости не осталось и следа.

Я опять взглянул на этот пречистый лик и едва мог оторвать взгляд от этого благодатно вдохновенного изображения: и самому окаменелому сердцу, правда, немудрено было перед ним раствориться»¹.

Про другую икону пишет В.П. Быков, посетивший Шамординский монастырь и в нем хибарку матери Софии, сохранявшуюся в монастыре в память о первой настоятельнице. В хибарке ничего не менялось после ее смерти. «Направо от входа висит очень много картин, написанных Болотовым, но из них особенное внимание привлекает картина Богоматери с Божественным Младенцем на руках. Судя по манере письма, эта картина напоминает собой копию с итальянской школы, но в оригиналах я нигде не встречал такого изображения. Не знает ничего об этом и М.М., но она рассказывала нам про следующую особенность этого изо-

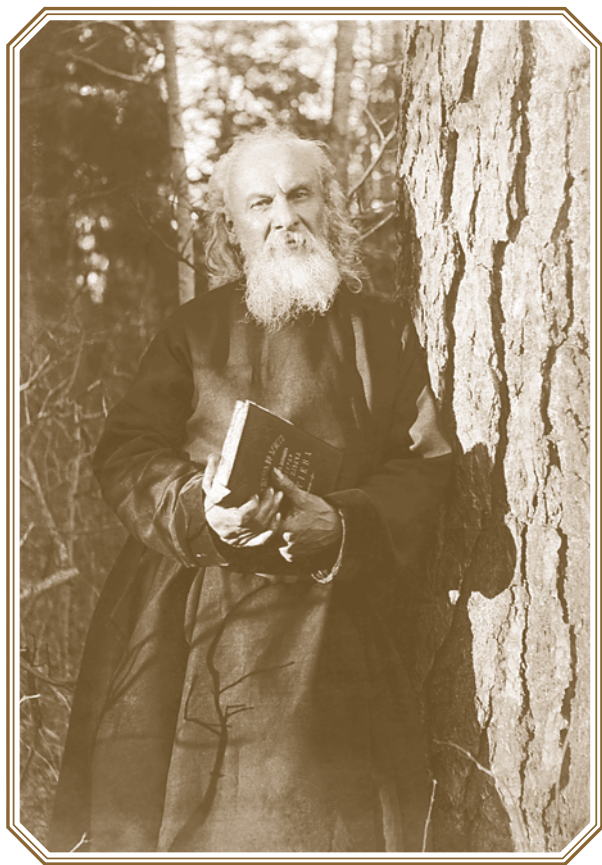
*Икона «Спас Нерукотворный».
Художник иеромонах Даниил (Болотов)*

бражения: было несколько случаев, что достаточно было взглянуть на это полотно лица, у которого твердо уже формулировалась мысль о самоубийстве, чтобы она совершенно исчезла у него, — и навсегда»².

История этой иконы такова: упомянутая В.П. Быковым Мария Михайловна Долинино-Иванская, родная племянница и монахини Софии и иеромонаха Даниила, была монахиней в Шамординском монастыре с 1906 года и проходила различные послушания: помощницей заведующей постройками, при типографии, при золотошвейной мастерской. Она была хранительницей хибарки монахини Софии. После выселения насельниц из монастыря она жила с сестрой Марфой, тоже монахиней, в Козельске. В конце 1920-х годов усилились гонения на верующих, и сестры уехали в Орел, где жили у третьей сестры — Анны. Мария взяла с

¹ Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч. 1. Сергиев Посад, 1916; Репр.изд.: 1991. С. 268.

² Быков В.П. Тихие приюты для отдыха страдающей души. [М., 1913]; 2-е изд. Псково-Печерский м-рь, 1993. С. 286.

*Иеромонах Даниил (Болотов).
1900-е годы*

собой ценимый ею образ Богородицы, и впоследствии икона осталась в этой семье. Сестры-монахини через непродолжительное время были вынуждены вернуться в Козельск, откуда Мария вскорости была выслана на Север, и куда уже не вернулась никогда, а Марфа в 1937-м году приняла мученическую смерть исповедницы¹.

Из работ отца Даниила оптинского периода наиболее известны портреты монахини Софии (Болотовой) и Амвросия Оптинского, причем старца Амвросия отец Даниил писал несколько раз. Заметно явное движение к углублению передачи духовного мира портретируемого, и дело даже не в испытующем взгляде Старца с удивительным пронизательным выражением, отмечавшимся многими. То же чаяние жизни вечной ощущается и в

закрытых глазах на посмертных портретах матери Софии († 24.01.1888) и преподобного Амвросия († 10.10.1891). Эти два надгробных портрета продолжают давнюю традицию русского искусства². В отличие от портретных изображений XVII века, передающих лицо в условно-обобщенном виде в зените его земной жизни, портреты Болотова реалистичнее и, главное, духовно значительнее — как будто его модель стоит на пороге преобразования плоти. Сложнейшая задача — передать святость изображаемого (как она чувствовалась автором) — решалась им с убеждающей достоверностью.

Если в работах XVIII века посмертный портрет имеет оттенок научно-фиксационный, а в работах XX века передает ужас перед смертью и разложением, то Дмитрий Михайлович пишет скорее не смерть, а успение, пишет плоть, готовую к преобразению. Недаром портрет старца Амвросия на смертном одре был выставлен на всеобщее обозрение в иконной лавке Оптиной Пустыни. В этом портрете зафиксирован итог монашеского пути, переход к жизни вечной, спокойная готовность потрудившегося в молитве к встрече со своим Спасителем.

Портреты старца Амвросия кисти Болотова были настолько любимы, что ему приходилось делать с них многочисленные копии, которые расходились по всей стране. Известен даже двойной портрет работы 1899 года старца и его духовной дочери О.К. Гончаровой, в котором к знакомой нам фигуре полулежащего Старца приписана исповедующаяся Ольга Карловна.

Сразу после поступления в монастырь Дмитрий Михайлович организовал обучение живописи в Шамординском монастыре, где им была устроена иконная мастерская. Хотя работы, выходявшие из этой мастерской и ценились в начале века, но мне довелось видеть только одну

¹ Из бездны небытия: книга памяти репрессированных калужан: в 4 т. Калуга, 1993. Т. 1. С. 451.

² Евангулова О.С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в. М., 1987. С. 110—140.

картину кисти ученицы Болотова, шамординской послушницы М.П. Блажевич-Углик. Это была голова Иоанна Предтечи. Были у него ученики и в Оптиной Пустыни. Под его руководством и им самим была расписана больничная Владимирская церковь, единственный из храмов Оптиной, разрушенный до основания. Можно только предполагать, что список библейских тем в бумагах отца Даниила относится к несохранившейся росписи этого храма.

Известно также увлечение художника фотографией. Его фотоснимки Пустыни и скита использовались в качестве иллюстраций издательством монастыря. В частности, Болотов давал их для третьего издания «Исторического описания скита во имя Св. Иоанна Предтечи Господня...» 1902 года¹.

В последний год жизни отец Даниил постепенно слабел. Незадолго перед смертью он выражал желание принять схиму. Но на вопрос скитоначальника старца Варсонофия, сможет ли он в случае вы-

здоровления окончательно уединиться в молитвенном общении с Богом и прекратить проповедническую деятельность, чистосердечно ответил, что не сможет. Так и было решено, что отец Даниил не готов к схиме. По свидетельству владыки Трифона (Туркестанова), перед самой смертью отец Даниил прощался с братией. На вопрос «не страшно ли ему умирать?» — он выказывал полное спокойствие перед уходом к Господу: «Не страшно встречать смерть, а радостно: вот если бы Он нас гнал, тогда было бы другое дело!...»²

Скончался иеромонах Даниил 25 ноября 1907 года. По желанию родственников похоронен он не в скиту, а около алтаря Введенского собора в монастыре. Три дня совершали панихиды по усопшему настоятель архимандрит Ксенофонт соборне со скитоначальником Варсонофием и иеромонахом отцом Нектарием³.

Закончим легендами. Мне приходилось слышать, что сохранившаяся ро-

¹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-356. Л. 33.

² АОП. Проповедь епископа Трифона (Туркестанова) от 2.12.1907. Машинопись.

³ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-367. Л. 144.

Казанский Амвросиевский женский монастырь в Шамордине. Начало XX века

Некрополь Оптиной Пустыни. Памятник на могиле иеромонаха Даниила (Болотова). Фотография. 2007 год

спись братской трапезной в Оптиной Пустыни принадлежит кисти Болотова. Встречается также мнение, что сюжет иконы Божией Матери «Спорительница хлебов» воплощен в иконописный образ Болотовым в Болховском женском монастыре¹. Сопоставляя данные об этой иконе митрополита Трифона² и схииерхимандрита отца Агапита³, убеждаемся,

¹ Духовные светочи России. Каталог выставки. М., 1999. С. 238.

² Трифон (Туркестанов), митрополит. Проповеди и молитвы. М., 1999. С. 375.

³ Агапит (Беловидов), схииерхимандрит. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле: в 2 ч. М., 1900; Репр. изд.: 1992. С. 77–103.

что образ «Спорительницы хлебов» зародился в 1889 году и был реализован в Болховском монастыре. Но ни по технике, ни по стилю исполнения икона не может быть приписана кисти Болотова, тем более что никаких связей с Болховским монастырем у него не было. Если бы старец Амвросий хотел привлечь Дмитрия Михайловича, он поручил бы исполнение этого образа шамординской иконной мастерской.

В книге о Сергее Нилусе приписывается Болотову и существовавшая в Оптиной большая картина апокалиптического содержания⁴. Там же в примечании редактора указывается автор этой картины со слов митрополита Антония (Храповицкого) — монах Виноградов⁵. Последнее подтверждается архивными данными из уже упомянутых описей музейных экспонатов⁶.

Также к легендам надо отнести и зафиксированное С.А. Нилусом (правда, с оговорками) мнение о дружбе художника с Репиным и Васнецовым. Никакими независимыми документами это не подтверждается. Болотов учился вместе с И.Н. Крамским и общался с ним, но, видимо, больше в качестве оппонента в спорах.

⁴ Стрижев А.Н. По следам Сергея Нилуса. М., 1999. С. 56.

⁵ Необходимо сказать несколько слов о художнике. Иеромонах Алексей (в миру Александр Николаевич Виноградов) (1846–1919) чрезвычайно интересный человек, незаслуженно забытый. Он был крупным китаеведом, археографом, художником. Окончил Ярославский Демидовский лицей со степенью кандидата юридических наук, учился в Санкт-Петербургской Духовной академии и в Академии художеств. Был в Китае с духовной миссией. В Оптиной занимался иконописанием и работами по китайскому языку. — *Примеч. авт.*

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 69.

Священник Н. Алявдин

Поездка в Оптину Пустынь епископа Иувеналия (Масловского). 1918 год

Незаметно прошли эти 30 верст, отделявшие нас от чтимой обители, и вот, наконец, мы въехали в вековой сосновый бор, благоухающий ароматом и заключающий в своих объятиях святую Оптинскую обитель, с ее тихим монастырским служением Господу. Монастырь построен на самой опушке леса, перед обителью вьется по лугам река Жиздра; в стороне видны колокольни, сады и домики города Козельска. Вид со всех сторон чрезвычайно красив и как-то успокоителен, величав.

Как самый бдительный страж, высится колокольня, и в ней — Святые ворота, ведущие в обитель; перед колокольней, стоящей на высокой, господствующей местности, спускается длинная, широкая лестница с довольно частыми перехватами. Идя по ним, человек как бы невольно отрешается от мира, восходя все выше и выше...

Владыка, как простой богомolec, остановился в монастырской гостинице, но радушный и приветливый отец настоятель Пустыни, архимандрит Исаакий¹, любезно предложил Его Преосвященству свои покои, куда Владыка и переселился.

В день и час нашего приезда в церкви служился акафист Божией Матери. Владыка пожелал помолиться сейчас же по приезде, и, войдя в церковь, мы услышали дружные сильные мужские голоса, свободно и с чувством певшие припев: «Радуйся, Невесто Неневестная». Напев припева своеобразный, умиритель-

ный, минорного лада, дававший особый смысл каждому ударению и слогу слова. Это стройное молитвенное пение как-то сразу подхватило душу, и хотелось стоять, слушать, каяться... За акафистом по своим местам стояла братия и молилась, делая поклоны.

Сердце чувствовало, что здесь люди молятся, служат Господу, служат и духом и телом. У всех сосредоточенные лица. Иеромонах, читавший акафист громким тенором, энергично взывал — «Радуйся!», и чудилось, что Пречистая Богоматерь именно радуется, видя такое ей служение. Здесь полное благоговение. Служение от души.

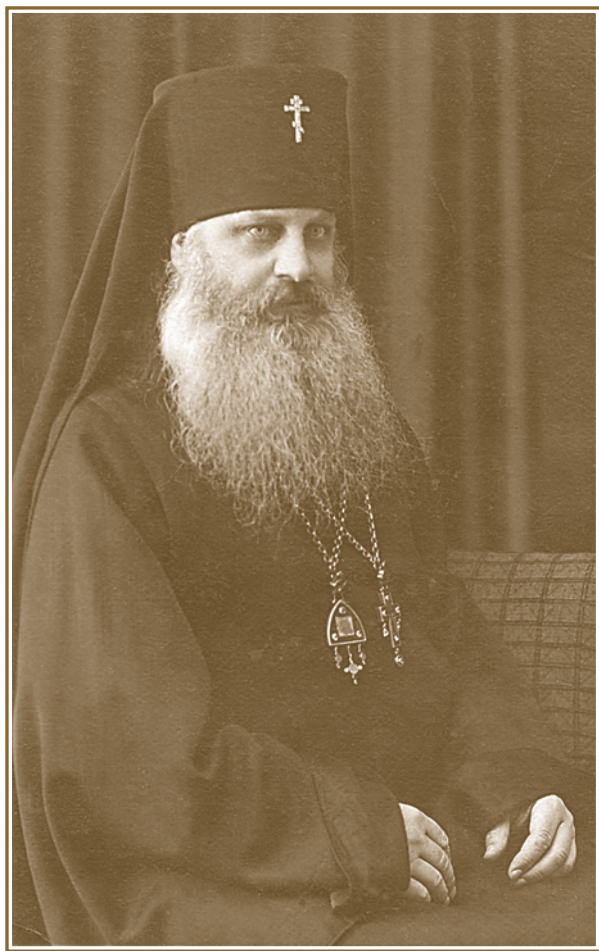

*Путешествие в Оптину. Открытка.
Конец XIX — начало XX века*

После акафиста и непродолжительного отдыха у отца настоятеля Владыка пошел к Старцу — иеромонаху отцу Анатолию². Долго продолжалась эта беседа Епископа со Старцем, и в ожидании своего приема пишущий эти строки

¹ Преподобномученик Исаакий (Бобраков) († 1938). Память 26 декабря/8 января.

² Преподобный Анатолий (Потапов) († 1922), старец Оптинский. Память 30/12 августа.

*Иувеналий (Масловский) (1878–1937),
епископ Тульский и Белевский*

пошел вокруг церкви, чтобы встретить какого-либо монаха и поговорить, но оказалось, что трудно встретить монаха в небогослужбное время: все они за своим делом и не оказалось ни одного, который не был бы занят. Так, в богослужбное время монастырь оживает, а в небогослужбное — как бы замирает: ни одного человека вокруг.

На утро в четверг, 7 июня Владыка прослушал раннюю обедню, ставши в алтаре, где вся братия подошла принять архипастырское благословение, воздавши сану святителя земное поклонение. Служил раннюю иеромонах отец Феодот, обладающий красивым, нежным тенором с прекрасной дикцией. Так приятно было слушать внятно произнесенные, от сердца идущие возгласы в верхнюю тонику. В конце Литургии очередной иеромонах-

проповедник, отец Гавриил, сказал народу поучение. Владыку нашего поминали на ектеньях и великом выходе.

Стоял Владыка и позднюю Литургию, к которой по распоряжению отца настоятеля явился полный хор и для Владыки пропел всю Литургию от начала до конца, столповым распевом, так знакомым ему по Юрьеву монастырю¹. Настоящий, церковный, монастырский, столповый распев захватывал душу своими неожиданными голосоведениями и такими же неожиданными конечными аккордами. Трудно было уловить его для слушавшего в первый раз, но остался в душе след чего-то серьезного, глубокого...

После поздней Литургии мы пошли в скит. По распоряжению отца настоятеля нас сопровождал отец благочинный, давая справки и разъяснения. Скит находится в нескольких минутах ходьбы от монастыря. К нему ведет дорожка в тени великолепных столетних сосен. Углубляясь в лес, мы незаметно подошли к скитским воротам, от которых вправо стоит келья бывшего принопамятного отца Амвросия, теперь занимаемая старцем отцом Нектарием², влево — келья скитоначальника старца-игумена Феодосия³.

В воротах, по стенам, изображены почти все главные подвижники и учителя монашества: Антоний Великий, Нил Сорский и другие. Все с развернутыми свитками, на которых надписи и изречения. Владыка с умилением читал изречение каждого подвижника. В скиту Владыка прежде всего посетил старца отца Нектария, с которым имел довольно продолжительную беседу, а затем в сопровождении скитоначальника осматривал чудесные скитские церкви,

¹ Епископ Иувеналий был настоятелем Новгородского Юрьева монастыря с 1910 по 1914 год.

² Преподобный Нектарий (Тихонов), старец Оптинский († 1928). Память 29 апреля/12 мая.

³ Схиигумен Феодосий (Поморцев) († 1920). Скитоначальник с 1912 года.

библиотеку, где хранятся подлинные письма почивших старцев: отца Макария, отца Амвросия и другие, сад скита и пр. Все здесь строго, в тон, благоговейно. Кажется, говорить вслух тут нельзя, чтобы не нарушить покоя скита. Нет тут богатства, но чувствуется здесь несчетное богатство духа. Да и вся обитель Оптинская не поражает внешним блеском, да и не должно его быть в монастыре: богатый монастырь такое же тяжелое явление, как и богатый монах.

Вся красота, вся сила, все богатство Оптиной Пустыни заключается в ее старцах. Их трое — отец Анатолий, отец Феодосий и отец Нектарий. Это — подлинное сокровище Оптиной, это — ее слава. Благодатно действует на душу уже один внешний вид этих подвижников Божиих: по-детски чистые открытые глаза, чело, убеленное сединами, бодрость, ласковость, необыкновенное радушие и желание войти в положение каждого пришедшего, на миг отрешиться от себя, слиться воедино с ищущими опоры, поддержки и утешения, духовно как бы заключить каждого в свои

объятия, переложить излишек тяжести с больной, усталой души на себя.

Вот то впечатление, которое оставили по себе эти старцы, живущие на земле, посреди нас, но имеющие в себе неземное. Это дивные, дивные люди! Святые при жизни!

Постоянное общение с Господом, отречение от всего мелочного, житейского, созерцательная жизнь в одиночестве, дающая возможность познавать себя, свой внутренний мир, наблюдать за собою, а также частое соприкосновение с чужими душами, с самыми сокровенными изгибами, изломами человеческой души и сердца, открываемыми людьми в безграничном доверии к старцу, сделало их тонкими психологами, с полслова, а часто и без слов угадывающими ту тучу сердечную, ту боль души, какая принесена сюда издалека. Человек измучившийся вконец, заблудившийся на распутье жизни, изверившийся, озлобленный, часто богохульствующий попадает сюда, в святую обитель, и здесь после безграничного радушия со стороны братии попадает к Старцу, перед которым не нуж-

*Оптина Пустынь. Библиотека и братские кельи в скиту (Клюзаревский корпус).
Вторая половина XIX века*

но объяснений, не нужно многословия, а которому измученное лицо и горячие слезы больше говорят, чем пространная исповедь. Здесь найдешь и бесконечную любовь, и отеческую ласку, и полное духовное слияние, при котором всякое горе, принесенное сюда, становится и горем Старца. Новую молитву, новую крепкую веру, новые силы, новый запас терпения получит здесь каждый пришедший, растроганный и потрясенный до глубины и недр души!!!

Поистине неиссякаемо милосердие Божие, посылающее нам, грешным людям, среди нашей голой, житейской пустыни, изобилующей бесчувственными камнями, такие оазисы чистой холодной воды, напоющие, ободряющие и дающие неиссякаемые силы к дальнейшему тернистому пути, ожидающему почти каждого из нас. В сутолоке повседневной жизни, в вечной погоне за куском хлеба, в постоянном страхе за благополучие свое и своих присных некогда человеку собрать свои помыслы, побыть наедине с самим собою, найти смысл и оправдание своим поступкам; и вот здесь, при откровенной беседе с подвижником Божиим, все открывается, освещается как бы ярким солнцем, от которого все пятна, вся грязь и накипь на душе ясно видны. И при этом нет ужаса от содеянного, есть сладостное покаяние и безграничная любовь и вера в милосердие Божие, которое выше всякого греха человеческого, как бы громаден и мерзок он ни был. Одного можно пожелать читающим эти строки: при первой возможности, не откладывая, посетить святую Оптинскую обитель, побывать у старцев, своим примером, своей жизнью ведущих братию по истинному пути. Незабвенны эти старцы! Отец Нектарий — это ангел во плоти! Издали земно ему кланяюсь.

Из века в век да будет благословенна Оптинская обитель!

Побывавши в Оптиной, сразу постигнешь, почему чуткая, мятущаяся душа Л.Н. Толстого потянулась сюда. Она хотела найти примирение. Понятно становится, почему и все монахи так благоговейны, сосредоточенны, так приветливы. Здесь сказывается неотразимое влияние старцев. И есть здесь дисциплина, но не формальная, а внутренняя: все делается по убеждению и по влиянию старцев. Нет среди монахов ни одного неприятного лица: все преображены, все милы, все хороши, все ласковы.

Владыка посетил проживающего на покое в Оптиной Преосвященного Михея, бывшего Уфимского¹, от него зашел в монастырскую больницу, где навестил болящего монаха Герасима, у которого поражены параличом ноги, и вот уже девять лет, как он недвижим. При этом на лице — ни одной черточки страдания, ропота, а полное благодушие и терпение — все переносится ради Господа. Здесь же, в больнице, Владыка посетил находящегося на покое архимандрита Агапита, ближайшего ученика и секретаря отца Амвросия.

Вечером этого дня — четверга — Владыка по просьбе отца настоятеля служил всенощную, так как в Оптиной был престольный праздник Феодора Стратилата².

Приятно было постоять и послужить эту всенощную, когда пение лилось безостановочно, энергично, и не видно было, как прошло пять часов стояния.

На утро, в пятницу, в 5 часов утра мы покинули Оптину, унося неизгладимую память о ее насельниках и чувству большую благодарность ее достойному отцу настоятелю, архимандриту Исаакию.

¹ Епископ Михей (Алексеев) (†1931). На покое с 1913 года.

² Придел в храме в честь Казанской иконы Божией Матери.

Елена Бехтерева

Возвращение

Возвращение Свято-Введенской Оптиной Пустыни в лоно Русской Православной Церкви стало ключевым моментом в возрождении церковной жизни по всей России.

Это произошло в первых числах июня 1987 года, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев подписал свое распоряжение о возвращении Свято-Введенского монастыря Русской Православной Церкви. Но ничто не происходит «по мановению волшебной палочки»: благодать Божия ниспосылается как награда за стойкость в вере и любовь ко Христу. И эта награда далась нашему народу нелегко, видимо, он заслужил ее, поправ оккультные силы гитлеровского

нацизма и искупив свое грехопадение периода революционной апостасии и богохульства великими жертвами. Несмотря на все искушения и испытания, переживая внешние гонения и свое духовное падение, русская душа не умерла, она в течение долгих десятилетий хранила искру Божию, пребывая в религиозном томлении и в надежде:

*Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть
и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?*

Так еще полтора столетия назад описал это состояние русской души Ф.И. Тютчев.

Оптина Пустынь. Общий вид. Вторая половина XX века

Оптина Пустынь. Святые врата. Вторая половина XX века

А не является ли реальная свобода вероисповедания основным завоеванием нашего народа за последние десятилетия? Ведь ее плоды стали доступны каждому, причем без грабежей, перешагивания через трупы, без хитростей, ловкачества и других элементов, присущих периоду перехода нашей страны от коммунистического режима к рыночной экономике и «демократическому» обществу? Чтобы воспользоваться плодами этой победы, надо лишь прислушаться к собственному сердцу и, уже не таясь, сказать: «Верую, Господи!» Ведь настоящая свобода — это когда не нужно прятать свои чувства!

Борьба за возрождение монастырской жизни в Оптиной Пустыни, а вместе с этим — за Православную Россию, протекала без лозунгов, без газетной шумихи, на фоне некоторого ослабления коммунистического режима в результате внезапной смены нескольких партийных руководителей, происшедшей за очень короткое время. Это повлияло и на некоторое оживление общественной жизни, носившее в основном диссидентский или правозащитный характер, широко рекла-

мируемое и пользующееся поддержкой Запада и всегда направленное на подрыв государственного строя, а следовательно, на ослабление самого государства.

Как бы даже в противовес этому нарастало и патриотическое движение, нацеленное на процветание страны; после долгих лет гонений на русскую культуру, и в особенности на Русскую Православную Церковь, стало просыпаться и православное самосознание народа.

В восьмидесятые годы прошлого столетия приближение Тысячелетия Крещения Руси воспринималось большей частью общества не столько как величайшее религиозное и церковное событие, сколько как важный этап культурно-исторического прошлого. Мы отстаивали еще сохранившиеся после большевистских погромов памятники истории и культуры: дворянские усадьбы и особняки, церкви, превращенные в склады и скотобойни. Еще в семидесятые годы на базе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в Москве в течение нескольких лет регулярно проводились суббот-

ники с участием десятков добровольцев-единомышленников. Именно эти субботники незаметно для властей стали зародышем нарастающего патриотического движения, возникла первая патриотическая группа, под названием «Клуб „Родина“», переименованная позже в «Витязи» и призывавшая к широкому празднованию годовщины Куликовской битвы.

На базе этой группы в 1983 году сформировалось и впервые получило официальную регистрацию Историко-литературное патриотическое объединение «Память», под моим председательством. Вначале в состав общества входило всего несколько человек, но уже через год «Память» превратилась в широкое, охватывающее всю страну, движение. Деятельность нашего объединения с воодушевлением была воспринята и за границей, в особенности русскими эмигрантами первой волны в Италии, США и даже Австралии.

С появлением объединения «Память» изменилась общая картина патриотического движения: к уже существовавшему национал-большевистскому течению, склонявшемуся к неоязычеству, прибавилось наше православное течение.

Какое-то время «витязи», вошедшие в структуру объединения «Память», про-

должали сотрудничество с нами, но вскоре они стали проводить работу самостоятельно, независимо, даже тайно от официально существующей «Памяти», тем не менее пользуясь ее названием, уже получившим широкое признание. Хотя оба течения патриотического движения имели единое стремление — способствовать процветанию нашей страны, однако пути достижения этого видели по-разному.

Большинство отдельно от нас образованных групп, также называвших себя «Память», склонялось к русскому нео-язычеству, ставя основной целью увеличение роли русского народа в различных сферах жизни нашего общества. Мы же считали, что возрождение России возможно лишь на православной основе, что насущные проблемы страны должны решаться вместе с *внутренним* преобразованием человека, что успех в проведении внешних реформ целиком зависит от духовного состояния общества, «иначе, — как говорил классик, — старая мразь опять выплывет на поверхность». Поэтому проведение коренных, тем более системных, реформ требует времени на подготовку. Когда трудно «уловить разницу в образах мышления... что здесь, что там они вместо объединения ели друг друга», — охарактеризовал подобную ситуацию писатель С.Т. Алексеев.

В конце октября 1985 года среди бела дня в центре Москвы на меня было совершено нападение. После этого я оставила «Память». Ее руководителем стал Д.Д. Васильев, а вместо официально признанного патриотического Объединения «Память» появился ее скандально известный незаконнорожденный преемник «Патриотический Фронт „Память“», деятельность которого была сведена к борьбе с сионизмом.

Таким образом, мое имя ассоциировалось у многих с деятельностью православной «Памяти», и это очень помогло, когда я напрямую занялась делами, связанными с Русской Православной Церковью.

Шел 1987 год... Приближалось Тысячелетие Крещения Руси, празднование которого предполагалось провести в Свято-Даниловом монастыре, где полным ходом шли реставрационные работы. В то же время в Оптиной Пустыни, когда-то бывшей сердцем русской духовности, царила мерзость запустения. Я узнала о том, что группа архитекторов-реставраторов хлопочет о передаче Свято-Введенской Оптиной Пустыни в ведение Министерства культуры РФ. Тогда я решила во что бы то ни стало помешать этому: передача монастыря министерству означала бы превращение его в бездушный музей мертвых экспонатов вместо того, чтобы дать ему возможность жить полнокровной духовной жизнью. На территории монастыря в то время размещался учебный комбинат сельскохозяйственного оборудования и общежитие для учащихся, с заброшенной и поломанной техникой, полуразрушенными, заваленными хламом церквями.

Обдумав положение дел, я поняла, что ситуация в стране дает шанс, о чем говорил мне и предыдущий опыт общественной работы. Но идти напролом, собирать людей в поддержку передачи Оптиной Пустыни Русской Православной Церкви было лично для меня опасно (после недавнего нападения), а может

быть и вредно вообще, так как могло вызвать противостояние как «язычников», так и атеистов, и это, скорее, привело бы именно к «примиренческому» решению — в пользу работников культурного фронта. Надо было спешить, чтобы опередить их, но в то же время действовать без всякого шума, келейно, посвящая в этот план лишь самых близких единомышленников, способных помочь конкретно.

Таковыми людьми, прежде всего, были художник-монументалист Алексей Артемьев и его жена Александра, тоже художница. Необходима была и неофициальная поддержка самой Русской Православной Церкви, и я обратилась за благословением и молитвами к наместнику Свято-Данилова монастыря, архимандриту Тихону (Емельянову)¹, с которым незадолго до этого меня познакомила его сестра, матушка Вера.

Как многим в то время, мысль о возвращении Оптиной Пустыни Церкви показалась отцу Тихону сначала абсолютно бесперспективной. Мне даже показалось, что он отнесся к моей просьбе как к великому дерзновению: одно дело для властей широкое празднование Тысячелетия Крещения Руси в Свято-Даниловом монастыре, представлявшем лицо Русской Православной Церкви, демонстрирующим перед миром лояльность коммунистов по отношению к религии, другое дело — прецедент, ведущий к реальной возможности возрождения Церкви, возрождению чуждого коммунистической идеологии православного мировоззрения. Не дав мне определенного ответа, отец Тихон удалился на трапезу (полагаю, и на молитву), распорядившись ждать своего возвращения. Вернулся он совсем в другом, приподнятом, настроении, благословил на богоугодное дело и велел докладывать о его ходе.

¹ Тихон (Емельянов), митрополит Новосибирский и Бердский. В сан митрополита возведен 8 января 2012 г.

Оптина Пустынь. Вторая половина XX века

Набросав черновик письма к Генсеку ЦК КПСС М.С. Горбачеву, я показала его Михаилу Антонову¹ с просьбой сделать свои замечания. Необходимо было уложиться максимум в полторы страницы, так как были опасения, что длинное письмо «наверху» поленятся читать, при этом подчеркнуть значение Оптиной Пустыни не столько для Русской Православной Церкви, сколько как памятника культуры, имеющего всенародное значение, убедить партийное руководство страны в том, что этот шаг положительно повлияет на имидж властей на международном уровне, имея в виду приезд в Советский Союз иностранных гостей на празднование Тысячелетия Крещения Руси.

Проработав несколько часов, мы получили следующий текст:

¹ Экономист и публицист, автор нашумевшей в 1981 году статьи «Нравственность экономики», напечатанной в журнале «Наш современник». К сожалению, позже, мне пришлось написать о нем статью «Вы за Ленина или за Бога?», опубликованную в «Литературной России». — *Примеч. автора.*

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Обращаемся к Вам по вопросу большого историко-культурного, политического и нравственного значения.

В связи с приближающейся знаменательной датой в истории нашей страны — Тысячелетием принятия христианства на Руси — следует ожидать резкого возрастания интереса советской и зарубежной общественности к памятникам, с которыми связаны важные события в истории духовной жизни России. Среди них одно из первых мест занимает Оптиная Пустынь — бывший монастырь, расположенный у города Козельска Калужской области.

Не касаясь вопроса о роли Оптиной Пустыни в истории Русской Православной Церкви, отметим лишь ее значение как памятника истории и культуры, поскольку в самые сложные периоды своей жизни и творчества сюда приезжали такие светочи русской и мировой культуры, как Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, П.В. и И.В. Киреевские, В.С. Соловьев, А.К. Толстой, А.Н. Апух-

*Оптина Пустынь. Колокольня и Святые
врата Иоанно-Предтегенского скита.
Вторая половина XX века. На месте креста —
телевизионная антенна*

тин и многие другие писатели, ученые, деятели искусства. Как видно из сообщений советской печати, в настоящее время в Русской Православной Церкви рассматривается вопрос о канонизации Амвросия Оптинского...

По совокупности этих причин, надо полагать, поток экскурсантов и паломников к этому месту, священному не только для верующих, но и просто для многих почитателей творчества выдающихся мастеров литературы и искусства, в ближайшие годы будет стремительно нарастать.

Между тем, в настоящее время Оптиная Пустынь находится в неприглядном состоянии. Хотя реставрационные работы ведутся в ней на протяжении многих

лет, до их завершения еще далеко. Самое же главное — у памятника нет заботливого хозяина. А это значит, что жизнь его и в отреставрированном состоянии (особенно при нынешнем низком качестве работ) вряд ли будет долговечной. Как запреты на посещение памятника, так и плачевное его состояние не будут способствовать делу патриотического воспитания народа и упрочения международного престижа нашей страны.

В этих условиях единственным достойным выходом из положения, как нам представляется, была бы передача бывшего монастыря в ведение Русской Православной Церкви, а именно Свято-Данилова монастыря, чьей территории явно не достаточно для той роли, которая ему отводится в будущем. При этом можно было бы избежать создания новых реставрационных учреждений, так как работы в Оптиной Пустыни могли бы проводиться на базе существующих в Даниловом монастыре ремонтно-строительных организаций, используя их технику и рабочую силу.

В отреставрированной Оптиной Пустыни можно было бы разместить мемориальный музей, а также открыть оздоровительно-лечебный центр для монахов преклонного возраста, которым уже не под силу пребывать в действующих монастырях, но которые не могут пользоваться и светскими домами для престарелых.

Передача Оптиной Пустыни в ведение Церкви явилась бы гуманным актом исторического значения, который, как мы полагаем, встретил бы поддержку со стороны широких слоев советской и мировой общественности».

Свои подписи поставили:

Лев ПонTRYгин — академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР;

Дмитрий Лухачев — академик, лауреат Государственных премий СССР, председатель Всесоюзного фонда культуры;

Валерий Ганичев — писатель, главный редактор журнала «Роман-газета»;

Виталий Севастьянов — летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза;

Иван Козловский — певец, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, Лауреат Государственных премий;

Валентин Распутин — писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий;

Георгий Свиридов — композитор, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР.

Следующий этап, сбор подписей, продлился долго: не хотелось торопить события, хотя политический момент был вполне подходящим, но я ждала какого-то внутреннего сигнала для встречи с каждым предполагаемым подписантом, и этот момент нельзя было ни пропустить, ни ускорить. А так как решение вопроса зависело от коммунистических властей, принципиальных противников и давних гонителей религии, подписать письмо должны были не только известные всей стране люди, к которым нельзя было применить какие-либо репрессивные меры, но в то же время пользующиеся авторитетом у самих властей. Ввиду специфичности обращения, это должны были быть, безукоризненные, ничем не запятнавшие себя люди, желательно православные, иначе «лишний» человек мог погубить все дело.

Вместе с Артемьевыми мы обсудили примерные «кандидатуры». Их было не так много, но узнать номера телефонов, дозвониться, а тем более договориться о личной встрече с известными людьми было непросто. Усложняло ситуацию и то, что телефоны (особенно мой) постоянно прослушивались, и договариваться о цели встречи по телефону я опасалась. Помогало то, что многие связывали мое имя с той «Памятью», о которой они не успели забыть.

Сразу согласился на встречу незрячий академик-математик *Лев Семенович Пон-*

*Оптина Пустынь. Святые врата Иоанно-Предтегенского скита.
Вторая половина XX века*

трягин. Я почувствовала в нем патриота, когда он незадолго до этого выступил в печати против введения новой школьной программы по математике, которую усердно лоббировал академик А.Н. Колмогоров. По мнению академика Понтрягина, новая программа настолько усложнена, что способна погасить интерес школьников к техническим наукам и привести к оттоку абитуриентов в технические вузы, что создаст дефицит научно-технических кадров и, следовательно, вызовет общий спад экономического потенциала страны. Он оказался верующим, воцерковленным человеком и безо всяких колебаний не только поставил свою подпись, но воспринял возможность возрождения Оптиной Пустыни с большим энтузиазмом и, желая помочь, предложил мне

тут же из его квартиры позвонить другу-академику, будучи уверен, что тот также поставит свою подпись, так как благодаря своим научным работам и археологическим открытиям он слыл патриотом и русофилом. Вопреки своему обыкновению не звонить экспромтом, я объяснила цель своего звонка, но, к нашему удивлению, получила решительный отказ. Этот академик высказался вообще против передачи Оптиной РПЦ, объяснив, что он старовер.

С академиком *Дмитрием Сергеевичем Лихачевым* я в этот раз лично не встречалась. Его подпись в поезде Москва — Ленинград получил для нас академик Б.В. Раушенбах.

Но позже, обратившись к Д.С. Лихачеву по подобному поводу на праздновании 400-летия Патриаршества в России, я получила отказ: он сказал, что не нужно вообще ничего передавать РПЦ — а церкви надо просто «законсервировать» — починить крыши и оставить до лучших времен. Обратившись к проходившему мимо нас Никите Толстому, он спросил, как тот относится к предполагаемому изданию «*Русской энциклопедии*». По его мнению, должна быть *российская*, а не *русская* энциклопедия. «Это что, нас заставят кровь сдавать, что ли?» — возмущался Лихачев. Н. Толстой ушел от ответа.

Валерия Николаевна Ганичева я застигла врасплох в Центральном доме литераторов. Признаться, мне удалось заполучить его подпись не сразу, что естественно: ведь он был номенклатурным работником ЦК и серьезно рисковал своей карьерой, но я интуитивно чувствовала в нем одного из немногих истинно русских интеллигентов-патриотов, с чьим мнением считались в партийных кругах. Получив с первого раза отказ, я была разочарована, но решила повторить попытку и побродив по фойе несколько минут, подошла снова. На этот раз он отказывался не так решительно и поставил свою подпись вторым, вслед за академиком ПонTRYгиным. Зато сейчас, по его

собственному признанию, будучи Председателем Русского Народного Собора, Валерий Николаевич считает это самым важным поступком в своей жизни.

Валентина Григорьевна Распутина уговаривать не пришлось, но потребовалось несколько недель для того, чтобы дожидаться его приезда в Москву. Кажется, меня познакомил с ним писатель Василий Иванович Белов (или Н. Крупин?), для которого я в течение нескольких месяцев, пока он находился у себя дома, в Вологде, собирала материалы по раскулачиванию в первые годы советской власти.

А чтобы связаться с космонавтом СССР *Виталием Ивановичем Севастьяновым*, потребовалось больше месяца. Наконец мы встретились: он подъехал к Государственному театру киноактера, где я тогда работала. Мы переговорили в его машине, он внимательно перечитал письмо, подписал безо всяких вопросов и показал мне икону, которую вез с собой, чтобы подарить ее Свято-Данилову монастырю.

У *Ивана Семеновича Козловского* меня встретили очень радушно, как давнюю знакомую. Почти девяностолетний хозяин дома был оживлен, одет с иголочки, вместе с сестрой показывал альбом с фотографиями, рассказывал о подшефной ему музыкальной школе, которую он построил на Украине, в родном селе, и содержал на свои средства. Иван Семенович поделился своей мечтой, которую он вынашивал уже давно, — побывать в Оптиной Пустыни. Она осуществилась, когда в монастыре уже возобновились богослужения.

Георгий Васильевич Свиридов был последним из подписантов. Но с ним и его супругой Эльзой Густавовной, немкой по происхождению, я имела возможность более близкого общения. Я бывала у них и в московской квартире, и на даче, в поселке Академии наук Ново-Дарьино, которую они снимали на протяжении многих лет. Здесь, конечно, был рояль, и Георгий Васильевич очень любил там

работать. Иногда он предлагал мне присоединиться к нему на прогулке по поселку (я некоторое время жила на той же улице, на даче у подруги). Несмотря на его сложный, несколько вспыльчивый характер, как иногда, чисто по-женски, делилась со мной Эльза Густавовна (что вообще характерно для гениев, которым мешает любое, а особенно бытовое, вторжение в их непрерывающийся творческий процесс), мы много и откровенно беседовали: Георгий Васильевич интересовался моим мнением об общих знакомых, о современной музыке и ее исполнителях, говорил о самобытности русской культуры. Эльза Густавовна понимала и принимала все нюансы его настроения, а когда мы разговаривали втроем, я чувствовала их полное взаимопонимание и взаимоуважение. После Перестройки, и гайдаровской либерализации цен Свиридовы лишились возможности снимать дачу, где Георгию Васильевичу так хорошо работалось на протяжении многих лет: цена за аренду, которую запросили владельцы дачи, оказалась недоступной для композитора с мировой славой, а на

собственный загородный дом денег он так и не заработал.

Потом я встретила с Эльзой Густавовной вскоре после похорон Георгия Васильевича. Она была тяжело больна и не покидала постели. Я принесла ей написанную мной статью о возвращении Оптиной Пустыни, посвященную памяти ее супруга. Она была мне рада, настойчиво просила навестить в скором времени, но я постеснялась, зная из ее слов о том, что ее одолевают разного рода визитеры, интересующиеся наследством и наследием Георгия Васильевича. Я рассчитывала повидаться с ней, когда наступит спад этих посещений, но, к сожалению, этого не получилось: Эльза Густавовна умерла вскоре после супруга, когда меня не было в Москве.

При сборе подписей было и несколько неудач, чаще с учеными-академиками, когда люди отказывались подписать письмо. В итоге получение семи подписей у меня заняло несколько месяцев. При этом я не расслаблялась, не медлила, а, нацелившись на определенного человека и полагаясь на свою

Оптина Пустынь. Братский корпус. Вторая половина XX века

интуицию, выжидала благоприятного момента, чтобы не получить отказ. Проявлять свою настойчивость, что-либо ускорить в этом деле, как мне казалось, было нельзя, и я старалась поймать момент, когда на то будет воля Божия...

Наконец подписи были собраны, наступил решающий и самый сложный этап — найти способ передать обращение непосредственно в руки Генерального секретаря, чтобы оно не затерялось среди общего многотысячного потока писем наших граждан, адресованных руковод-

ловек, но стоящий непосредственно у власти. Перебирая в уме немногие варианты, я вспомнила об академике *Иване Тимофеевиче Фролове*, который казался мне, несмотря на свою ярко выраженную партийную принадлежность, личностью незаурядной, обладающей не только тонким умом философа, глубоким образованием и широкими взглядами, но и редкой порядочностью. Он давно вызывал у меня личную симпатию: его имя я встречала на страницах журнала «Вопросы философии», которые иногда просма-

*Оптина Пустынь. Место погребения преподобного Амвросия, старца Оптинского.
Вторая половина XX века*

ству страны и попадающих в руки бесчисленной армии бюрократов, цель которой — оградить руководство от всякой информации, поступающей «снизу». Наше письмо мог передать в руки Михаилу Сергеевичу только близкий к нему человек. Таких людей среди моих знакомых, естественно, не было: все, связанное с какой-либо властью, было мне чуждо. Однако в данной ситуации мог помочь не просто партийный и порядочный че-

тривала, знала, что он — главный редактор журнала «Коммунист». Но больше всего меня поразило то, что на свои «Философские беседы» на телевидении, он, видимо, пользуясь своим высоким социальным положением, осмелился вместе с такими известными советскими философами, как Генрих Батищев, «грузинский Сократ» Мераб Мамардашвили и другие, регулярно приглашать православного богослова, митрополита Питирима (Нечае-

ва), заведующего Издательским Отделом Московского Патриархата, и не только давал ему возможность высказаться, но, поддерживая его мнение, подчеркивал свое к нему уважение, давал аудитории почувствовать, что богослов здесь не чужак, что среди мыслящих людей мнение каждого ценится одинаково. Подобный равноправный диалог между коммунистами и богословами был немыслим на протяжении всего советского периода.

Но вскоре я узнаю, кажется, мне сказал об этом В.М. Клыков, наш знаменитый скульптор, что И.Т. Фролов назначен помощником самого Горбачева. Однако войти в контакт с таким высокопоставленным лицом было не так просто. Официальным путем невозможно: как только секретарша задаст обычный вопрос: «По какому делу?» — надо вешать трубку. И вот, с Божией помощью, мне удалось раздобыть домашний телефон Фроловых. Прошло довольно много времени, прежде чем я решилась позвонить, ведь Фролов был моей единственной надеждой.

Как-то в полусне, я увидела старца Амвросия... Это был явный знак, что медлить нельзя! К телефону подошла жена Фролова, Галина Леонидовна. Назвав себя и упомянув «Память», этого было не скрыть, я изложила свою просьбу, сославшись на имена людей, подписавших письмо. Несмотря на благожелательный тон, я почувствовала ее сомнение в успехе нашего предприятия, но, она пообещала сообщить Ивану Тимофеевичу о моей просьбе и сказала позвонить через несколько дней. Я звонила, но безрезультатно. Выжидала еще две недели. И вот внезапно, когда шла под проливным дождем где-то в районе Консерватории, что-то подсказало: позвони еще раз! Зашла в телефонную будку. Трубку снова взяла Галина Леонидовна: «Приходите сейчас, если можете». Я была в центре, недалеко от их дома, а письмо почти всегда было со мной. Через пятнадцать минут я уже звонила в квартиру Фроловых. Ивана Тимофеевича дома не

было — Галина Леонидовна ждала его в обеденный перерыв. Я передала ей письмо, мы немного поговорили, очевидно, между ними была договоренность, что сначала Галина Леонидовна на меня посмотрит — все-таки посторонний человек. Дождаться Ивана Тимофеевича она мне не предложила.

Так получилось, что передача письма состоялась 3 июня 1987 года, в день празднования Владимирской иконы Божией Матери, келейной иконы старца Амвросия, и, одновременно, памяти святой равноапостольной царицы Елены, день моего тезоименитства. Я позвонила на следующий день, только чтобы узнать, согласился ли Иван Тимофеевич передать письмо Горбачеву. Совершенно неожиданно для меня и к огромной радости, Галина Леонидовна сообщает, что Иван Тимофеевич передал письмо в тот же день, и положительное решение было принято сразу, в его присутствии.

Позже сам Иван Тимофеевич рассказал мне, как это происходило. Прочитав письмо, Горбачев позвонил по телефону А.Н. Яковлеву, ответственному в ЦК КПСС за идеологию, будущему идеологу Перестройки и ее главному демократу со словами: «Сашок, зайди ко мне!» Передав письмо Яковлеву, Горбачев распорядился подготовить решение ЦК и немедленно начать по нему работу.

Был ли в то время Иван Тимофеевич, занимавший столь высокие посты в государственной структуре, воцерковленным человеком? Можно с определенностью сказать, что не был. Но он был крещен в детстве и был настоящим русским интеллигентом с чуткой православной душой и открытым сердцем, готовым вместить и воспринять благое. Будучи философом, он, вместе с тем, не был «зашоренным» коммунистом и, понимая ограниченность марксистской идеологии, стремился к более глубокому и всестороннему осознанию жизни — не напрасно же он приглашал на свои «Философские беседы» богослова.

Оптина Пустынь. 1945 год

Как помощник главы государства академик Фролов видел необходимость кардинальных политических и социальных перемен. Когда мы уже были достаточно знакомы, мы как-то вышли в сад его дачи, чтобы нас не подслушивали, и я спросила, считает ли он, что настало время покончить с пресловутой «диктатурой пролетариата». Хотя столь прямой вопрос его несколько шокировал, ответ не был категоричен, как следовало бы ожидать от помощника Генсека ЦК КПСС. Его ответ был: «Подождите, подождите!» Каким-то образом была затронута и масонская тема, в то время уже широко обсуждаемая не только на кухнях, но и в печати, особенно в патриотической, возможно, в связи с пребыванием Горбачева на Мальте. Иван Тимофеевич передал мне разговор, состоявшийся у него с А.Н. Яковлевым, который, будучи несколько лет назад послом в Канаде, посещал Международный масонский конгресс и, всячески восхваляя полезность этой тайной организации, обнаруживая при этом свою удивительную информированность по этому вопросу, интересовался мнением Ивана Тимофеевича о масонстве. Однако не получив ожидаемой поддержки от собеседника по этой теме,

стал в дальнейшем проявлять не только холодность, но и подчас явную враждебность по отношению к Фролову.

В 1991 году, когда Перестройка шла полным ходом, а позиция Горбачева слабела с каждым днем, у Ивана Тимофеевича обострилось нарушение кровообращения нижних конечностей. Консилиум врачей решил, что неизбежна ампутация ног. Семья была в отчаянии. Чем можно было помочь? Только молитвой. Через некоторое время Галина Леонидовна мне сообщила, что в Германии согласились помочь без ампутации. Однако пребывание в больнице стоило очень дорого. Естественно, у академика Фролова таких денег не было. Семья обратилась за помощью к Генсеку, но тот своему помощнику отказал. С большим трудом удалось собрать сумму, которой хватило только для поездки, но не для лечения. К счастью, в дрезденской больнице согласились на бесплатное лечение столь уважаемого и известного пациента. (Обошлось без полной ампутации, однако позже, была удалена часть ступни.)

Фроловы вернулись в Москву после августовского путча. Многие помнят, что после победы «демократических сил» началась настоящая травля не

только коммунистов-патриотов, но и армии, правоохранительных органов, даже иерархов Русской Православной Церкви обвиняли в сотрудничестве с КГБ, навешивали различные ярлыки. Не последнюю роль играл в этом «прораб» демократической Перестройки Яковлев. На заседании Верховного Совета депутат «межрегиональной группы» выступил с требованием арестовать академика Фролова, обвинив его в участии в коммунистическом заговоре, хотя до и во время коммунистического путча Фролов находился на больничной койке в Германии. Травля коснулась даже обеих дочерей Фроловых, учившихся в МГУ. По признанию Галины Леонидовны, обстановка для семьи становилась все более невыносимой. Мне хотелось хоть как-то их поддержать — несколько раз я пыталась им дозвониться, но безуспешно. Вскоре они уехали в Германию, и я потеряла с ними связь. Я надеялась, что они вернуться, хотелось передать им свою статью из «Церковного Вестника» о возвращении Оптиной Пустыни, сказать, что монахи Оптиной их помнят и молятся за них, но мне это не удалось.

Еще раньше Галина Леонидовна мне сказала, что, вернувшись после лечения из Германии, Иван Тимофеевич в своем родном селе Доброе, Липецкой области, построил церковь. Не это ли свидетельство истинно православной души человека, бывшего коммунистом, но способного «воскреснуть и восстать», едва его коснется искра Божия?

Уже через неделю после указа Горбачева Яковлев лично приехал в Оптину. Трудно объяснить это рвение сторонников «нового мирового порядка», делавших ставку на «мировую экуменическую церковь»; однако они недооценили глубину православного самосознания людей, надеясь на то, что в восстановленных стенах храмов народ примет подброшенную ему приманку в виде новой всемирной религиозной идеологии, но, увлекшись «борьбой за демократию», — просчитались.

Работы по восстановлению обители, как и предлагалось в письме, были поручены руководству Свято-Данилова монастыря. Архимандрит Тихон помимо строительной бригады, необходимых материалов и прочего направил в Оптину трех монахов для молитвы, уборки территории, наблюдения за работами и охраны стройматериалов. Несмотря на поистине аскетические условия (полуразрушенные, неотапливаемые помещения, отсутствие санитарных удобств, трудности, связанные с доставкой продовольствия и т. д.), монахи провели там всю зиму и стали первыми насельниками монастыря.

В следующем году наместником Оптиной Пустыни был определен архимандрит Евлогий (Смирнов). К тому времени уже были заметны первые результаты реставрационных работ. Сначала необходимо было провести подготовку — расчистить территорию, вывезти сельскохозяйственные машины и механизмы, найти свободное жилье и переселить людей, живших в строениях, принадлежащих монастырю, и многое другое.

Весной 1988 года на семинаре секции художников-монументалистов я предложила провести первый субботник в Оптиной Пустыни. Архимандрит Тихон предоставил нам микроавтобус Данилова монастыря, в который поместилось четырнадцать человек — художники под руководством В. Мокроусова, Вера Селина, не пропускавшая ни одного субботника ВООПиК, и я. Художникам пришлось заниматься самой тяжелой работой — разгребать кучи строительного мусора и убирать его вручную, на носилках; мы, две женщины, отмывали полы в помещении после ремонта, помогали на кухне. Отец Евлогий был доволен работой, он не ожидал, что добровольные помощники будут трудиться в три раза лучше, чем нанятые рабочие...

Не помню, каким образом, но со мной связалась родственница художника Д.М. Болотова, в семье которой хра-

нился прижизненный портрет старца Амвросия Оптинского, который они решили продать при условии, что портрет будет находиться в Оптиной Пустыни. Я сообщила об этом отцу Тихону. Он решил приобрести этот портрет и подарил его схиархимандриту Макарию, с юности бывшему его духовником, который страстно радел за восстановление Оптинского монастыря.

Однако сам отец Макарий из-за своих амбиций, претендуя на келью старца Амвросия, противостоял наместнику монастыря и даже стал причиной некоей смуты между монахами. Так и не став насельником Оптиной Пустыни, он поселился рядом, в селе Прыски, в окружении нескольких преданных ему монахинь и послушниц. Несмотря на то, что отец Тихон через какое-то время сам отказался от общения с ним, прижизненный портрет старца Амвросия до самой кончины отца Макария оставался при нем.

И.Т. Фролов помогал мне еще не один раз. Наиболее сложным оказалось возвращение Русской Православной Церкви Киево-Печерской Лавры, о чем, ободренные возвращением Оптиной Пустыни, хлопотали многие, в том числе и группа православных священников, но дело не двигалось в течение нескольких лет. Под нашим новым обращением подписались двенадцать самых уважаемых представителей интеллигенции, причем, так как в письме подчеркивалось огромное культурное значение Лавры для различных национальностей нашей страны, принцип подбора подписантов ориентировался на этот факт. В результате свое имя под этим документом поставили: певец И.С. Козловский, космонавт В.И. Севастьянов, молдавский писатель И. Друзэ, композитор Г.В. Свиридов, академик Б.В. Раушенбах, писатель В.Г. Распутин. После прецедента с Оптиной Пустынью вопрос разрешился примерно через месяц: Лавра была передана Русской Православной Церкви. И не перестаешь удивляться промыслу Божию — ведь через

несколько лет на Украине произошел церковный раскол, и вряд ли раскольники смирились бы с тем, что у Лавры нет настоящего хозяина: на гребне националистического подъема они присвоили бы Лавру себе.

Таким же образом, с помощью Ивана Тимофеевича, был решен вопрос и о передаче Оптиной Пустыни Иоанно-Предтеченского скита, и разрешено открытие православных учебных заведений. Письмо же о монастыре в Шамордине передал в руки Яковлева писатель Распутин.

Вскоре после этого письма меня пригласили в Совет по делам религий при Совете Министров СССР — видимо, просто хотели познакомиться. Приняли очень приветливо, спросили, как это у меня удачно все складывается, и предложили в дальнейшем обращаться к ним, если возникнет необходимость. Стало понятно: особого сопротивления Церкви власти уже больше не чинили.

В 1990 году, когда с подъемом религиозных настроений усиливалось влияние Русской Православной Церкви, а вместе с ним и противостояние ему демократических, экуменических сторонников и прозелитских устремлений католиков, особенно важным казалось стремление к воссоединению Русской Православной Церкви с Русской Православной Церковью за рубежом. В связи с этим я обратилась с письмом к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию (Пояркову) с просьбой дать благословение на проведение конференции по церковным вопросам, представляющим препятствие для такого воссоединения. После одного из богослужений в храме Новодевичьего монастыря я передала это письмо Владыке. Получив благословение, я поделилась этим планом с А.В. Артемьевым и послушником Псково-Печерского монастыря Георгием Шевкуновым (ныне архимандритом Тихоном, наместником Сретенского монастыря в Москве). Они с энтузиазмом откликнулись на эту идею.

Иоанно-Предтегский скит Оптиной Пустыни. Вторая половина XX века

Зная, что в среде рядовых членов За-
рубежной Церкви преобладает стремле-
ние к воссоединению, мы решили при-
гласить к участию и ее представителей,
проживающих в Москве или часто при-
езжающих в Россию. Георгий Шевкунов
договорился о выступлении на конферен-
ции Зураба Чавчавадзе. Я же обратилась
за помощью в официальный Отдел связи
с соотечественниками. К сожалению, из
этой затеи ничего не вышло. Зураб Чав-
чавадзе, еще накануне давший слово вы-
ступить, на конференцию вообще не при-
шел, не дав никаких объяснений, и чи-
новники из официального отдела, хотя
и одобрительно отнеслись к подобному
мероприятию, также ничем не могли по-
мочь.

Тем не менее конференция «Русская
Православная Церковь: история и совре-
менность», созванная «по инициативе
мирян московской епархии с благосло-
вления Святейшего Патриарха Москов-
ского и всея Руси Алексия II», состоялась
18–19 сентября 1990 года и прошла на
одном дыхании. Небольшой зал Цен-
трального дома архитекторов не вмещал

всех желающих. Несмотря на остроту,
эмоциональность и критичность многих
выступлений, общий тон дискуссий был
на редкость доброжелательным и откро-
вленным. В заключительном документе
конференции участники единодушно вы-
разили стремление к скорейшему разре-
шению спорных вопросов, разделяющих
две сестринские Церкви, во имя их ско-
рейшего сближения и воссоединения.

Огромную помощь в организации
конференции нам оказал владыка Юве-
налий. Он не только благословил про-
ведение, но и стал ее участником, не про-
пустив ни одного выступления. Он лично
обсуждал с нами повестку дня, предлагал
кандидатуры докладчиков, однако нико-
гда не оказывал на нас никакого давления
и не отклонил ни одного из выступлений,
предложенных нами, мирянами, хотя
среди них были и такие, которые крити-
чески подходили к таким вопросам, как
участие РПЦ во Всемирном Совете Церк-
вей и некоторым другим. Владыка Юве-
налий неожиданно для нас договорился о
проведении конференции в Центральном
доме архитекторов и в течение двух дней

работы кормил обедом в ресторане Дома всех присутствовавших, ни на минуту не покидал зал конференции. По окончании работы владыка Ювеналий зачитал обращение Святейшего Патриарха Алексия II с выражением благодарности Синода РПЦ за ее проведение.

К сожалению, материалы конференции не были опубликованы. А ведь только в печатном виде они могли достичь наших «виз-а-ви» — «зарубежников». Владыка Ювеналий неоднократно напоминал мне об этом, так как считал меня

основным организатором. Но мне никак не удавалось выяснить, как продвигается эта работа, так как сотрудник, работавший в то время в Издательства РПЦ и взявший на себя труд расшифровки магнитной записи и печатания докладов, по непонятной для меня причине не только ничего не сделал, но и отказывался передать материалы для работы. Лишь через два года он вдруг по собственной инициативе передал мне кассеты, но публикация материалов конференции уже утратила свою актуальность...

Возвращение...

Лидия Соколова

Катынь: мифы и реальность. Лагерь польских военнопленных в Оптиной Пустыни

Исторический факт существования с 1939 по 1941 год лагеря для военнопленных поляков в Оптиной Пустыни не дает покоя некоторым деятелям с польской стороны. В 1989 году в монастырь приезжал известный польский режиссер Анджей Вайда, фильм «Катынь» которого впоследствии вызвал волну обострения русско-польских отношений. В 1992 году польская католическая делегация даже предприняла попытку совершить католическое богослужение на территории скита и пыталась навязать установку памятной доски о тех событиях на монастырских стенах.

Начиная с 1989 года поляки посещают монастырь в качестве паломников, байкеров и различных делегаций, нарушая покой братии не всегда корректным поведением.

Издатели предлагают читателю статью Л.И. Соколовой, историка, секретаря Комиссии по канонизации святых Санкт-Петербургской епархии, которая поможет разобраться в исторических событиях тех лет, до сих пор будоражащих не только поляков, но и нас.

Расстрел польских офицеров в Катыни — событие в череде тех, что обостряли и обостряют и без того весьма непростые отношения между Польшей и Россией. Вновь и вновь возникает этот вопрос по разным поводам и на разных уровнях. Многие российские историки, считающие все происшедшее в советский период преступлением перед человечеством, априори поддерживают западную точку зрения на эту трагедию. Удивляться не приходится. Еще А.С. Пушкин во время польского восстания 1830 года писал о таких «гражданах России»:

*Ты просвещением свой разум осветил
И правды густый лик увидел,
И нежно гуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

Отношения России и Польши на протяжении всей истории были напряженными. В 1772 году произошел первый раздел Польши. Второй раздел в 1793 го-

ду еще уменьшил ее территорию в пользу России. Когда в 1795 году, было подавлено восстание Тадеуша Костюшко, и А.В. Суворовым взята Варшава, государство Польша исчезло с европейской карты: его территория была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. Так часть Польши вошла в состав России. В свою очередь в Смутное время (1598–1613) поляки стремились захватить власть в Русском государстве и запомнились нам разорением Кремля, намерением навязать России католичество и длительной осадой Троице-Сергиевой Лавры.

Поляки приветствовали приход Наполеона и создание в 1807 году в результате Тильзитского мира Варшавского герцогства под протекторатом наполеоновской Франции. Около 200 тысяч из них приняли участие в походе французов на Россию. Тем не менее, после освобождения Европы от наполеоновского нашествия, российский император Александр I даровал бывшему герцогству Варшавскому, большей частью вошедшему по реше-

нию Венского Конгресса в состав России, Конституцию и широкую автономию.

Как бы не относились поляки к присутствию русских на их территории, нужно отдать должное последним, сохранившим и польский язык, и польскую культуру. Но тем не менее в поляках всегда присутствовала постоянная готовность к мятежу и желание отомстить «пшеклятым москалям», подогреваемые европейскими государствами. Польское восстание 1830—1831 годов вынудило другого российского императора, Николая I, к жесткой линии: по Органическому Статуту 14 (26) февраля 1832 года Польша лишилась автономии и стала частью Российской империи.

В 1914 году Николай II обещал вернуть Царству Польскому автономию после окончания Первой мировой войны. А в 1917 году уже Временное правительство признало право Польши на самоопределение.

Зимой 1919—1920 года советское правительство обратилось к Польше с предложением заключить мир, но получило отказ; в союзе с Петлюрой поляки напали на Украину, помогая ему в борьбе с большевиками. Мечтая вернуть границы Речи Посполитой, поляки воспользовались тем, что Россия была ослаблена войной и революцией, и захватили некоторые территории Прибалтики, часть Западной Украины и Белоруссии.

Поляки стремительно продвигались в глубь страны: в конце апреля 1920 года захватили Житомир, а 6 мая — Киев. В оккупированных областях ими организовывались расправы над теми, кто, по их данным, был красноармейцем и особенно коммунистом. Но не только: среди жертв были не относившиеся ни к тем, ни к другим.

Чинимые зверства явились причиной жесткого ответа. 26 мая 1920 года Красная армия перешла в контрнаступление. Фронт поляков был прорван 1-й Конной армией С.М. Буденного. В середине августа красноармейцы подошли к Варшаве

и Львову. Во время этого наступления по вине Л.Д. Троцкого и М.Н. Тухачевского войска зашли слишком далеко и остались без боеприпасов. Когда положение все-таки можно было спасти, Троцкий распорядился 1-ю Конную армию — главную силу — перебросить на северо-восточный фронт, чем оказал большую услугу Польше.

Так польской армии удалось отрезать наши тылы. В результате этого в польском плену оказалось 80 тысяч красноармейцев. Поляки сразу расстреляли 38 тысяч человек. Известно, что молодые польские офицеры издевались над пленными красноармейцами с особой садистской жестокостью. Десятки тысяч русских солдат, попавших в плен, поляки обрекали на смерть от нечеловеческих условий. Только 27 тысяч человек впоследствии вернулось домой.

18 марта 1921 года советская и польская стороны, не имея сил продолжать войну, заключили Рижский мирный договор, закрепивший все понесенные Россией потери.

В 1938 году Польша начала переговоры с Германией о разделе Европы: Гитлер обещал ей Литву и западные территории России, куда входил и Ленинград. Юг страны, включая Одессу, должен был отойти к Румынии. Для войны с СССР наготове были 350 тысяч польских солдат. Напасть на Союз планировалось в 1939 году, а конечным планом этой политики, согласно директиве польского генштаба, было уничтожение России независимо от ее политического строя. В связи с тяжелой международной обстановкой в СССР прошли аресты, в том числе и лиц польского происхождения, о чем свидетельствуют документы архива ФСБ. Нельзя не учитывать и тот факт, что польская разведка в то время активно работала на территории России и впоследствии «немецкие разведывательные учреждения старались использовать захваченные после поражения Польши документы польской разведки,

которая в предвоенные годы вела обширную шпионскую работу против Советского Союза»¹.

23 августа 1939 года между СССР и Германией был заключен Пакт Молотова-Риббентропа — договор о ненападении, который предусматривал сферу разграничения влияния: Советскому Союзу отходила восточная половина территории довоенного польского государства. Этот договор дал возможность Германии напасть на Польшу, что и было сделано 1 сентября 1939 года. Это положило начало Второй мировой войне.

Поляки пытались остановить стремительное продвижение немецких войск. 17 сентября Красная армия ввела свои войска в Польшу. Официально было объявлено, что эта операция является «освободительным походом в Западную Украину и Западную Белоруссию», поскольку после поражения Красной Армии под Варшавой часть территории Западной Украины и Белоруссии отошли к Польше по Рижскому договору 1921 года. Вести войну на два фронта Польша была не в силах, и главнокомандующий польской армией отдал приказ не вступать в бой с советскими войсками.

Красная армия, вступив на территорию Польши, захватила в плен около 200 тысяч поляков, в том числе и польских военнослужащих. Часть из них вскоре отпустили домой, тех же, кто, по сведениям Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), издевался над красноармейцами в годы Гражданской войны, расстреляли: это были враги советской власти, шпионы, агенты иностранных государств. Остальная часть осталась в плену. Это были люди, служащие в полиции, жандармы, тюремщики и так далее. В лагерях осталось, по одним данным, около 25 тысяч, по другим — 22 тысячи польских пленных.

¹ Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. Минск, 2007. С. 22.

С началом войны с Германией, 30 июля 1941 года советское и польское правительства восстановили дипломатические отношения, договорились о совместной борьбе против Германии и признали недействительными договоренности между СССР и Германией о разделе территории Польши. 12 августа 1941 года последовал указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии польским гражданам. И как следствие этого, — освобождение с Лубянки польского генерала Владислава Андерса.

Лагерь военнопленных в Оптиной Пустыни

Польские военнопленные содержались в Харьковской, Калининской и Тверской областях. В Козельском лагере находилось около 4,5 тысяч человек.

Отношения Польши с Оптиной Пустынью имеют свою историю и уходят в далекое прошлое: в 1610 году наемники польского короля Сигизмунда III полностью разорили Козельск, который всегда был связан с этой обителью, так что вместе с его жителями страдала и Оптина Пустынь. «Вся эта сволочь в эпоху Смутного времени, — пишет в 1876 архимандрит Леонид (Кавелин), — нещадно терзала Калужскую область, наполняя ее в течение нескольких лет убийствами, грабежами и пожарами»².

Ссылаясь на архивные материалы, предоставленные Издательским отделом монастыря Оптина Пустынь, можно воспроизвести вполне реальную картину жизни польских военнопленных в Оптиной Пустыни.

Они содержались в лагере, расположенном на территории бывшего Дома отдыха им. М. Горького, занимавшего знаменитую обитель. Караульные вышки и колючая проволока в несколько рядов окружали монастырь со всех сторон, но

² Леонид (Кавелин), иермонах. История Церкви в пределах нынешней Калужской губернии и Калужские иерархи. Калуга, 1876. С. 135.

собаки для охраны не использовались. Первая партия поляков прибыла в Оптиную Пустынь в октябре 1939 года. От станции Козельск до реки Жиздры растянулись колонны эшелонов с военнопленными.

Основная часть помещений, где в три яруса устроили нары для них, не сохранилась. Такие же нары были установлены во Введенском соборе. Маленькое помещение в юго-восточном углу монастыря, где дежурила охрана, существует и ныне. Для жилья охране отвели постройки, где сейчас находится гостиница и трапезная¹, перед входом на территорию обители. Общаться с поляками работникам лагеря было запрещено специальной инструкцией, но обращение предписано было вежливое.

Архивная справка сообщает интересные факты. Так, на заседании райкома партии 7 октября 1939 года обсуждался вопрос об оказании практической помощи этому лагерю военнопленных. Предлагалось создать им нормальные условия и даже «в трехдневный срок организовать торговлю на его территории — открыть магазин и дополнительно 2 ларька... организовать культурное обслуживание военнопленных — посылка кинокартин, практиковать выезды колхозного хора и самодеятельности детдома»² и т. д. Сначала порядки в лагере были столь либеральными, что пленные могли даже покидать его небольшими группами, посещая город, где они ходили в кино и на танцы. К одиннадцати часам вечера они должны были вернуться в лагерь. Затем режим стал более строгим, но охрана лагеря никогда не применяла оружие. Переписка с близкими людьми у поляков сохранялась на протяжении всего периода пребывания в лагере, не отнимали и военную форму у офицеров. На досуге пленные мастерили поделки: игрушки, свистульки, фигурки

зверей и птиц. Они часто дарили их русским детям.

Особой свободой пользовались польские врачи, которых было в лагере около 50 человек. Они поддерживали контакт с районной больницей в Козельске, где находились их раненые и больные. Главный врач этой больницы, хирург Д.М. Арсеньев, высоко отзывался о польских коллегах, приглашал их на консультации, оперировал вместе с польским профессором, полковником Шарецким и даже приглашал его к себе в гости. В памяти очевидцев тех событий сохранились имена и других поляков: в больнице лечился офицер Добровольский, в гараже работали Зяткевич, Вейзляк, Смолинский. Запомнилась жителям и единственная женщина-летчица, узница лагеря, которая находилась там вместе с братом.

Всего же в Оптиной Пустыни насчитывалось от двух до шести тысяч человек. Пленных поляков кормили три раза в день. Офицеры жили не в бараках, а в маленьких комнатках и питались отдельно, а кухня находилась во Введенском соборе. Между ним и Казанской церковью была устроена крытая галерея, которая и служила столовой. В лагере работала прачечная, парикмахерская, баня. В помещениях царил порядок, все пленные покупали для себя постельное белье. Работали они на расчистке дорог, в подсобном хозяйстве, на заготовке дров. «Все очевидцы единодушно утверждают, что отношения между поляками и русскими были мирными, не было недовольства, озлобления, не чувствовалось, что это враги. Поляки относились к нашим людям с доверием, симпатией, подкупали своей вежливостью, культурой общения. А наши жители платили им сочувствием, старались хоть чем-то помочь». Эти факты, собранные в архиве Оптиной Пустыни, подтверждают оставшиеся в живых свидетели. Многие из них вспомнили необычное прощание поляков с лагерем. Они шли колоннами до козельского вокзала пешком.

¹ Бывший лазарет с храмом во имя прп. Илариона Великого.

² Архивная справка ГАДНИ Калужской обл. от 22.04.2011. № ТЗ-28.

Следует также заметить, что большинство польских военнопленных было осуждено ОС НКВД к лишению свободы от 3 до 5 лет и никто из них не был приговорен к расстрелу. Поэтому идея увековечить трагическую гибель польских пленников на территории Оптиной Пустыни совершенно не оправдана¹.

Некоторые ресурсы в Интернете, к сожалению, не приводя источники инфор-

мации, сообщают, что в Козельском лагере находился 4421 узник и все они были расстреляны в Катынском лесу под Смоленском, в двух километрах от станции Гнездово. Так ли это было на самом деле?

Катынь — небольшой поселок под Смоленском, который стал символом бесчеловечности для всех польских граждан, потому что именно там впервые, в 1943 году, были обнаружены массовые захоронения польских военнопленных офицеров.

В наше время чуть ли не признаком хорошего тона стало шельмовать историю России, для чего используются всевозможные поводы, в том числе и трагедия в Катыни. Многочисленные пу-

¹ Начальником лагеря военнопленных на территории Оптиной Пустыни был сотрудник советской разведки В.М. Зарубин, впоследствии — генерал, резидент разведки в США, один из руководителей атомного проекта. Скончался в 1974 году.

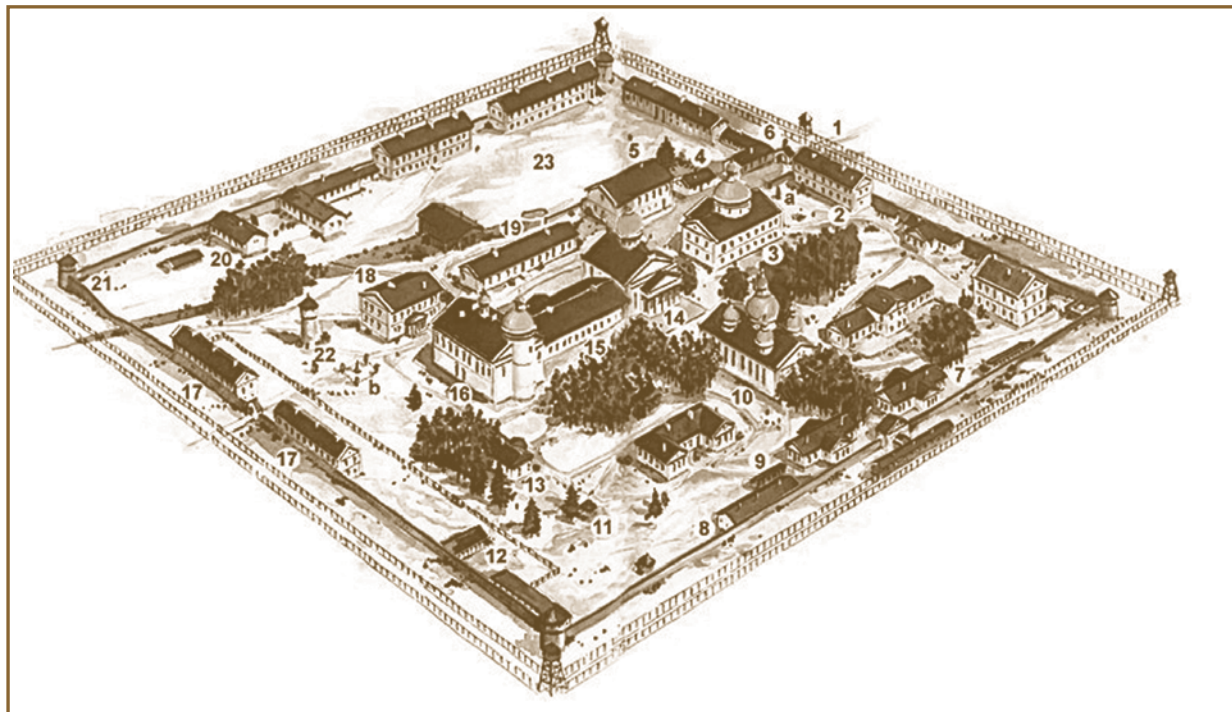

Схема лагеря военнопленных поляков на территории Оптиной Пустыни¹.

На рисунке обозначены: 1. Входные ворота 2. Амбулатория 3. Храм в честь прп. Марии Египетской, который заключенные называли «Цирком» 4. Продуктовый склад 5. Здание, которое заключенные называли «Обезьянья роща» 6. Офис 7. Барак 8. (Не установлено) 9. Дезинфекция 10. Аптека и парикмахерская 11. Лагерный магазин 12. Склад 13. Польская комендатура 14. Кухня 15. Барак (клуб) для кино и совещаний 16. Храм в честь Казанской иконы Божией Матери, названный заключенными «Отелем» 17. Лагерная комендатура 18. Здание, в котором жили офицеры в звании майора, называемое «Индийской гробницей» 19. Здание, в котором жили офицеры в звании полковника, называемое «Отелем Бристоля» 20. Врачебный барак 21. Плотницкая 22. Водонапорная башня 23. Плац, называемый «Плацем несчастья» а) памятник Сталину б) памятник Ворошилову

¹ См.: <http://maxpark.com/content/1465809>.

бликации, представленные в Интернете, подтверждают это. «Сражения» историков на эту тему подробно описаны в работе российского политолога Владислава Шведа и Сергея Стрыгина под названием «Тайна Катыни». В книге дается серьезный анализ российско-польских отношений, и в частности говорится не только о гибели польских офицеров в 40-е годы, но и гибели пленных русских красноармейцев в 20-е годы.

«В ходе эксгумации, — сообщает в своей работе В. Швед, — немецкие эксперты обнаружили немногим более четырех тысяч расстрелянных польских военнопленных, в основном из Козельского лагеря». Известно, что в апреле 1940 года военнопленных вывезли из Козельского лагеря, и к июлю 1941 года лагерь совсем опустел. Большинство из заключенных было направлено в распоряжение УНКВД по Смоленской области, где они использовались на строительных работах. Недалеко от этого места находились пионерский лагерь и дача сотрудников НКВД Смоленской области. Когда началась война, пленных не смогли эвакуировать: не хватало ни машин, ни времени для вывоза промышленных предприятий и людей. Так пленные поляки оказались в немецком плену.

Игра с архивными документами

Еще осенью 1941 года польские официальные лица неоднократно направляли к советским властям запросы о судьбе польских офицеров, не вернувшихся после амнистии 12 августа 1941 года. Ответ получали традиционный: «Сведениями не располагаем».

13 апреля 1943 года немцы по радиации сообщили о том, что под Смоленском, в Катыни, было обнаружено захоронение 12 тысяч трупов польских офицеров, расстрелянных якобы НКВД.

15 апреля 1943 года Совинформбюро официально опровергло этот факт.

17 апреля того же года польское правительство обратилось в Международный комитет Красного Креста с просьбой выслать в Катынь комиссию для расследования. Одновременно туда же по этому же вопросу обратилась и Германия. Нацистам удалось создать Международную комиссию Красного Креста по расстрелу польских офицеров в Катыни, была произведена эксгумация останков и установлены имена погибших по найденных при них документам, часть которых была передана в Краков, а оттуда — в Германию, где якобы эти документы сгорели.

Выводы комиссии о расстреле пленных органами НКВД польское правительство, эмигрировавшее в Лондон, поддержало безоговорочно. Это навело советскую сторону на подозрение об их сговоре с немцами. 26 апреля дипломатические отношения СССР с польским правительством были прекращены. Со стороны Польши началось давление на Англию, которая должна была порвать отношения с СССР и, таким образом, по замыслу немцев, цель — поссорить союзников в войне против Германии была бы достигнута. В этом и заключался замысел немцев, которые, расстреляв поляков в 1941 году, берегли эту «козырную карту» для развала коалиции. Важно также помнить, что Польша фактически оказалась нашим противником в войне, вместе с Германией и Италией. Как известно, поляки продолжали воевать с нами и в 1945, 1946 и даже в 1947 годах, хотя именно наша армия спасла их от нацистской оккупации и угрозы полного уничтожения!

Нельзя забывать и о немецкой пропаганде, которая была не менее активной, чем советская. Так министр имперской пропаганды III рейха Геббельс утверждал, что «Катынское дело идет почти по программе». Такая же тактика была применена немцами после убийства ими в 1944 году митрополита Сергия (Воскресенского), когда они поместили в газете заметку о

его расстреле НКВД. Эта «версия» живет и работает до сих пор, вызывая злобу и ненависть ко всей истории, связанной с периодом советского времени.

25 сентября 1943 года советские войска освободили Смоленск. 12 января следующего года была создана специальная «Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров». Председателем Комиссии был назначен академик Н.Н. Бурденко. Официальное сообщение Комиссии было опубликовано в «Известиях» 26 января 1944 года. Вывод был следующим: военнопленные поляки расстреляны немцами осенью 1941 года.

На Нюрнбергском процессе «Катынский эпизод» был исключен из приговора, но окончательно юридическое обвинение с нацистской Германии по этому делу снято не было. Многие исторические события как в то время, так и сейчас играют весьма важную роль в политическом давлении одной страны на другую. Вопрос о расстреле польских военнопленных оставался открытым.

В 1987 году была создана двусторонняя Комиссия по истории взаимоотношений между СССР и Польшей. Советский академик А.Л. Нарочницкий выступил в защиту выводов Комиссии Бурденко. С этим не согласились профессора из Польши. Вопрос опять не был решен.

Таким образом, опираясь на косвенные доказательства, многие вновь и вновь старались найти в этом деле вину не только НКВД, но и лично И.В. Сталина. Эта тема не утихала в течение нескольких лет.

В феврале 1990 года зав. Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин на основе своей записки «Дополнительные сведения о трагедии в Катыни» доложил М.С. Горбачеву о том, что советские историки нашли в архивных фондах документы, позволяющие сделать вывод о вине Л.П. Берии и В.Н. Меркулова в расстреле польских военнопленных.

Тогда же Горбачев признал нашу вину в их гибели и выразил надежду на улучшение взаимоотношений двух стран. Но улучшения не произошло, а давление на СССР усилилось.

В сентябре 1992 года в архиве Президента якобы были обнаружены секретные документы, из которых следовало, что польских офицеров расстреляло НКВД. Анализируя кремлевские документы, В. Швед утверждал, что в них «присутствует столько несуразностей и неточностей, что невольно возникает сомнение в их исторической надежности». Тем не менее 25 августа 1993 года Б.Н. Ельцин со словами: «Простите нас» — возложил венок к памятнику жертвам в Катыни.

Военная прокуратура начала следствие по делу № 159 о расстреле поляков, а в 2004 году оно было прекращено «за смертью обвиняемых». Общество «Мемориал» не согласилось с таким заключением, непременно желая признания вины НКВД и Сталина. Поддержка «Мемориалом» позиции Польши в этом вопросе была очевидна. В ответ на это в 2007 и 2009 годах двенадцать родственников расстрелянных в Катыни польских офицеров обратились в Страсбург с исками. Их жалобы были приняты, и появилось дело «Яновец и другие против России».

Ведущие российские историки либерально-демократического направления в вопросе о Катыни, как правило, отстаивали польскую точку зрения, переписывая польские источники.

19 апреля 2010 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации был собран круглый стол по теме: «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты». Материалы этого стола были опубликованы в Москве в авторской редакции ответственного за выпуск В.И. Илюхина. Заключение Главной военной прокуратуры не устроило участников круглого стола, которые сочли его научно не обоснованным и юридически несостоятельным.

На первый взгляд может показаться, что многочисленные акценты со стороны польского правительства и публикации на эту тему польских историков связаны с поиском истины, но в итоге обнаруживается, что Россия должна заплатить Польше за гибель их людей два миллиарда долларов.

Скорее всего, подлинное решение Политбюро 1940 года касалось расстрела польских граждан, причастных к участию во враждебных акциях, направленных против СССР. Документы же, которые Горбачев позиционировал как доказательства сталинской репрессии, с подачи члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева, оказались фальшивкой. Подтвердить факт виновности Сталина в этом расстреле не удалось.

Европейские эксперты изучили документы и выяснили, что у расстрелянных польских офицеров были знаки различия, чего в 1940 году быть не могло, т. к. ношение знаков различия военнопленным было запрещено по положению 1931 года, отмененному 1 июля 1941 года, когда поляки уже были расстреляны. Гильзы, обнаруженные в захоронениях только немецкие, больше ничьи. Подписи Сталина под приговором о расстреле подделаны. Фальшивки напечатаны на машинке со шрифтом, не употреблявшимся в 1940 году. В результате работы европейских экспертов Европейский суд по правам человека снял ответственность с СССР за

расстрел польских офицеров в 1940 году. Так что руководство нашей страны совершенно напрасно каялось в преступлении. Поляков расстреляли немцы.

Исторические события прошлого позволяют и сейчас извлекать не только политическую, но и материальную выгоду заинтересованным странам и лицам. Теоретик «Катынского конфликта» профессор истории краковского университета Анджей Новак вполне определенно подтвердил эту мысль: «Если историческое направление польской политики не решит проблему Катыни, не добьется признания ее символом одного из двух самых крупных преступлений XX века — преступлением коммунизма, — мы не только предадим память об убитых на Востоке, но упустим шанс на получение достойного и стабильного места Польши в Европе»¹.

Итак, в апреле 2012 года Европейский суд признал официальные документы по Катыни фальшивками. Устанавливать виновных в фальсификации документов никто не стал. На этом можно было бы поставить точку.

История — это всегда прошлое, но без него не обрести веру в будущее. Суд истории должен быть беспристрастным, а чтобы быть таковым, нужны добросовестные историки, понимающие свою ответственность перед потомками и страной.

¹ Российские вести. 23.03.2005. №16.

Коллаборационизм духовенства на оккупированных немцами территориях в контексте канонизации святых Русской Православной Церкви

Редакция Издательского отдела Оптиной Пустыни сошла необходимым познакомиться своих читателей с результатами изучения проблемы коллаборационизма в среде духовенства и верующих, чтобы вернуть в память народа историческую правду о неизбежном нравственном выборе каждого христианина, оказавшегося в чрезвычайных обстоятельствах исторического времени, остановить распространение иллюзий и мифов о церковно-религиозной политике оккупационных властей.

В процессе канонизации святых новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви XX столетия вопросы эти зазвучали с особой силой. Возникла необходимость исследовать историю и судьбы лиц духовного звания, служивших и проживающих на оккупированных территориях. Деликатность проблемы, выразившаяся в необходимости рассматривать вопросы в персонифицированном аспекте, потребовала методологически и нравственно выверенных подходов, взвешенных оценок и опоры на достоверные источники.

*Ж*изнь миллионов людей, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов на оккупированных территориях под управлением Третьего рейха, не получила отражения ни в учебной литературе, ни в научных трудах советских историков, ни даже в воспоминаниях тех, кто прошел эти испытания. В советский период тема эта была под запретом.

Главной причиной тому явилось сотрудничество населения в различных формах с оккупационными властями — коллаборационизм¹. До сих пор в официальных изданиях о Великой Отечественной войне замалчивается тот факт, что одной из основных причин по-

ражения Красной армии в начальный период войны была успешная деятельность немецких спецслужб². Военные специалисты утверждают, что без сотрудничества с местными властями и населением «оккупационная система не может быть дееспособной или вообще не может

² Нацистская Германия имела несколько разведслужб, компетенции которых не имели четких границ, они менялись со временем, на оккупированных территориях часто дублируя друг друга: *Абвер* — с середины 1920-х годов главная инстанция, своего рода оперативный штаб по руководству деятельностью всех органов разведки и контрразведки, затем часть функций взяло на себя РСХА; *Гестапо* — тайная полиция. Официально действовала только на территории Германии, функции гестапо на оккупированных территориях исполняла *ГФП* — тайная полевая полиция; *РСХА* — с 1939 года Главное управление имперской безопасности — внешнеполитическая разведка. В РСХА произошло сращивание партийного и государственного аппарата спецслужб; *СД* — служба безопасности. Формально — партийная информационная служба (*НСДАП* — национал социалисты).

¹ Коллаборационизм (англ. *collaboration* — сотрудничество) — это осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, с захватчиком в его интересах и в ущерб своему государству.

нормально функционировать. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и во многих других помощниках из местных органов власти и населения»¹. Явление это на оккупированных территориях СССР приобрело масштабный характер, что не укладывалось в пропагандистский тезис КПСС и советского правительства о морально-политическом единстве советского народа, о партизанской борьбе всего населения против немецких оккупантов. Проявления коллаборационизма разрушало мифы о советском человеке и о реальных условиях советской действительности. Замалчивание явилось самым надежным способом изъять из исторической памяти народа эти трагические события его жизни. Тема коллаборационизма остается по сей день одной из малоизвестных страниц отечественной истории XX столетия. Немногие соотечественники обладают хоть какой-либо информацией и могут пояснить, какие процессы, события, человеческие судьбы скрываются за малоизвестным термином — «коллаборационизм».

Первые работы, косвенно затрагивающие вопросы, связанные с коллаборационизмом, появились не ранее середины 1990-х годов². Труд М.И. Семиряги «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны», изданный тиражом 2000 экземпляров, мгновенно стал би-

блиографической редкостью, получив распространение среди узкого круга специалистов. В трудах М.В. Шкаровского³ впервые были опубликованы важные архивные документы не только российских, но и зарубежных архивов, освещающие религиозную политику оккупационных властей, предпринята попытка осветить проблему коллаборационизма на оккупированных территориях⁴. Появились также работы В.Н. Якунина «Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»⁵, А.А. Корнило-

³ Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002. (Материалы по истории Церкви. Кн. 32); он же: Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000. (Материалы по истории Церкви. Кн. 21); он же. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. Сб. документов. М., 2003; он же: Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов / Отв. сост. О.Ю. Васильева и др. М., 2009.

⁴ Дальнейшие углубленные исследования сложной и многоаспектной проблемы коллаборационизма с привлечением новых источников не подтверждают ряд суждений и выводов М.В. Шкаровского, в частности, о том, что сотрудничество духовенства с оккупационными властями носило «вынужденный», ограниченный характер, о взаимоотношениях с партизанами, о фактическом саботаже священством Псковской Миссии большинства распоряжений немецкого командования, о содержании Псковской миссии и ее благотворительной работе по восстановлению храмов за счет пожертвований верующих. И.Ю. Молодова, например, справедливо обращает внимание на идеализацию М.В. Шкаровским реального положения дел, когда он утверждает, что «для подавляющего большинства духовенства и руководства епархии (речь идет об итальянской епархии. — *Примеч. ред.*) был характерен пастырский подход, делающий невозможным их использование немецкими властями» (См.: Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. СПб., 2009. С. 209) и др.

⁵ Якунин В.Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы

¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 5.

² Одинцов М.И. Религиозные организации накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938–1943 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 37–67; он же: Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 41–70 и др.; Шкаровский М.В. В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941–1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии).

ва «Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»¹, К.П. Обозного «История Псковской православной Миссии. 1941–1945 гг.»², Б.Н. Ковалева «Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы»³, И.Ю. Молодовой «Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население»⁴. Проблема коллаборационизма как исключительно актуальная прочно входит в систему научного анализа.

Несмотря на неполноту источниковой базы, которая все еще малодоступна для исследователей, нередко проявляемый субъективизм и односторонность подхода к анализу проблемы, все эти труды в своей совокупности, вводя в научный оборот документальные первоисточники, позволяют восстановить ход событий, раскрыть сущностные характеристики фактов, связанных с истоками, причинами, формами и типами проявления коллаборационизма, одним из которых явился коллаборационизм в среде духовенства и верующих на оккупированных территориях.

Документы свидетельствуют, что религиозная политика Третьего рейха осуществлялась планомерно, продуманно, по заранее отработанным схемам и программам. В связи с организацией действий по проведению операции «Барба-

росса» на оккупированных территориях начальник полиции безопасности и СД Гейдрих 2 июля 1941 года указывал высшим командирам СС и полиции безопасности: «Против устремлений православной церкви распространить свое влияние на массы ничего не предпринимать. Напротив, всячески содействовать им, причем... избегать единства церкви. Также не препятствовать образованию религиозных сект»⁵. Согласно «Плану национал-социалистической религиозной политики», разработанному ведомством главного идеолога нацистской партии А. Розенберга, «предусматривался 25-летний период до вступления в силу на занимаемых территориях исторически обновленной **свободной от христианства** германской религии».

В течение подготовительного периода ставка делалась на использование науки и искусства, на воспитательную работу среди молодежи в национал-социалистическом духе, на подрыв Церковей изнутри (посредством доверенных лиц в религиозных группах, которые «будут сознательно работать в качестве шпионов и агентов»). Использовались и иные многочисленные косвенные способы достижения цели. В декабре 1941 года Гитлер, излагая свои перспективные планы уничтожения христианства, говорил: «Война идет к концу. Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблемы Церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее. <...> Нужно подождать, пока Церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать одни дураки, а слушать их будут одни старики...»⁶.

Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.

¹ Корнилов А.А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.

² Обозный К.П. История Псковской православной Миссии. 1941–1945 гг. М., 2008.

³ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

⁴ Молодова И.Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.

⁵ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 520.

⁶ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993. С. 431 // Цит. по: Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 246.

После боя. Калужская областная библиотека

Таковы были стратегические планы Третьего рейха в отношении Русской Православной Церкви. Но на первом этапе оккупационный режим, возлагая особые надежды и всемерно поддерживая духовный коллаборационизм, рассматривал духовенство и верующих как своих потенциальных союзников, не без основания полагая, что обрушившиеся политические репрессии 1917–1941 годов, направленные против Русской Православной Церкви, ее клира и верующих, не только не поддерживались, но нередко вызывали открытое сопротивление в народной среде.

В системе Главного управления имперской безопасности был создан специальный церковный отдел, призванный обеспечить контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций, изучать настроения в среде духовенства и прихожан, а также, на что обращаем особое внимание, **внедрять агентуру в церковные административно-управленческие структуры и вербовать агентов из**

среды священнослужителей¹. Перед нацистскими спецслужбами в августе 1941 года были поставлены тактические задачи:

- поддерживать развитие религиозного движения (как враждебного большевизму);

- добиваться дробления религиозного движения на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии;

- использовать церковные организации для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях².

Информационно-пропагандистская машина заработала с предельной нагрузкой, обращаясь к религиозным чувствам населения. Листовки, фотоплакаты с изображениями бесчинств безбожников, рушивших в 1917–1930-е годы храмы,

¹ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 138–139.

² Там же. С. 140.

Землянки военного времени. Калужская областная библиотека

православные святыни, сопровождалась лозунгами о несовместимости религии, нравственности и советской власти. «Или есть Бог, тогда должны быть уничтожены злодеи-большевики, или есть большевики и будут уничтожены храмы»¹. Факторы дробления и раскола должны были стать ядром религиозной политики немцев. На переговорах А. Розенберга с Гитлером и Борманом в мае 1942 года отмечалось, что «на занятых территориях уже возникают «сами собой большие религиозные объединения, которые следует использовать и контролировать»².

В оперативных приказах начальника полиции безопасности и СД Р. Гейдриха предписывалось в демонстративной форме содействовать церковной жизни, организовывать богослужения или проводить массовое крещение, восстанавливать раннюю патриархальную

русскую Церковь (имелись в виду староверы. — *Примеч. ред.*), содействовать расколу на отдельные православные группы, не принимать мер против распространения сектантства в советском русском пространстве и другое³. При огромном стечении народа повсеместно открывались храмы, вновь зазвенели колокола на русской земле. «Церковь начинает приобретать в народной жизни растущее значение», — отмечал 26 ноября 1941 года в отчете «Об отношении к русскому гражданскому населению» командующий тыловой армии северных областей⁴.

Такая политика приносила свои плоды. Люди возвращали Церкви спрятанные от большевиков иконы, церковную утварь. Народ был дезориентирован, люди готовы были видеть в захватчиках избавителей, которые спасут их от репрессивной диктатуры большевиков. Для

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 0—16. Оп. 9. Д. 131. Л. 2 // Цит. по: Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 250.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 5. Л. 23 // Цит. по: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 12.

³ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 525.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 69—70 // Цит. по: Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 250.

Репродукция плаката Ираклия Тондзе.
Калужская областная библиотека

усиления подобных настроений немцы успешно использовали осуществляемые советской стороной по приказу Сталина действия по полному уничтожению населенных пунктов в прифронтовой зоне, что приносило неисчислимые бедствия людям, оставшимся на оккупированной территории без крыши над головой и пропитания.

Сложным, требующим особого подхода для его разрешения, оказался для немецких властей вопрос о кадрах священства для вновь открываемых церквей. К 1941 году в России на свободе почти не осталось священников Русской Православной Церкви. Тысячи были расстреляны в 1920-е—1930-е годы. Другие продолжали погибать в лагерях и тюрьмах НКВД. Задача решалась в основном за счет возвращения к церковной деятельности лиц, сложивших с себя священнический сан после установления

атеистической власти и перешедших на службу в советские учреждения. В немецких документах нередко по отношению к этой группе лиц, а также представителям «Живой церкви» применяется термин «фальшивый священник». Им не очень доверяли. При назначении священники подвергались тщательной проверке, их кандидатуры согласовывались с СД, проводилась работа по их вербовке.

Священнослужители рассматривались как потенциальные агенты немецких спецслужб, проявлявших большую гибкость в способах реализации своих целей. Так, бывший сотрудник германских спецслужб Д. Каров свидетельствовал: «Абвер пришел к выводу, что всех лиц, участвующих в религиозно-духовной жизни населения, более целесообразно использовать в качестве источников информации, чем как штатных агентов. Там они оказывали ценные услуги, часто даже не отдавая себе отчета в этом»¹.

Особую роль в религиозной политике немцы отводили «Православной миссии в освобожденных областях России», деятельность которой всецело подчинили своей контрразведывательной работе, ведя через Церковь активную борьбу против СССР. Во главе «Миссии» был поставлен священник К.И. Зайц, ранее завербованный в качестве секретного агента немецких спецслужб. На «Миссию» возлагалась обязанность всяческими путями оказывать помощь немецкой армии, вести пропагандистскую работу против советской власти и через священнослужителей выявлять из местного населения лиц неблагонадежных и враждебно настроенных к немцам, немедленно сообщать о них в СД. С уверенностью можно полагать, что службой безопасности было завербовано не только все руководство миссии, но и все подчиненное духовенство².

¹ Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 252.

² Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2-х кн.

В рамках контрразведывательной работы в августе 1942 года в Псковской миссии был распространен секретный циркуляр, подписанный протоиереем Кириллом Зайцем, где давались следующие указания:

- выявлять партизан и лиц, связанных с ними;
- среди прихожан выявлять всех тех, кто настроен против немцев и высказывает недовольство немецкими порядками;
- выявлять... священников-самозванцев;
- выявлять в своем приходе всех лиц, кто ранее был репрессирован советской властью¹.

В «Сообщении из оккупированных восточных областей», опубликованном в Информационном бюллетене штаба полиции безопасности и СД № 6 от 5 июня 1942 года, содержатся сведения о том, что «под управлением миссии находятся более 200 общин; в отдельных общинах число членов колеблется от 3000 до 20 000, общая численность верующих на попечении миссии превышает 2 000 000. <...> Миссия действует в качестве организующей и централизующей движущей силы, необходимой для восстановления разрушенной большевиками церковной жизни. <...> Без миссии едва ли было возможным осуществить это восстановление. Факт восстановления свободной церковной жизни может быть с успехом использован в антикоммунистической пропаганде»¹.

Некоторые исследователи в своих работах о духовенстве в годы войны вообще не касаются этого вопроса, но за ним стоит доказательный фактический материал прямого сотрудничества с оккупационными властями. По сведениям Н.А. Ломагина, «помимо ведения активной пропаганды и сбора сведений о

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С. 579.

Крупный резидент германской контрразведки. Непосредственно руководил всей контрразведывательной деятельностью церковников Экзархата.

ФСБ по Псковской обл. Л-94, т. 6, л. 40

3. ЗАЙЦ Кирилл – протопресвитер, начальник Православной миссии в Пскове, затем в Шавли Литовской ССР.

Встречался с офицерами СД в Пскове и Вильно. Поддерживал связь с отделом «1-Ц» северной Армейской группы «Норд» / полковник Исесель/. Поддерживал связь с Дерптским подотделом штаба Розенберга. Возглавлял Миссию служил прикрытием контрразведывательной деятельности церковников.

4. ДАНИИЛ /Езьвок Николай Порфирьевич/ - епископ Ковенский, викарий Литовской епархии, с мая 1944г. архиепископ, преемник Экзарха СЕРГИЯ. 1882 г.р., ур. с. Дмитриовичи, Брестского уезда, Гродненской губернии, Белорусе, сын псаломщика, земский начальник в Виленской губ. С 1913-1917 г., затем мировой судья до января 1918 г. С 1918 – 1924 г. эвакуирован в Центральную Россию, с 1942г. пострижен в монахи.

Поддерживал связь с СД в Вильно и Ковно. Будучи назначен главой Экзархата по завещанию Митрополита Сергия, поддерживал связь с СД Остланда.

5. ИОАНН /ТАРСЛАВ/ с 1943г. епископ Рижский и управляющий делами Латвийской епархии. 1898г.р., ур. Умурской волости /Латвия/ из крестьян, с 1916 г. в Царской армии, во время Гражданской войны служил в 3 Корниловском полку добровольческой армии на Юге России, в 1921г. возвратился в Латвию.

Поддерживал связь с СД в г.Рига.

6. ЛЮЗИНСКИЙ Ростислав – священник, секретарь епархиального совета Нарвской Епархии в г.Таллине.

По указанию ГРИММА налазил и поддерживал связь личную и путем переписки с СД в таллинне и с Дерптским подотделом штаба Розенберга.

ФСБ по Псковской обл. Л-94. Т. 6. Л. 40

политическом и экономическом состоянии районов, „Православная миссия“, по предварительным данным, передала в руки немецких контрразведывательных органов 144 партизана и советских патриотов, проводивших активную борьбу против немцев»².

Особого внимания требует вопрос о служении духовенства на оккупированной территории в районах партизанского движения. Оккупационные власти стремились вовлечь в борьбу с партизанами всех лиц, находившихся у них на службе, требовали от них деятельной совместной работы. Представители гражданской администрации под страхом карательных санкций обязаны были принимать меры, направленные на выявление партизан и предупреждение нападений с их стороны, в том числе формировать сеть осведомителей среди населения и вести пропагандистскую

² ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1, Д. 191. Л. 49.

Бой за Юхнов. Калужская областная библиотека

работу¹. Политически нейтральным в такой обстановке было оставаться крайне сложно. Настороженное, а нередко и враждебное, отношение духовенства и верующих к партизанам, наблюдаемое в основном в начальный период оккупации, явилось следствием богоборческой политики советской власти, коммунистов, руководивших партизанским движением.

В немецких источниках отражено, что «широкие массы русского народа, в особенности крестьяне, несмотря на усилия большевиков, остались верными православию и отечественной церкви. Факты, свидетельствующие об этом, широко известны: церкви переполнены молящимися, священники отправляют так много служб (крещение, причастие...), что они едва справляются в них... Все эти факты свидетельствуют не о каком-либо аномальном религиозном возбуждении, вызванном чрезвычайными и преходящими событиями, но лишь о том, что религиозность и православие,

природные в русском народе с давних пор, и теперь, после большевистской революции, все еще свойственны ему почти в той же степени»².

Изучение показало, «что советское Сопротивление не сразу пришло к осознанию важности консолидации всех сил, направленных на борьбу с врагом. Изначально представители Русской Православной Церкви были втянуты гитлеровцами в идеологическое противостояние на оккупированной территории России. Но, в конечном счете, все подлинно национальные силы объединились для борьбы с внешним агрессором»³.

С началом массированного наступления советских войск иллюзии исчезли, отношение немцев к Церкви изменилось. Чинимые зверства, грабежи, угнетение и материальный ущерб, наносимый насе-

¹ См.: Молодова И.Ю. Указ соч. С. 118.

² Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 584–585.

³ Кулик С.В. Антифашистское движение Сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006. С. 309.

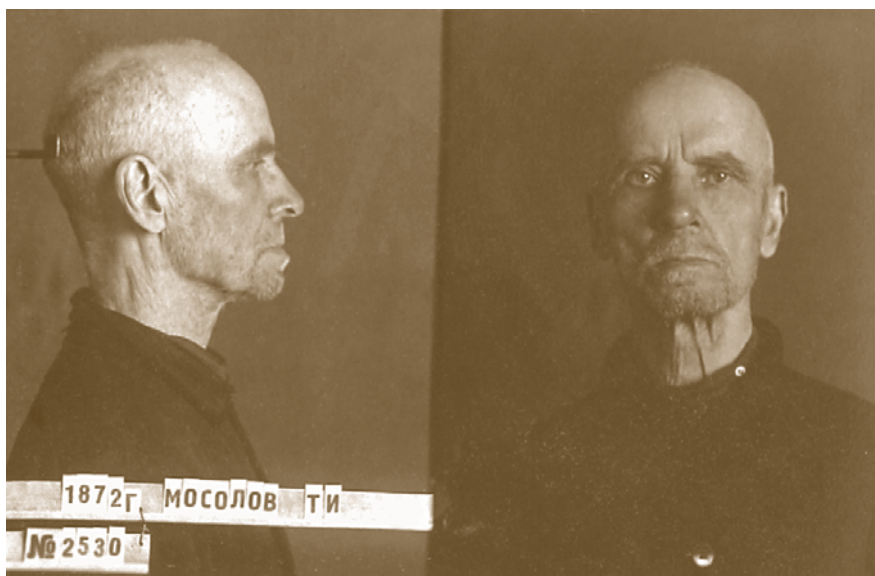
Руины города Спас-Деменска. Калужская областная библиотека

лению оккупационным режимом, заставляли прозреть людей, понять, что вместо одного тирана пришел другой, еще более страшный. Надо признать, что население освобожденных оккупированных территорий оказалось под пристальным вниманием и советских спецслужб. В анкетах, заполняемых при устройстве на работу в 1940-е—1950-е годы, появилась графа с вопросом, проживал ли человек, в том числе в несовершеннолетнем возрасте, на оккупированных врагом территориях. При положительном ответе для таких лиц возникали определенные ограничения в некоторых сферах трудовой занятости.

Вопрос относительно пребывания и служения лиц духовного звания на оккупированной территории встал во всей своей сложности перед Русской Православной Церковью в процессе канонизации новомучеников и исповедников Российских, особенно сороковых годов XX столетия. Потребовалось всестороннее историко-церковное исследование этой проблемы. В ходе такого изучения были сделаны выводы, что общие про-

цессы, происходившие на оккупированных территориях, стратегические и тактические планы оккупационного режима в отношении Церкви и верующего населения на разных этапах войны, формы и типы проявления коллаборационизма в основном получили объективное освещение в отечественной историографии последнего десятилетия. Что касается конкретных лиц духовного звания, то в настоящее время невозможно выяснить причастность лица к тем или иным формам сотрудничества с немецкими властями из-за недоступности архивных первоисточников как в отечественных, так и в зарубежных архивах: архивно-следственных, фильтрационных и других документов, содержащих сведения агентурного характера. В исторической науке деятельность германской разведки и контрразведки против Советского Союза в период войны по-прежнему остается белым пятном.

Рассмотрим несколько примеров. Так, иеромонах Боровского монастыря Тимофей (Мосолов), служивший некоторое время в оккупированном Боровске, после

Иеромонах Пафнутьево-Боровского монастыря Тимофей (Мосолов)

освобождения города советскими войсками Особым Совещанием НКВД был приговорен к ВМН и вскоре расстрелян. В обычной обстановке, если бы события происходили не в условиях военного времени, исследователь должен был изучить материалы на реабилитированного фигуранта архивно-следственного дела, удостовериться, не было ли оговоров, самооговоров, отречения, лжесвидетельства, проверить не лишился ли он сана, не уклонялся ли в обновленчество, по возможности изучить дело в епархиальном разрезе на предмет совпадений: не проходил ли отец Тимофей по другим делам, затем провести поиск мемуарных источников, и после соблюдения всех этих условий подавать документы в Синодальную комиссию по канонизации святых для дальнейшего изучения.

К материалам военного времени требуется другой подход. Если имелись контакты с немцами, а этого не могло не быть, то возникает вопрос: какого рода были эти контакты? Из материалов дела известно, что отец Тимофей приглашался не раз на чай в немецкую комендатуру. О чем шли беседы — неизвестно. Советские репрессивные органы особенными поисками тогда себя не утруждали. Дела решались быстро: служил при немцах?

Служил. Чай с немцами пил? Пил. Расстрелять. Конечно, это незаконно, поэтому прокуратура и реабилитировала отца Тимофея. Однако для раскрытия духовного портрета этого мало. Ведь за кадром остались эти беседы в комендатуре. О чем они были? Скорее всего, не о погоде. Хотя не обязательно отец Тимофей учился составлять шифровки, но текла потихоньку речь мастера-вербовщика. Ведь он понимал, что священник многого знать не может, но знает, какой урожай ждать, сколько живности у крестьян (армию-то кормить надо), а если повезет и они подружатся, можно и через крестьян спрашивать насчет партизан. В СД был известен тот факт, что местное население очень доверяет духовенству, а с органами власти контакты для народа были затруднительны. Так что при канонизации святых, чтобы не впасть в заблуждение, лучше проявить осторожность.

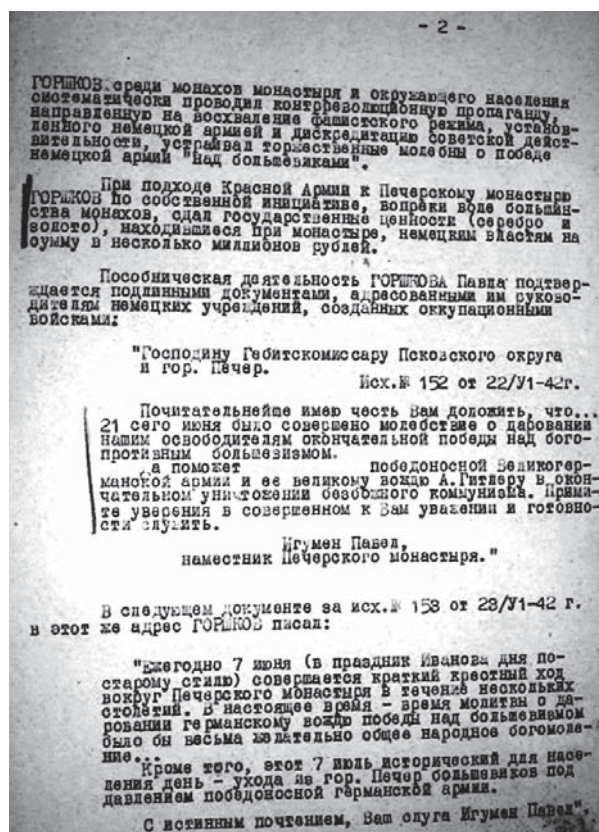
В Боровске, в том же храме, вместе с иеромонахом Тимофеем (Мосоловым) служил другой священник — Розанов, и, несмотря на все усилия штатного свидетеля, не был наказан так жестоко: получил лишь пять лет ссылки. Возможно, спецслужбы СССР не стали раскрывать своего агента.

Несколько лет служил на оккупированной территории почитаемый многими протоиерей Николай Гурьянов. Довоенные дела его не изучены, как и его служение на оккупированной территории, и одних лишь слов его почитателей недостаточно для составления полного духовного портрета. Нельзя ожидать и канонизации игумена Псково-Печерского монастыря Павла (Горшкова), активно и убежденно сотрудничавшего с немецкой администрацией. Сотрудники советской разведки указывали, что в этот монастырь было крайне трудно внедриться, поскольку монахи всегда выдавали чужаков немцам.

Существует вероятность, что кто-то и пытался вести двойную игру, но добром это кончалось крайне редко, происходили и перекрестные проверки: Абвер постоянно рассчитывал на помощь Псковской миссии при подготовке агентуры как для работы, так и для заброски агентов в советский тыл. В 1943 году Миссия получила специальное задание от немецкого командования: всячески популяризировать власовское движение. «Исходя из анализа деятельности завербованных на захваченных на советской территории агентов и пропагандистов, которая отражена в следственных материалах, следует, что под действием угроз или по каким-либо другим причинам завербованные добросовестно выполняли свои задания. Без их деятельности немецко-фашистским захватчикам было бы крайне сложно вести военные действия, держать под контролем узников лагерей, население оккупированных районов и проводить здесь свои мероприятия»¹.

Вывод напрашивается один: в настоящее время канонизация лиц, не оставивших свое служение под оккупацией, из-за неполноты информации, которая все еще остается на секретном хранении, — невозможна.

В феврале 2011 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви подвел итоги изучения судеб духовенства и мирян, пострадавших от антирелигиозного террора в советской России. В соборном докладе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратил внимание на одну принципиально важную сторону вопроса, сказав, что «одним из недугов нашего времени стало умножение почитания лиц, канонизация которых невозможна. Таким лицам пишутся жития и акафисты, в поддержку их канонизации собираются подписи. Введенный в заблуждение народ недоумевает: почему не прославляют такого-то человека? Многочисленные канонизации, осуществленные в последние десятилетия, дали повод к превратному пониманию этого благодатного процесса церковной жизни, который воспринимается некоторыми не как констатация сложившегося в церковном народе почитания подвижника веры, засвиде-

¹ Молодова И.Ю. Указ. соч. С. 208.

тельствования Богом чудесами, а как посмертная награда за труды». Патриарх обратил внимание на эти вопросы в связи с тем, что «некоторые правящие архиереи порой высказывают пожелание, чтобы Комиссия давала свое заключение без полного предоставления копий архивно-следственных дел, получение которых стало невозможным в рамках действующего законодательства»¹. Благоприятный период для продолжения работ по канонизации святых, по существу, завершился.

В октябре 2011 года приняты Рекомендации к деятельности епархиальных комиссий по канонизации святых в епархиях Русской Православной Церкви, утвержденные на основании определения Священного Синода Русской Православной Церкви от 5—6 октября 2011 года². В условиях, когда органами госу-

дарственной власти вновь приняты законодательные акты, затруднившие исследовательскую работу с документами, необходимыми для канонизации святых³, Церковь выдвигает задачу огромной важности: **духовные плоды подвига новомучеников и исповедников XX столетия должны быть усвоены нашим обществом**. От этого во многом зависит нравственное состояние общества и политическая крепость государства.

От издателей

¹ Церковный Вестник. 2013. 5 февраля.

² Журнал Московской Патриархии. 2011. Октябрь. Журнал заседания Священного Синода № 121.

³ Одним из таких актов является Положение «О порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел» от 25 июля 2006 г.

Елизавета Булгакова

Воспоминания об Иване Митрофановиче Беляеве¹

В июне 1957 года после многолетнего перерыва я вновь оказалась в Оптиной Пустыни. Состояние мое было ужасным при виде царившего там полнейшего разорения. Но, к счастью, еще оставались люди, знавшие этот монастырь в его лучшие времена, любившие его, глубоко верующие и продолжавшие по мере своих сил нести веру в народ. Одним из таких людей был оптинский иеромонах отец Рафаил², живший в Козельске. Познакомилась я с отцом Рафаилом, несомненно, по промыслу Божию, благодаря бывшей шамординской послушнице монахини Ирине (схимонахиня Серафима³) и ее сестре Анастасии, которых встретила по дороге в Оптину.

Отец Рафаил поступил в монастырь в первые годы после революции, хорошо знал оптинского иеромонаха отца Никона (Николая Митрофановича Беляева) и был близок с ним. Отец Никон много рассказывал ему о своем брате Иване, о котором постоянно болел душой. Вернувшись в родные места после многолетней ссылки, отец Рафаил, имея необычайно любящее сердце и простоту, стал писать Ивану Митрофановичу и звать его к себе в Козельск. Иван Митрофанович с радостью откликнулся на этот призыв и сразу же приехал. Это было незадолго до смерти отца Рафаила.

¹ Иван Митрофанович Беляев — родной брат преподобного Никона Оптинского, исповедника.

² Преподобный Рафаил (Шейченко) (1891—1957) Оптинский, исповедник. Память 6/19 июня.

³ Схимонахиня Серафима (Бобкова). Скончалась в 1990 году.

Домик, где жил Батюшка, стоял на высокой горе, и с его огорода вся Оптина была как на ладони. Сидя в нем, Иван Митрофанович рассказывал отцу Рафаилу о своей жизни, каялся в грехах и даже имел желание провести свои последние годы здесь, вблизи Оптиной, где прошла его юность. Но отец Рафаил не дал на это благословения, сказав, что он должен нести свой крест до конца.

Тяжелые дни болезни и смерть отца Рафаила сблизили нас с Иваном Митрофановичем. Он стал совсем свой, как родной. После смерти отца Рафаила, прожив некоторое время в Козельске, он вернулся Москву, где мы продолжали постоянно встречаться и отношения наши стали совсем близкими. Так было до самой его смерти.

Когда мы познакомились, Ивану Митрофановичу было 66 лет. Сердце у него было очень больное, и он постоянно носил с собой валидол. Приходя ко мне и под-

Дом в Козельске, в котором жил преподобный Рафаил, исповедник. Современное фото

*Два брата: послушники Николай и Иван
Беляевы. 1900-е годы*

нявшись на высокий второй этаж старого дома, он долго не мог отдышаться и сидел молча, с трудом приходя в себя. Так мы общались с ним 12 лет, с 1957 по 1969 год. За все это время я не слышала от него ни малейшего слова ропота или раздражения. Было только глубокое покаяние и сознание необходимости нести свой крест. Крест этот состоял в том, что жене его была невыносима его религиозность. Его молитвенное состояние вызывало ее раздражение, и он, чтобы не ссориться, уходил из дома и приезжал ко мне. Жили они с женой в маленькой комнатке, где, конечно, никаких икон не было. Иван Митрофанович делал микроскопические бумажные иконки, которые прикалывал у своего изголовья, когда жены не было дома. Он плакал о своей жене, хорошем, добром человеке, которая стала неверующей лишь по его вине. В молодости он сам, отойдя от веры, отвратил от веры и ее. И теперь во всем винил только одного себя.

Иван Митрофанович пришел в Оптину в 1907 году, 17-ти лет, не окончив гимназии. Как это произошло, он описывает в своих воспоминаниях. Когда они с братом поселились в Оптиной, Николай сразу попал в близкое положение к старцу Варсонофию (Плиханкову). Его сделали кем-то вроде помощника писмоводителя Старца, и это послушание дало ему неограниченную возможность общения с Батюшкой. Отец Варсонофий был одинок в Оптиной (что видно из его дневников), у него самого была потребность в любящей душе, и он очень любил Николая. Рядовые монахи и послушники имели очень малую возможность общения со Старцем, у которого постоянно было много приезжих посетителей. Им приходилось довольствоваться малым, самым необходимым, что можно было лишь кратко сказать Старцу на общем благословении.

Такое положение было и у Ивана Митрофановича. Он пришел в Оптину совсем юным, как он говорил, не пережив никаких борений и искушений и даже не зная об их существовании. Характеры у братьев были совсем разные. Иван Митрофанович был человек горячий, увлекающийся; он и был инициатором поступления в Оптину. Николай пошел за ним.

Что именно происходило с Иваном Митрофановичем, когда он попал в скит, — не знаю. Я никогда не решалась спросить, хотя сам он много раз рассказывал об этом. Я только слушала. А между тем что-то, тогда случившееся, на всю жизнь осталось его болью. Он говорил только, что у него было страшное искушение, которое он не мог открыть Старцу, потому что оно было связано с другим человеком. Никто не знал, в чем его мучение. Он поделился со мной, что теперь, когда он все открыл отцу Рафаилу, тот сказал ему, что у него (И.М.) была единоличная борьба с самим вельзевулом. Отец Рафаил понял, что потерпеть это было невозможно и поэтому Иван Митрофанович мучился, метался — то уез-

жал в Москву, то возвращался и наконец решил ехать на Старый Афон. На Афоне он сильно заболел, кажется, не выдержал перемены климата, пробыл там недолго и возвратился в Россию, в Оптину. Возникла мысль сделаться миссионером.

В 1912 году старца Варсонофия, по интригам и хлопотам духовных детей отца Иосифа, сделали архимандритом и перевели в Голутвин монастырь настоятелем. Для отца Варсонофия это была великая скорбь. Настоятель Оптиной не отпустил с ним его любимого отца Никона (Николая), так как тот был нужен в монастыре. Вместо него с отцом Варсонофием был отпущен «Иванушка», в качестве письмоводителя. Поехали в Голутвин, как в ссылку, еще два монаха.

Отец Варсонофий послал кого-то к дивеевской блаженной Паше сказать о своем переводе и попросить помолиться. Паша несколько раз повторила посланным: «Триста шестьдесят пять», что казалось непонятным. Отцу Варсонофию в Голутвине жилось очень плохо: монастырь он принял в расстроенном состоянии, материальном и духовном, а сам Старец все время хворал. Вся его жизнь там — сплошная скорбь. Ровно год (365 дней) продолжалось это последнее испытание: 1 апреля 1913 года отец Варсонофий скончался на руках Ивана Митрофановича. В последние минуты жизни он обнял его за шею, пригнул голову к своей груди и говорил ему о рае. Постепенно речь делалась все более затрудненной и неразборчивой, и наконец его не стало. С телом архимандрита Варсонофия Иван Митрофанович вернулся в Оптину в сопровождении двух монахов, уехавших в Голутвин со Старцем. Иван Митрофанович писал на смерть отца Варсонофия стихи, помещенные в соответствующей брошюре.

В 1914 году началась война. Великая княгиня Елизавета Федоровна организовала санитарный поезд, в котором, она хотела, чтобы было духовенство из числа оптинской братии. Иван Митрофанович

Перед отправкой на фронт Первой мировой войны. Иеромонах Гавриил (Алехин-Фурсов) и рясофорный монах Иоанн (Беляев)

сразу решил постараться попасть на этот поезд и сам вызвался на это послушание. В то время он был рясофорным послушником; его желание уважили и определили помощником (псаломщиком) иеромонаха отца Гавриила.

И вот Иван Митрофанович на фронте. Однажды он попал в палатку с ранеными солдатами. Рядом с их койками, прямо на земле, приютилась молоденькая сестра милосердия (так тогда именовали медсестер). Койки для нее не было и, не желая покидать раненых, она не думала о своих удобствах. Такая ее самоотверженность глубоко поразила Ивана Митрофановича, и он полюбил девушку.

В ужасе он не понимает, что с ним случилось, не знает, что делать. Он обращается к митрополиту Трифону (Туркестанову), который в это время тоже находился на фронте и, как видно, поблизости от их части. О подробностях своей

Надежда и Иван Беляевы

встречи с Владыкой Иван Митрофанович не рассказывал, говорил только: «Митрополит Трифон благословил меня на брак двумя руками — архиерейским благословением».

Иван Митрофанович рассказывал, что митрополит Трифон говорил ему о своих тяжелых переживаниях, о том, как и почему он сделался монахом. В детстве он сильно болел, даже был при смерти. Молясь о выздоровлении сына, его мать (княгиня Туркестанова) дала обещание: если мальчик выздоровеет, то будет монахом. Между тем, когда сын вырос, у него не было никакой склонности к монашеству. Он интересовался искусством, особенно театром, любил мирскую жизнь, но считал невозможным нарушить обет матери. После пострига у него бывали очень тяжелые искушения. Временами он начинал так курить, что в комнате становилось темно от табачного дыма. Он срывал с себя одежду — монашескую мантию, рвал и топтал ее.

Раз братья Николай и Иван были у митрополита Трифона. Он спросил Николая: «Вы все благодушествуете?» и предупредил, что, как и у него, у Николая, тоже будут тяжелые переживания.

Как дальше все складывалось у Ивана Митрофановича с его будущей женой Надеждой, я не знаю. Знаю только, что венчались они в Грузинах, в церкви великомученика Георгия, и что потом у них родились дочь и сын. Обоих крестили, назвав Таисией и Георгием.

Как Иван Митрофанович потерял веру, он не рассказывал, а спрашивать я не решалась, потому что чувствовала, как страшно больно ему это вспоминать. Только однажды он сказал по этому поводу: *парение похоти пременяет ум незлобив*¹.

Но он не только сам отошел от веры, от Церкви, но и соблазнил этим свою жену. Много раз со страшной болью он говорил, что Надежда имела простую веру, но он совратил ее, имея большую способность, можно сказать, талант разубеждать. Он говорил, что читал атеистические лекции, между прочим, и в тюрьмах. Однажды, когда он собирался читать такую лекцию заключенным, его предупредили, что состав камеры таков, что его смогут слушать только очень краткое время. А когда он стал читать им лекцию, то эти люди, обычно вялые, слушали его с неослабевающим интересом в течение всего назначенного времени и хотели слушать еще и еще.

Когда после смерти Ивана Митрофановича его дочь отдала мне его архив, я нашла там, видимо, случайно не уничтоженную, забытую почтовую открытку на его имя, датированную 1923 годом. Это было приглашение из редакции «Безбожник у станка» как сотруднику журнала.

Сколько времени продолжалось такое состояние и соответствующая деятельность Ивана Митрофановича и как произошел его возврат к вере — не знаю. Со слов

¹ Прем. 4, 12.

его дочери, он вернулся к вере в начале войны, когда сын, находившийся на действительной военной службе, сразу оказался на фронте, а жена в первые же дни войны уехала добровольцем. Всю войну она работала в санитарных поездах и перевозила раненых с поля боя в госпитали.

Сам Иван Митрофанович вернулся к Богу, но жену вернуть не смог, и до конца жизни его религиозность ее страшно раздражала. Когда жена заболела (это было года за четыре до ее кончины) и лежала в больнице около четырех месяцев, Иван Митрофанович написал свои воспоминания и перед ее возвращением домой принес их мне. Умерла жена в январе 1969 года в больнице. Иван Митрофанович в это время тяжело болел гриппом и поэтому не смог навестить ее и проститься. Тело ее кремировали. Меня он попросил устроить ее заочное отпевание. Отпевал ее отец Валериан Кречетов дома полным чином. Иван Митрофанович рассказал мне, что перед самой ее кончиной,

может быть за час или что-нибудь около этого, была у нее одна из их близких, простая женщина, и Надежда сказала ей: «Я уже помолилась». При этом, как и всегда, Иван Митрофанович был уверен, что в глубине души она была верующая, а ее раздражительность была более внешней. После ее смерти он пролил много покаянных слез. Среди оставшихся его бумаг я нашла много составленных им молитв о жене, в которых он сам кается, что погубил ее, и во всем винит себя.

В последние годы жизни у Ивана Митрофановича и его жены было очень тяжелое переживание. Их сын в войну 1941—1945 годов пропал без вести. Долго томясь неизвестностью, они наконец решили сделать объявление о том, не знает ли кто о его судьбе? И вот нашлась одна аферистка, которая сообщила, что знает об их сыне. Мать бросилась ехать к ней куда-то. Та рассказала, что он осужден на 25 лет заключения и находится где-то очень далеко, на тяжелых

Один из лидеров обновленческого движения «епископ» Антонин (Грановский) среди поклонников. Справа от него, в светлой рубашке, — И.М. Беляев. 1920-е годы.

Фото из газеты «Всемирная иллюстрация»

*Иван Митрофанович Беляев
в 1950-е годы*

работах и т. д. Все это потом оказалось ложью, но тяжелое переживание подорвало силы обоих родителей.

После смерти жены жизнь Ивана Митрофановича стала тихой и мирной. В комнате он остался один, но в этой же квартире жил его внук с женой и маленьким сыном. Дочь его, т. е. мать внука, в это время уже жила отдельно. Все они очень тепло и заботливо относились к Ивану Митрофановичу. А он уже теперь большую часть времени проводил лежа в постели. Перед кроватью внук устроил ему шкафчик для икон и лампадку. Теперь можно было свободно приходить его навещать.

Иван Митрофанович пережил жену на девять месяцев. Умер он 22 октября 1969 года. Всё лето он жил в деревне, где дочь на этот период снимала дом. В начале октября он стал плохо себя чувствовать. Как мне сказала дочь, у него подозревали рак предстательной железы,

и т. к. операцию он бы не вынес, стали делать уколы очень большой дозы синестрола. В результате этих уколов у него произошло два инфаркта, один за другим в течение недели.

Дома трудно было ухаживать за таким тяжелым больным. Его положили в ту же больницу, где умерла его жена. Я проводила его туда. Через два дня Иван Митрофанович умер. В это время у него сидела дочь, он лежал и рассказывал ей о том, как к нему здесь все хорошо относятся и какие здесь хорошие люди. Он был очень спокоен и умер на полуслове. (Как выяснилось позже, никакого рака у него не было).

Я приезжала к нему за несколько дней до смерти. По виду Ивана Митрофановича поняла, что он умирает. В этот день я попросила знакомого священника, отца Александра Куликова, приехать в больницу. Батюшка пособоровал его и приобщил Святых Таин.

За несколько месяцев до смерти Иван Митрофанович рассказывал мне, что в их приходе, в храме Всех Святых на Соколе, есть очень хороший священник, к которому он ходит на исповедь, и тот не возбраняет ему каяться в своих грехах за всю прошедшую жизнь и даже очень это одобряет. Зовут этого батюшку отец Анатолий Павлюткин. Я пошла к этому священнику и рассказал а о состоянии Ивана Митрофановича. Тот обещал приехать и причастить его, но не успел.

В своем завещании Иван Митрофанович просил, чтобы его тело кремировали. Он считал, что недостойн другого погребения, а кремирование меньше огорчает родных. Меня это смутило, но я не решилась спорить и сказала об этом его духовнику, отцу Анатолию Павлюткину, и тот просил от его имени передать Ивану Митрофановичу, что это грех. Иван Митрофанович согласился, но изменить завещание не успел.

Отпевали его в храме Всех святых на Соколе. В гробу он был красивее, чем при

жизни. Урну с его прахом похоронили на Донском кладбище (бывший Донской монастырь), в могиле его отца.

С самой юности Иван Митрофанович составлял молитвы и акафисты. Кажется, в тот период, когда он метался между Москвой и Оптиной, им была составлена служба святителю Парфению, епископу Лампсакийскому, с акафистом. Служба эта была тогда же издана отдельной книжечкой. После смерти Ивана Митрофановича я получила ее среди других бумаг и отдала отцу Александру Куликову, который его напутствовал. Кроме этой службы им написаны прекрасные акафисты, например, акафист блаженной Таисии. Все они остались только в рукописях. Интересно, что дочь свою он назвал Таисией. Может быть, потому и акафист написал? Или, может быть, потому написал акафист и назвал дочь, что его сердце поразило, пронзило безвозвратное покаяние блаженной Таисии?

У Ивана Митрофановича был громадный помянник, куда он вписывал имена многих, говоря, что сам страшно нуждается в молитвах других и молится за всех и просит, чтобы за него молились.

*Некрополь Донского монастыря
в Москве. Памятник Ивану
Митрофановичу (1890—1969) и Митрофану
Николаевичу (†1903) Беляевым*

Письма Ивана Митрофановича Беляева

*Многоуважаемые Лидия Евгеньевна и
Валентина Евгеньевна!*

Христос посреди нас!

Вашу драгоценную посылку получил и бесконечно вам благодарен. Даже трудно и передать, как я вам признателен! Читайте и перечитываю. «На старости я сызнова живу. Минувшее проходит предо мною...»¹

Уже кое-что почитав, стоял я за всеобщей в субботу мясопустную и истинно с трепетом слушал, как «седе Адам прямо рая и свою наготу рыдая плакаше...»

Сколько я потерял и расточил отшед на страну далече! Как безмерно неисчислимо оскорбил милосердие Божие и любовь служителей Его! Я не восхотел страдати с людьми Божиими, но иметь временную греха сладость, служа не Господу Богу, а миру сему. А ведь я многое видел великого и чудного в юности моей, живя с великими рабами Божиими, повседневно получая от них духовную пищу, наставления и образ жития! И вот, имея толик облажающ мя облак свидетелей благодати, я ушел от Бога... Это страшно! Когда через много лет я снова пришел ко Господу, я чистосердечно покался и почувствовал сердцем, что безмерно милосердный Господь простил мне безумие и отступничество мое, но сам-то я себя простить не могу!! И что ужасно — после покаяния необходимо было переродиться, изменить всего себя,

все свои помышления, привычки, желания, весь образ жизни... Но вот это-то и по сие время никак не удастся мне! От ног до головы нет целостности! А час уже не только единонадесятый, но уже и двенадцатый истекает! Конец при дверех! Боже, милостив буди мне, грешнику! Милостивы будьте ко мне и вы все, рабы Божии, искони с Ним бывшие! Снабдите меня молитвами вашими, от верного сердца воссылаемыми, да помилует меня Господь и исцелит сокрушение мое! Ей, молю вас, дорогие мои сестры!

С масляной пятницы удалось мне ежедневно ходить в храм, и в среду на этой неделе Господь сподобил меня приобщиться святых Своих Таин. О, да будет сие мне не в тяжесть, ни в муку, но во исцеление души и тела! Сие и буди, буди!

Дома пока всё сравнительно тихо, и не мешают мне, хотя и выражают некоторое недовольство. Не знаю, как в Калуге, а у нас в дни, когда служит Божественная литургия Преосвященных даров, служба продолжается с 7 ч. 30 м. до 12 ч. 30 м. и даже до часу. Для ног это трудновато. Болят (правая нога) и отекают. Но это пустяки против получаемого утешения.

Очень прошу сообщить, у кого в Козельске можно достать дневник отца Никона? Я сам их попросил бы. Я убедительно прошу высылать мне все его писания, хоть понемножку. Господь вас за это наградит. Его слова мне понятнее и именно роднее всего, что я теперь читаю и имею. В частности, то, что вы прислали из его дневника конца января 1907 года, мне особенно близко, потому что все это

¹ Слова Пимена из «драматической повести» А.С. Пушкина «Борис Годунов».

переживалось им со мною вместе и еди-
нодушно. Вот потому-то всё это мне бес-
конечно дорого теперь.

Усерднейше прошу ваших святых мо-
литв о великом архигрешнике.

Акафист святой мученице можете не
возвращать.

Москва

15/28 февраля 1958 года

Христос Воскресе!

Многоуважаемые и дорогие

Лидия Евгеньевна и Валентина Евгеньевна!

Горячо, горячо и от всего сердца шлю
вам свое поздравление с Величайшим
праздником праздников нашим — свет-
лым Христовым Воскресением! Молю
Господа, да сподобит Он вас встретить и
проводить святые пасхальные дни в свет-
лой радости и благополучии, а наипаче в
здоровье.

Был я у брата моего Митрофана М.,
но он меня подвел — не изготовил тех
карточек, которые я посулил вам вы-
слать. Обещается изготовить к Фоминой
неделе. Там у него кроме того, что я вам
писал, сохранились негативы и более
поздние. Отец Никон там есть и в рясо-
форе, и уже иеромонахом. Есть и мои
снимки, тоже в рясофоре. Все эти сним-
ки очень хорошие. Как только брат их
напечатает, я сейчас же вам их пришлю.
В присланных вами жизнеописаниях
скитских иноков, погребенных в скиту,
есть упоминание о некоем иеродиаконе
Кирилле, которому было какое-то ви-
дение во храме. Видимо, оно очень зна-
менательно, но где его можно достать?
Меня это очень заинтересовало еще вот
почему: когда я прошедшим летом уже
прожил почти две недели у отца Рафаи-
ла, и собрался уезжать, то мне один раб
Божий решительно посоветовал не уез-
жать, так как я буду жалеть. Он поведал
мне: одна раба Божия там видела сонное

видение, что к отцу Рафаилу пришли
в светлых облачениях и торжественно
увели его с собою. Отец Никон и некий
иеродиакон, которого она не знала. На-
сколько помню, при отце Никоне скон-
чался в скиту только один иеродиакон —
отец Мартирий, но мы тогда были еще
послушниками и близкими к отцу Мар-
тирию не были. Хотя относились друг
к другу хорошо. Но вот не был ли этот
иеродиакон отцом Кириллом выше-
упомянутым? Конечно, отец Никон и
отец Рафаил его не знали, но знали, что
с ним было, и, конечно, чттили его. Впро-
чем, я ошибся: скончались в монастыре
еще три иеродиакона: отец Кириак — го-
стинник (на страстной), отец Тит — пев-
чий и отец Софроний (Белоградский)
(брат отца Мартиниана и отца Васи-
лия). Это мне говорил отец Рафаил сам,
причем отца Софрония я не помню —
он был уже после. Вы ведь знаете, что в
жизни моей получился страшный про-
вал, который теперь мне даже и непо-
нятен. О брате (последние годы) я поч-
ти ничего не знаю. Но очень хочу знать.
Особенно то, как он относился к моему
отпадению? Что он говорил и писал по
этому вопросу? Отец Рафаил собирался
мне многое сказать, да так и не сказал —
не успел. Об этом была речь даже в са-
мый день удара. Вот я и тоскую!..

Отец Михаил Ежов (он теперь на
приходе в Боровске) бывает в Калуге у
Владыки и, узнав, что вы живете в Калу-
ге же, просил ваш адрес. Не зная вашего
мнения на сей счет, я не то что отказал, а
так как бы пропустил мимо ушей.

Ну вот, пока кончаю. Вас обеих я
никогда не забываю и сам усердно про-
шу не забывать в ваших святых молит-
вах преданного вам великого грешника
Иоанна.

Москва

25 марта/7 апреля 1958 года

*Благовещает земля радость велию,
а я даже не был в состоянии достоять
обедню.*

*Глубокоуважаемые и дорогие о Господе
Лидия Евгеньевна и
Валентина Евгеньевна!*

Христос посреди нас!

Третьего дня я получил вашу драгоценную посылочку. На ней стояла надпись «без цены», и верно: никакой человеческой ценой её оценить нельзя. Радость мою вы, вероятно, понимаете, а вот благодарность мою вы, пожалуй что, и не сможете понять. Нет никакого мерила, которым можно было бы эту мою благодарность измерить. Да вознаградит вас Господь и за вашу любовь, и за ваш труд, и за вашу заботу о человеке нисколько этого недостойном. Всё, что вы сказали о моем «праве» как брата, то ведь это гусиное право тех гусей, которых «предки Рим спасли».

Вы не обижайтесь на меня, ради Господа, что я не сию же минуту написал вам письмо, как только получил посылку. Я набросился на нее и читал запоем, потом пересмотрел те места, где говорится «о беде с Иванушкой», вплоть до того, как батюшка Вар[сонофий] сказал брату и мне, что меня снова приемлют в скит и что я с миром поехал устраивать в М[оскву] свои дела. Невыразимой болью отозвались все записи о мне в моем сердце. Я так живо вновь пережил и перестрадал минувшее и в таком настроении пошел ко всенощной. Я не собирался идти (из-за ноги), но тут устремился, едва прочёл слова, что утренняя бывает важнее обедни. Во время обедни Господь приносит Себя в жертву за нас, а за утреней мы себя приносим Ему в жертву. И, представьте, простоял превосходно! Правда, всенощная не то, что ночная утренняя, но для меня вечер сейчас труднее утра: к вечеру ослабеваешь и всё становится болезненнее. Господи! Воздаждь ми радость спасения Твоего молитвами угодников Твоих Варсонофия и Никона, которым в свое время я столько скорби причинял.

С батюшкой Варсонофием потом у меня все стало лучше. Ведь и в Голутвин он взял с собою только меня и Гришу Ермакова; Господь сподобил нас двоих и Кирюшу быть при кончине его. При этом и скончался-то он, приклонив мое ухо к устам своим и говоря о рае. А вот с братом моим я впоследствии разошёлся — ушёл на страну далече... Даже до последнего издыхания его. Я видел его в последний раз на похоронах мамы в церкви вмч. Георгия в Грузинах. Он отпевал в сослужении двух старых протоиереев — отца Семена Сергеевича Ляпидевского (бывшего его духовного отца по приходу) и отца Дмитрия Кузьмича Холмогорова. Гроб выносили четыре его брата: Владимир, я, Митрофан и Алексей. После погребения я почти сразу ушел на судебное заседание (в то время я был народным судьей) и почти ничего не удалось мне говорить с братом. Да я в то время не очень этого и хотел. Больше я брата не видел и не переписывался с ним. Даже и не знал толком, где он и что с ним. Как же это может не лежать тяжким бременем на душе моей?! Когда я, как блудный сын, вернулся в лоно отчее, я истинно почувствовал, что Господь простил мне все безмерные грехи и преступления мои, но сам я никогда не могу простить их себе! Читая братний дневник, я как бы вновь переживаю всё, что было. И это несмотря на то, что брат в своём дневнике избегал писать обо мне с самого начала, еще и во время до-оптинское. Но в то время мы были совершенно неотделимы друг от друга. У меня была в Москве отдельная комната. А он жил вместе с Владимиром, Сергеем и Митрофаном (Алексей жил в комнате с мамой). Поэтому там он только спал, а все время, с утра, мы были вместе (он у меня) и вместе шли в церковь. Первая мысль о монашестве пришла мне и сразу же стала и его мыслью. К нашему гимназическому законоучителю, отцу Петру Петровичу Сахарову, на квартиру для совета насчет ухода в монастырь (и куда) ходил сначала я один. Отец Сахаров сказал, что он в этом деле профан, но что он может познако-

мить нас с своим товарищем по Духовной Академии – епископом Трифоном. Тогда мы оба пришли к нему и втроём отправились к Владыке. Дальнейшее уже есть в дневнике. До всего этого мы всячески искали путей к спасению и путались.

В свою приходскую церковь Всех скорбящих Радость на Ордынке мы ходить перестали, т. к. до этого каждую службу (конечно, не всегда будничную) мы пели и читали на клиросе, и вдруг не идти на клирос было неудобно, а идти на клирос, значит, не сосредоточиваться. Ходили в ближайшие храмы: сщмч. Климента, Воскресения в Хадынах, а больше в Кремль или на Красную площадь (Казанский собор и Василия Блаженного). Там мы становились в тени, в уголках и могли молиться, как хотелось, без всяких помех. Ходили мы и в Чудов монастырь. Там у иеромонаха отца Серафима мы впервые в жизни серьезно исповедывались и приобщались. Это было на Сретенье. С тех пор этот праздник самый дорогой и любимый из всех праздников. А путались-то мы потому, что не у кого было раньше спросить совета и наставления. Одно время мы даже стали заниматься спиритизмом, но вдруг нам стало страшно. Мы стали на колени и усердно помолились. Потом опять сели за сеанс, но у нас уже ничего не получилось, за исключением одной страшной фразы, после которой мы сразу всё бросили.

Вот видите, начал про Кузьму, а ушёл к Ерёме! Уж вы меня простите. Вы пишете про иеромонаха отца Даниила. Я такого не помню, но мне кто-то говорил, что отец Димитрий, серебрянник, стал потом Даниилом¹. Не он ли это?

Как вам не грех говорить, чтобы я не сердился на присылку вами молитв о внезапной смерти и других! Вот я уже третий день их с умилением читаю и бесконечно благодарен вам. Помнится мне, что молитва «Безмужняя Эмм[ануила] Мати...» составлена иеромонахом Парфением Киевским (великий угодник Божий), а мо-

жет быть, я и ошибаюсь. Два раза я читал со слезами акафисты и канон. Это всё про меня писано! Но сердца тех, кто их писал, коснулось истинное покаяние и умиление, а на моем сердце всё еще камень...

Спаси вас Господи, что вы пометили, что 1го июля день кончины владыки Трифона. Я его в этот день, конечно, поминал, т. к. поминаю всегда, но надо бы особо.

Насчёт карточек. Я ведь не помню, что я вам посылал... Перечислите, если не трудно, и я посмотрю, что еще есть. Еще очень прошу: скажите мне, когда вы впервые были в Оптиной и когда стали духовными дочками отца Никона. Мне это очень хочется знать. Простите меня за любопытство. Усердно прошу ваших святых молитв о том, кто в них так нуждается и силу их ощущает, о великом грешнике Иване, сердечно любящем и всегда помнящем вас.

8/21 июля 1958 года
Казанской Божией Матери
После обедни

*Воистину воскрес Христос —
Источник жизни вечная!*

*Глубокозтимая и дорогая мне о Господе
Лидия Евгеньевна!*

Несказанно возвеселился я, получив Ваше столь долгожданное, а потому и особенно дорогое мне письмо. Спаси Вас Господи!

Нет надобности в извинениях, тяготы мира сего мне ведь слишком понятны — в них вся причина. Но ныне возрадовалось сердце мое, и всё в нем просветлело.

Не говорите, что переписка братнего наследия Вам не доставила никакого труда, а одно удовольствие. Писали-то ведь Вы не только сердцем и умом, но практически ведь — и руками, а руки-то ведь не очень-то юны и крепки. У меня так вот после большого писания руки сводит, и

¹ Иеромонах Даниил (Фомин) († 25.07.1953).

очень болезненно. Думаю, что и Вам это не так-то уж легко, как говорите. Так или иначе, но я Вам бесконечно благодарен.

Теперь о переживаниях. Одно бесспорно и всякому очевидно, что всякое воспоминание о потерянном рае не может не вызывать великой скорби и сердечного плача. Разве может быть иначе?! А ведь я такой же человек, как и все... Но вспоминать это, или, вернее, всегда помнить, необходимо. Вас, видимо, несколько неприятно задели мои высказывания о том, как мы с братом в какой-то степени удалились друг от друга в скиту против доскитской близости. Что же делать — ведь это факт... Бывало, в Москве я знал о всех его переживаниях и помышлениях, так же как он о моих. Мы поистине были едины и в мыслях и в сердце, а в скиту с конца 1909 и в 1910 годах мы и виделись-то мельком, и никаких прежних бесед не было и в помине. Он жил большой внутренней жизнью, и единственным собеседником его был батюшка Варсонофий. Всякая беседа с кем-либо другим, в том числе и со мной, была ему утомительна. На днях моя дочь Тая сказала своей матери, что она чрезвычайно чутка по всяким нюансам в словах и обращении людей. Эта чувствительность в ней от меня. Так вот, в те времена я крайне болезненно чувствовал отдаленность от меня брата. Видите, я с Вами, как ни с кем, откровенен, хотя и знаю, что слова мои не могут быть Вам приятны. Учтите, что в 1909–1910 годах отца Никона не было — был Николай Митрофанович, в котором не могли еще так, как впоследствии, процветать великие чувства самоотверженности, великой Христовой любви и т. п. А кто я был? По сути дела, ребенок (теперь и в 10–12 лет менее дети, чем был тогда я). 1907, 1908, 1909 года я вообще был не на земле, а на небе. В этом мире меня ничто не влекло. Возникавшие «помыслы», вроде навязчивого желания сорвать и съесть прекрасное яблоко, висевшее на дереве около кельи (до Преображения), я открывал Старцу. Для этого не требовалось ни много времени, ни даже ежеднев-

ности. Помыслы исчезали, как дымок. А после?.. Брата сохранил Господь от таких испытаний и мук, какие постигли меня, и поистине были ему чужды. Помните, я писал: «Вам чужды рыдания мои!» (После этого мне батюшка Варсонофий запретил писать стихи.) Я не могу всего говорить. Горе мое началось с того, что я никому (даже и Старцу) не говорил о некоторых своих искушениях. Правда, я был чист, но служил соблазном другим. По сей день этого ни одна душа не знала и не знает. Оно могло бы быть для меня и безгрешно, если бы я не осуждал и не зазирал других, и притом немалых людей. А кого в чем осудишь — неизбежно в том же осужден будешь! Вот и начало меня ломать! Брат это знал поверхностно, и сердце его как-то не открывалось в то время для меня. Судьбы Господни непостижимы!

Вот почему и в дневнике мало что есть обо мне...

Простите меня, Господа ради, что я все это и, наверное, напрасно написал Вам! Я, может быть, и вовсе этого не стал бы писать, но тут вклинивается другое. Вы не поверили сказанному мною, что об осуждении других, о самоосуждении и т. п. я писал для себя, а что якобы для Вас. Нет! Истину глаголю о Христе, не лгу — для себя! Всё, буквально всё, до мельчайших деталей, что со мною случается и случалось плохого, всё возникает на почве осуждения и зазирания других. Господи! От чуждых грехов пощади раба Твоего окаянного! Аще не обладают мною, тогда непорочен буду и очищуся от греха велика! И веру ми имйте, что ни в какой мере не приходила мне мысль винить Вас в своих грехах.

Дорогая Лидия Евгеньевна! Я Вам писал, что в молитвы об избавлении от внезапной смерти и пред началом дня, я вставляю некоторые свои слова. Сердце мое требует этих слов, и без них неискренна была бы молитва моя. Постепенно я еще кое-что добавил. Так, например, в начале дневных молитв я прошу Господа даровать мне «истинное смирение

сердечное и покаяние неотступное, неизменное и глубокое».

В 8^й молитве прошу (после «разумно») научить меня «со всею кротостию, без раздражения» обращаться со всеми. Раздражаюсь я! Дома меньше, на стороне больше. А ведь сказано, что где свары, там нет Бога, ибо только в мире место Его.

Я это всё пишу потому, что Ваше обвинение меня в том, что я Вас виню в чем не следует, ошибочно, но что мне это нужно самому!

Вот и в 10^й молитве я молю Господа научить меня «никогда никого ни в чем не осуждать и не зазирать и смиряться, смиряться, смиряться!»

Я прихожу к убеждению, что все молитвы о прощении грехов и об избавлении от всяких страстей, можно заменить молитвами (непрестанными и неотступными) о даровании истинного в чувстве сердца смирения перед Господом и всеми людьми, за которыми никогда ничего даже не замечать плохого и, уж конечно, ни в чем, ни в большом, ни в малом, ни при каких условиях не осуждать и не зазирать их! Потому что, пока этого не достигну, нельзя очиститься от греховности и не быть осужденным в том самом, в чем осуждаешь других!

Вот! А Вы говорите, что я писал о Вас!!! Бремя на мне лежит великое, тяжкое, греховное, и свергнуть его возможно только истинным, не надуманным, а порожденным из глубины сердечной самоосуждением и не зазиранием других.

Господа ради, не оставляйте меня в своих святых молитвах!

Относительно своего здоровья что могу сказать? Ничего. Ноги, хотя и всегда несколько опухшие и от долгого стояния или хождения болят, но, в общем, состояние их вполне удовлетворительно. Как правило, службы церковные могу стоять и не присаживаясь, только потом некоторое время передвигаться трудно. С тем, что было, несравнимо лучше! Сердце всё также, и хорошо и плохо. Больше — удовлетворительно.

Н.Н. как заболела 24 апреля (Лазареву пятницу), так и до сих пор не оправилась как следует. Пошла четвертая неделя (с пятницы), как она в больнице. Самочувствие удовлетворительное, но её не выпускают до того, как достанут путевку в один из подмосковных Домов отдыха санаторного типа (таких есть два). Она рвется домой и на работу, но ее решительно не пускают.

Вы вот о себе-то напишите: как Вы себя чувствуете и как прошел день 26 апреля? Я очень волновался и от души молился.

Вы мне ничего не написали о том, что Вы думаете делать с книгами? Лиза Булгакова просила написать, что есть желающие всё купить, и за хорошую цену. У нее много знакомых среди духовно настроенных лиц. Я Вам писал, что Андрей Пусев взял у меня «Древний Патерик», чужой, и теперь сообщил, что ему официально дали справку, что книга на почте пропала. Так что я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне уступили Ваш «Патерик» (конечно и безусловно, за плату). А то я отдать владелице не могу.

Нашел под Гомелем еще одного бывшего оптинского послушника — Антона Прищепова. Был очень милый, тихий мальчик. Теперь старец-иерей, протест, уже на покое. Прислал мне два трогательных письма. В частности, пишет: «Я вашего брата, святейшего мученика отца Никона, умершего во узах заточения, с отцом Феодотом и вас всегда поминаю в недостойных молитвах и всегда считаю родными». Прислал карточку. С большой седой бородой, только очи те же детские, простые, открытые. Спаси его Господи.

Валентине Евгеньевне — самый сердечный привет. Помогите ей Царица Небесная.

Простите.

Ваш сердечно преданный и всегда с любовью помнящий Вас в недостойных молитвах своих грешный Иван.

19 мая/1 июня 1959

Священномученика Патрикия и прочих

Письма святителя Николая Сербского

Письмо скупому господину о церковном блеске

Вы недоумеваете, почему Православная Церковь позволяет такой блеск и роскошь в храмах: драгоценные иконы, серебряные лампадки, золотые покровы, парчовые облачения и другие дорогостоящие предметы. Потому что хочет этим убогим земным сиянием напомнить нам о вечном небесном сиянии; чтобы отвлечь людей хотя бы ненадолго от их земного убожества и напомнить о другом мире, о небесной родине, о Царстве вечной радости и блаженства; чтобы показать им, насколько это возможно на земле, зримым и символическим образом те благолепие и богатство, которыми изобилует духовный мир и которыми должна изобиловать душа христианина, заключенная в тело, так же как это сияние заключено внутри каменных стен храма.

Но все это только общее напоминание. Между тем каждый из церковных предметов сообразно со своей формой, цветом, рисунком имеет в православной традиции свое особое значение. Вместе и отдельно символически они выражают учение Христа о пути ко спасению, обетования Христа или какую-то из тайн Царства Небесного.

Вы бы хотели все это превратить в хлеб и съесть! Съедем, и что тогда? Если тело съест и духовную пищу, что останется душе? Разве Вы не слышали, что безбожники в России все превратили в хлеб и съели и все-таки голодают, и так голодают, как не голодали со вре-

мен Аскольда и Дира? Не хлебом единым жив человек, но и духовной пищей. А все предметы в святом храме предназначены в пищу духовную человеческим душам.

Изучите христианское учение: оно для нас, земных странников, важнее любого другого учения и науки, и Вы это поймете, а поняв, измените образ мыслей.

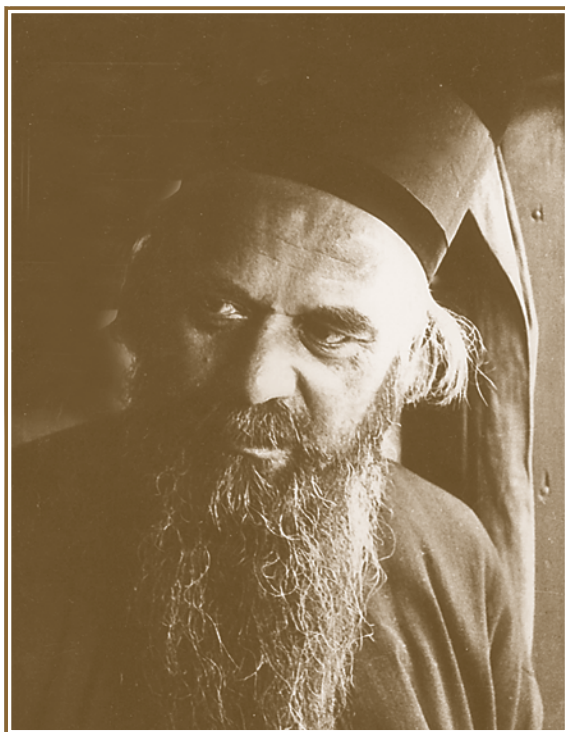
Письмо тому же, о церковной роскоши

На мое письмо Вы отвечаете новым вопросом: «Разве Христос потерпел бы такую роскошь в храме?» Конечно. Терпел ее тогда, потерпел бы и сейчас. Тогда в Иерусалиме был храм Соломона, редчайшее во всем мире чудо архитектуры и богатства. На убранство этого храма ушло больше золота и драгоценных камней, чем на все балканские храмы, вместе взятые. Весь храм Соломона был выложен золотом: и его алтарь, и стены. Христос много раз входил в этот храм, но ни разу Он не выразил Вашей мысли о том, что все это нужно превратить в хлеб и съесть. Он предсказал гибель этого храма, и храм погиб, но не из-за золота, находящегося в нем, а из-за нечистоты в человеческих душах.

Меня радует, что Вы проявляете милосердие к бедным, но я бы еще больше радовался, если бы Вы проявляли его за счет своего имущества, а не за счет чужого. Ни в коем случае я не хотел бы Вас видеть по одну сторону с Иудой. Знаете притчу, как Иуда хотел показаться ми-

лостивее Христа? Прочтите двенадцатую главу Евангелия от Иоанна. Там говорится о том, как одна женщина пришла ко Христу, взяв *фунт нардового чистого драгоценного масла, и помазала ноги Иисуса*. Иуда, который вскоре предал своего Учителя за сребреники, рассердился и воскликнул: *Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?* На это благий Господь, Который пришел жизнь Свою положить за нищих, ответил: *нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда*¹.

Послушайте же, что я Вам скажу: если бы мы всегда имели с собой Христа, не было бы среди нас нищих. Те, кто имеет с собой Христа, жертвуют Церкви все то, что вы называете «роскошью». Они подают и бедным. Любовь ко Христу вдохновляет их на две жертвы — на жертву своей церкви и на жертву своим бедным братьям. А те, кто не имеет Христа, не имеют и нищих. Они хотели бы взять у Церкви и отдать нищим только затем, чтобы не давать свое и чтобы ни-

Святитель Николай Сербский

щие не досаждали им. Вот истинная причина подобных мыслей, носящая маску добродетели.

¹ Ин. 12, 5, 8.

Мир Вам и благословение

Зинаида Иноземцева

Правда истории. Нужна ли она народу?

Постановка вопроса о том, нужна ли народу правда истории, может показаться абсурдной. Однако это не игра воображения. Проблема подмены исторической правды вымыслом — мифом — давно покинула тайные лаборатории и в настоящее время воплощается в программах и концепциях развития научного знания, открыто обсуждается на представительных форумах, в газетах и журналах, на телеэкранах, проникает в лекционные курсы и учебные пособия.

Так, 10–13 сентября 1999 года в городе Шуе, Ивановской области, проходил Международный научный семинар, организованный Московским представительством Фонда Фридриха Науманна¹. Речь шла о теории, структуре, функции, роли мифов в общественной жизни; о методах воздействия мифа на человека, о различных проявлениях мифологизированного сознания в российских условиях. Участники семинара с удовлетворением отмечали, что в современной России активно изучают мифы и мифологию, и что «этот процесс необходим», поскольку «если Россия действительно хочет измениться, то российское общество должно преодолеть те новые и старые мифы, с которыми приходится сталкиваться в общественной, политической и отчасти даже в экономической жизни страны»².

¹ Мифы и мифология в современной России. — (Библиотека либерального чтения). М., 2003. 188 с.

² Там же. С. 5.

Завершалось первое десятилетие после крушения коммунистического режима. Новая Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, провозгласила право граждан на информацию³. Исследователи получили возможность изучать в архивах рассекреченные документы. Большинство впервые узнавало правду об истинных целях антирелигиозного политическо-

*Части разрушенного немцами
памятника «Тысячелетие России».
Великий Новгород. Январь 1944 года*

³ В 2008 г. в Конституцию РФ внесены уточнения: согласно ст. 24 п. 2 «органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом». Официальный текст Конституции РФ с внесенными в нее поправками от 30.12.2008 опубликован в изданиях: Российская газета. 21.01.2009. № 7; Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4, ст. 445; Парламентская газета. 23–29.01.2009. № 4.

го террора, массовых расстрелах священнослужителей, правду о коллективизации, индустриализации, истории войн XX столетия и судьбах миллионов солдат — победителей германского фашизма, возвращавшихся на Родину в застенки сталинских лагерей. Народ прозревал. Разрушались мифы, созданные советской пропагандой, заполнившие научные монографии и школьные учебники. В систему научного знания вводились все новые и новые информационные массивы архивных документов, позволяющие увидеть истинные цели, формы, методы уничтожения русского православного народа, которые применялись государственной машиной собственной страны и, в неменьшей степени, западным миром.

Однако вопреки надеждам либеральных кругов народ России не воспринимал навязываемые ему новые ценности западного мира. Возрастала роль Русской Православной Церкви. После широко-масштабного празднования при государственной поддержке Тысячелетия Крещения Руси начался процесс духовного возрождения.

Встревоженный распространением «новых специфически российских мифов» доктор Фальк Бомсдорф в своем программном докладе отнес к их числу прежде всего такие, как: «русская идея», «особый путь», «предназначение России», «духовность», «противостояние Западу». Эти понятия, подчеркнул доктор Бомсдорф, «не только не приносят пользы стране в ее развитии по направлению к современному государству, но и прямо вредят. Они грозят России новой изоляцией и, если она осуществится, это будет, как и всегда в российской истории, самоизоляция, которая *не принесет пользы... международному сообществу*». Полагая, что он вправе выражать потребности и волеизъявление русского народа, доктор Бомсдорф с уверенностью утверждал, что «российским гражданам не нужна та Россия, которую „умом не

понять“»¹. Он не без основания выражал тревогу, понимая, что в этих забытых в советское время, но всплывших сейчас в народном сознании понятиях, проявляется и нарастает стремление народа к истокам своей культуры, возвращению к традиционным началам жизни, духовному возрождению.

Мы видим, что главной задачей «устроителей» новой России была критика базовых понятий возрождающегося национального самосознания русского народа, понятий, которые они определили как «новые мифы» и которые следовало подвергать уничтожающей критике. «Именно это и ничто другое предполагается критикой мифологии... — поясняет доктор Бомсдорф. — <...> Россия и российское общество должны распрощаться с XIX веком, в который, похоже, вернулись многие представители российской политики. Им надо найти дорогу туда, где они и существуют: в XXI век»². Такие и подобные им директивные установки получали ученые России от представителей Фонда на проходившей в 1999 году научной конференции в городе Шуте.

Прошло еще десятилетие русской истории. В 2010 году в рамках исследовательской программы Центра руссиеведения ИНИОН РАН³ состоялся семинар⁴ с ведущими российскими историками и архивистами. Цель семинара, как ее изложили представители Центра, заключалась в формировании нового подхода к историческому просвещению народа. «Нас особенно интересует, как после эпохи социальных потрясений самоопределяется наша страна, какие опоры

¹ Мифы и мифологизация... С. 6–7.

² Там же.

³ Руководитель ИНИОН РАН — Пивоваров Ю.С.; Центра руссиеведения ИНИОН РАН — Глебова И.И.

⁴ Социальная память в институциональном измерении: постсоветский архив // Материалы семинара Центра руссиеведения. ИНИОН РАН. М., 2010. 88 с.

во времени ищет, на чем основывается **национальный идентификационный проект: „КТО МЫ?“** — один из **центральных вопросов нашего времени, все настойчивее требующий определенности**», поскольку **«выбирая „подходящее“ прошлое и актуальные социокультурные ориентиры, мы обретаем собственное будущее¹. <...>** В культурно-ментальном отношении наши перспективы зависят от того, какую историю, какой алгоритм отношений с прошлым мы для себя выбираем сегодня. <...> Главная проблема россиеведения — самоопределение, институализация»². В переводе эти понятия означают, что задачи россиеведов заключаются в **искусственном формировании исторического прошлого России**, с тем чтобы обрести то будущее, которое видят творцы новой истории России.

Есть препятствия на пути воплощения этих задач. И.И. Глебова сказала следующее. «В своем развитии, — отмечала она, — мы ограничены „коридором“ возможностей, заданных прошлым...», которое «загоняет в прежние, исторически хорошо знакомые тупики»³. «Именно поэтому, — подчеркивает И.И. Глебова, — мы обратились к проблематике национальной памяти, национального достояния и судьбе институтов, отвечающих за их воспроизводство»⁴.

¹ Здесь и далее выделение — *З.И.*

² Институционализация — процесс, представляющий собой этап становления института, означающий укрепление социальной практики до уровня института (законодательное оформление статуса, обрастание организационной инфраструктуры и материальными ресурсами). Это процесс создания и последующего принятия людьми тех или иных институциональных кодексов поведения, норм, принципов управления, обусловленных определенной управленческой культурой; создаются четкие управленческие стратегии, связанные с обретением политического и правового статуса социального института.

³ Социальная память в институциональном измерении: постсоветский архив. С. 7.

⁴ Там же.

Пробуждение народного самосознания в последние два десятилетия вновь тревожит и вызывает активное противодействие антирелигиозных либеральных сообществ. Исключительно любопытны в этой связи сюжеты на тему «Истина и объективность в историческом знании», изложенные на страницах журнала «Вопросы философии», поместившего развернутый обзор докладов научного заседания Центра «Проблемы исторического познания» (руководитель К.В. Хвостова) Института всеобщей истории РАН, состоявшегося в октябре 2011 года⁵. М.А. Кукарцева (Дипломатическая академия МИД РФ), рассматривая проблему соотношения истины, лжи и феномена доверия как инструмента исторической эпистемологии⁶, поставила вопрос о необходимости **«переосмысления места и значения истины и объективности»**. Одно из направлений указанного переосмысления она формулирует так: «Человечеству нужны иллюзии, мифы и ложь. Социальная функция (!) лжи и обмана не всегда негативна. <...> Свобода лжи — фундаментальная предпосылка любой моральной системы, а «привычка ко лжи» укоренена в культуре — мы скрываем истину из соображений вины, стыда, выгоды и пр.»

М.Ф. Румянцева (РГГУ) рассмотрела архивный исторический источник — базовое понятие гуманитарной науки — в контексте мифологизации исторического знания. Она сочла для себя возможным рассматривать архивный документ не только как фрагмент объективной реальности, но и как фрагмент феноменологической конструкции. Первый подход, по ее мнению, базируется на принципах классической философии и реализует рационалистический тип мировоззрения.

⁵ Вопросы философии. 2012. № 6. С. 180–184.

⁶ Эпистемология (от др.-греч. ἐπιστήμη — «научное знание, наука», «достоверное знание» и λόγος — «слово», «речь») — раздел философии, изучающий сущность познания и критерии его истинности.

Второй — это объективированный результат творческой деятельности человека, продукт культуры. Он вполне пригоден, по мнению докладчика, для изучения исторических явлений и процессов и связан с неклассической эпистемологией, реализуя феноменологический тип мировоззрения.

Россиеведы не оставляли места архивному документу как историческому источнику для изучения фактов, событий, явлений реальной истории России. Излишними для новаторов оказались и сами архивы.

Ю.А. Пивоваров и И.И. Глебова настойчиво убеждали всех в том, что «обществу в общем-то архив не нужен». Нужен **миф**, который позволит формировать историческое прошлое под идею будущего. В ответ на выступление профессора ИАИ РГГУ Е.В. Старостина, отстаивавшего роль документа

в объективном познании исторического прошлого и противостоянии лжи, И.И. Глебова с предельным цинизмом заявила: «Дело не в том, что нам врут (о прошлом и настоящем), а в том, что подавляющее большинство граждан хочет этой лжи. Точнее, никогда не разменяет их возвышающий обман на „низкие истины“. А это гораздо хуже, чем если бы людям лгали, а они понимали это и жаждали правды о себе. **Нам правда не по силам — она нам ни к чему — ни управляющим, ни управляемым. Наше время это демонстрирует очень ярко — по-своему не менее отчетливо, чем советская эпоха**»¹.

Документы Архивного фонда Российской Федерации — национальная память России. Они отражают национальную идею русской государственно-

¹ Вопросы философии. С. 44.

Памятник «Тысячелетие России» воздвигнут в Великом Новгороде в 1862 году в честь тысячелетнего юбилея призвания варягов на Русь. Венчают монумент фигуры, олицетворяющие собой Православную веру — Ангел с крестом и коленопреклоненная молодая женщина, символизирующая Россию; рукой она поддерживает щит с изображением двуглавого орла и датой — «1862». Подножием служит огромный бронзовый шар-держава, аллегорически обозначающий Власть.

Вокруг шара-державы размещены семнадцать фигур, объединенных в шесть скульптурных групп, символизирующих шесть эпох Российского государства. В каждой группе главенствуют государи, олицетворяющие свою эпоху. Рюрик — основание государства Российского, Владимир Равноапостольный — крещение Руси, Дмитрий Донской — освобождение от татарского ига, Иван III — начало единой державы, Михаил Романов — восстановление Царства после Смуты. Замыкает круг Петр Великий, основатель Российской империи.

Третий, нижний, ярус — горельефный фриз. На нем изображены 109 выдающихся персонажей русской истории.

Памятник «Тысячелетие России» на Софийской площади Новгородского кремля. Скульптор М.О. Микешин. Фото. 1960-е годы

сти, формируют самосознание русского народа. И потому не соответствуют интересам мифологизаторов.

«Гуманитарные просветители» сетуют, что до сей поры «Круг значимых имен, идей, методологий еще не выявлен: идет поиск научной ниши... подходящего инструментария»¹. Возможно, слишком далеки они от народа и им просто неведомо, что русские люди ежедневно обращают свои взоры и молитвы к тем, чьи имена включены в Собор святых Русской Православной Церкви. Их более двух тысяч, за веру пострадавших в годы религиозных гонений. В них русские люди видят воплощение идеала человеческой личности, пример для подражания, вслушиваются в их заветы, обретают реальную поддержку и надежду на укрепление державы Российской.

В последние два года безраздельному господству либеральных идей и действий в научном мире противостоят уже не только отдельные ученые и специалисты. Осознание угрозы национальной безопасности, государственным устоям, которую несут разрушительные идеи мифологизаторов, пришло и во властные структуры.

Важной вехой на пути противостояния мифологизации истории России явилось воссоздание в 2012 году Российского исторического общества, которое было основано в 1866-м и просуществовало до 1920 года. Сергей Евгеньевич Нарышкин (председатель), определяя задачи, которые стоят перед возрождаемым Историческим обществом, подчеркнул, что необходимо «объединить усилия всего общества, государства и ученых для формирования общероссийской исторической культуры на основе объективного, непредвзятого изучения событий истории, их популяризации и передачи новым поколениям». Предстоит «содействовать большей доступности российских архивов, глубокому изучению находящихся в них документов».

Приветствуя воссоздание Исторического общества, президент России В.В. Путин выразил надежду, что «общество будет способствовать развитию исторического образования и **противостоять попыткам фальсификации исторических фактов**».

Это путь возвращения к Истине.

Завершая освещение вопроса о намерениях либеральных кругов в области формирования мифологизированного сознания русского народа на основе западных ценностей и начавшемся государственном противодействии этим намерениям, важно заметить, что либеральные мифы (впрочем как и иные мифы) не могут составить прочный фундамент государственности.

Известный историк-агиограф нашего времени игумен Дамаскин (Орловский), изучивший огромные пласты архивных документов, доступ к которым стал возможен после крушения СССР, раскрывая значение исторического просвещения, сформулировал важное положение, заметив, что «можно жить, не особенно отдавая себе отчета в том, для чего и почему мы живем и кто мы такие, но для всякого человека и для всякого народа наступает час, когда необходимость ответить на эти вопросы становится равнозначной вопросу о жизни и смерти»².

Такой час пришел. Его осознают враги России и направляют удары по неокрепшему национальному и религиозному самосознанию русского человека, которое в течение долгих десятилетий безжалостно погашалось безбожной властью.

Русский народ стоит перед судьбоносным выбором: или возвращение к истокам своей православной культуры, к правде истории, или вновь оказаться в путах лжи и строить свое будущее согласно мифам, изготовленным на англосаксонской кухне.

¹ Мифы и мифологизация... С. 6.

² Дамаскин (Орловский), игумен. Предисловие // Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Кн. 1. Статьи и заметки. Тверь, 2004. С. 5.

Иеродиакон Платон (Рожков)

Преподобный Варсонофий и оптинская смута

В 1910–1912 годах в Оптиной Пустыни произошли события, названные позднее «Оптинской смутой». Последствиями смуты были: перевод из обители преподобного Варсонофия (Плиханкова), старца Оптинского, в Коломенский Старо-Голутвин монастырь, удаление писателя С.А. Нилуса, проживавшего при монастыре, и некоторые другие события, надолго оставившие след в истории монастыря.

Старчество всегда подвергалось гонениям. Гнали первого из оптинских старцев, преподобного Льва (Наголкина), обвиняли его в ереси, масонстве, запрещали принимать народ, переводили из скита в монастырь, из кельи в келью. Гнали и преподобного Амвросия (Гренкова). Когда тяжело больному Старцу сообщили о переводе, он спокойно ответил: «Я могу перейти с постели на диван, но не далее»¹. Преподобного Амвросия почитала вся Россия, а в монастыре были такие, кто даже имя его слышать не хотел. Воистину *несть пророк без гести, разве только во отегествии своем* (Мф. 13, 57; Мк. 6, 4).

Возникновение смуты, по версии известного исследователя монашества, историка Оптиной Пустыни И.М. Концевича, берет начало с далеких времен, с момента кончины преподобного Амвросия, после которого в обители оказалось два старца — преподобный Иосиф (Литовкин) и преподобный Анатолий (Зерцалов). Зачинщиками были духовные дети преподобного Иосифа, которые опасались за судьбу своего аввы. Тихий, смиренный, скромный отец Иосиф казался своим защитникам неспособным

сам себя отстаивать, но вероятнее всего, они беспокоились о воплощении своих честолюбивых планов.

После смерти преподобного Анатолия возможным претендентом на место скитоначальника и духовника братии оказался его духовный сын, преподобный Варсонофий. Уже тогда заговорщики почувствовали в нем незаурядную личность, видели возможного конкурента и повернули против него свое оружие. В результате их стараний, по свидетельству самого Старца, его отправили на фронт, на русско-японскую войну, в качестве священника при лазарете. Как довелось слышать Концевичу, в скиту опасались этого умного, образованного и способного быть властным человека. Преподобный, слабый и больной, и не надеялся вернуться с войны. Радовались и интриганы: «Нет уж, — говорили, — теперь не вернется»². Предполагалось, что война затянется лет на пятнадцать, но она скоро закончилась, и Старец, прожив в Маньчжурии около двух лет, возвратился невредимым и даже получил около десяти церковных и правительственных наград.

В скиту тем временем, пользуясь добротой, мягкостью и болезненным состоянием старца Иосифа, некоторые люди делали злоупотребления, и на скиту ока-

¹ Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2005. С. 226.

² Преподобный Варсонофий Оптинский. Указ. соч. С. 232.

*Архимандрит Ксенофонт (Клюкин) (†1914).
Фотография. 1910-е годы*

зались долги. В 1907 году в кассе осталось только 46 рублей. От Св. Синода была прислана ревизия, преподобный Иосиф подал прошение уйти на покой, а на место скитоначальника и духовника братии в 1907 году был назначен преподобный Варсонофий, возведенный в сан игумена. И вновь в обители оказалось два старца.

Отец Варсонофий, поступивший в монастырь после кончины старца Амвросия, в отличие от преподобного Иосифа, казался некоторым человеком пришлым, чужим. Опять возникло недовольство. «Между тем новый скитоначальник твердой и властной рукой восстановил порядок в скиту, — пишет Концевич. — Он внес в его казну 60 тысяч рублей личного своего капитала, уплатил долги, ремонтировал скит, обновил ризницу, устроил библиотеку. Твердым своим прямолинейным характером, не допу-

скавшим ни малейшей уступки духу времени, он со строгостью умел соединить и нежно-любовное отношение к скитской братии... Он не стеснялся и смирять, когда это требовалось. <...> До сих пор дело ограничивалось только натянутыми отношениями между Варсонофиевскими и Иосифовскими учениками и ученицами. У коренных же оптинцев все же царил дух смирения, да и влияние оптинских духовников — отцов Анатолия (Потапова), Феодосия [Поморцева] и Нектария [Тихонова], — употреблявших все силы для поддержания мира, делало свое дело. Например, когда отец Варсонофий опасно заболел и послал к отцу Иосифу просить благословения на принятие схимы, в этот момент в келье отца Иосифа оказался его духовник, отец Нектарий, который и настоял на том, чтобы это благословение было дано. <...> Между тем подземная работа врага рода человеческого не ослабевала»¹.

Концевич пишет, что новыми монахами, небольшой горсточкой братии, пришлыми из упадочного предреволюционного мира, подготавливался бунт, вещь доселе не слыханная в Оптиной Пустыни. Им дела не было до старчества, главное — нужно было упрочить свое положение в обители, занять начальственные должности². 28 марта 1910 года в оптинской летописи сказано: «Четверо из старших братий оптинских: иеромонахи Моисей [Чеботарев] и Иезекииль [Степанов], иеродиакон Георгий [Лаврухин] и монах Михей [Матвеев] позволили себе сделать донос Преосвященному Калужскому³ на честнейшего настоятеля оптинского, архимандрита Ксенофонта [Клюкина], обвиняя его пред Владыкою в нанесении ущерба обители нерасчетли-

¹ Концевич И.М. Оптина Пустынь и ее время. Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY. 1970. С. 386—387.

² См.: Там же. С. 387.

³ Вениамин (Муратовский), епископ Калужский и Боровский с июля 1901 по декабрь 1910 года.

вым ведением монастырского хозяйства... В монастыре, после ранней литургии, отцом настоятелем со всеми иеромонахами была... отслужена панихида по почившим старцам, а после поздней — служился молебен о ниспослании мира братии обители»¹. Концевич и Нилус указывают и пятого участника смуты — монаха Патрикия (Ревякина), в некоторых документах встречается имя еще одного жалобщика — монаха Савватия (Казакова). Епископ распорядился, чтобы вопрос решила Калужская Духовная консистория. Оттуда прошение было препровождено настоятелю монастыря для объяснения².

Нашлись и недовольные миряне. Некий Евгений Александрович Кавелин пожаловался в консисторию на нецелевое использование денег, пожертвованных им на поминование своей тетки³. Другой дворянин Козельского уезда, Борис Александрович Ялозо, еще в 1903 году внес деньги на поминование родных, но поминования не услышал, о чем решил жаловаться лишь семь лет спустя, в июле 1910 года⁴. Бунтовщики также получили поддержку в прессе. В газете «Речь» была опубликована статья о неправильном водозаборе, в результате которого некоторые местные жители якобы страдали от нехватки воды⁵, несмотря на то, что этот вопрос еще в 1907 году был решен в судебном порядке в пользу монастыря⁶.

Основной упор в жалобах монахов был сделан на неправильное лесопользование, постройку и эксплуатацию храмов обители, присвоение денег, поданных на поминование. Первая жалоба, после объяснения настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Ксенофонта, была оставлена без последствий. Но те же иноки немно-

*Преподобный Варсофоний (Плиханков)
Оптинский (1948–1913). Фотография.
Начало XX века*

го позднее обратились в Св. Синод и просили о назначении синодальной комиссии для обследования хозяйства Оптиной Пустыни⁷. Кроме того, в Синод поступило ходатайство от козельского предводителя дворянства Домогацкого и уполномоченного от группы дворян Николая Михайловича Боборыкина с просьбой назначить ревизию в обитель.

Синод, 26 августа и 11 сентября 1910 года рассмотрев жалобы, дал поручение Преосвященному Калужскому Вениамину (Муратовскому) исследовать вопрос и доставить в Синод сведения и заключение⁸. Постановлением епархиального начальства от 13 сентября 1910 года была назначена следственная комиссия под

¹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт- 367. Л. 178 об, 179.

² ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1816. Л. 930.

³ Там же. Ед. хр. 1817. Л. 163.

⁴ Там же. Ед. хр. 1890. Л. 168.

⁵ Монахи отняли воду // Речь. 8 мая 1910 г. № 134.

⁶ ОР РГБ. Ф. 213. К. 29. Ед. хр. 8. Л. 8—10.

⁷ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1890. Л. 172 об.

⁸ Там же. Л. 113, 123.

Введенская Оптиная Пустынь. Открытка. Начало XX века

председательством священника козельского собора Сергия Протопопова. Комиссией были исследованы храмы обители, приходно-расходные книги, духовные завещания, были опрошены должностные лица. Выяснилось, что строительство, эксплуатация и ремонт храмов проводились без нарушений, поминальные деньги начальством не присваивались¹. Обнаружилось, что один из светских жалобщиков, журналист, бывший московский нотариус Н.М. Боборыкин, сам ранее неоднократно находился под уголовным преследованием по делам о присвоении вверенных ему денег и другим должностным преступлениям, что подтверждается архивными документами². Боборыкин также пользовался услугами одного из жалобщиков — иеродиакона Георгия — для получения займы монастырских денег, которые не возвратил. Он же являлся редактором всех заявлений и прошений, поданных от лица четырех монашествующих Оптиной

Пустыни. Все прошения монахов и жалоба Кавелина были напечатаны на одной и той же пишущей машинке³.

Ревизией был обнаружен лишь ряд недочетов в ведении настоятелем и старшей братией приходно-расходных книг, также ошибка была в том, что Кавелину, Ялозо и Домогацкому не выдали квитанций⁴. Консистория нашла, что утверждения о бесхозяйственности и убыточности ведения монастырского лесного хозяйства не подтвердились⁵. В летописи указано, что еще 5 октября 1910 года в скиту побывала для досмотра нового скитского храма комиссия из нескольких иереев, назначенная от Св. Синода по поводу доноса⁶.

Но смута набирала ход. Подключилась пресса. В газете «Земщина» в июне 1910 года была опубликована заметка некоего Н. Дмитриева под названием

¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1818. Л. 111—112 об., 328.

² ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 27. Д. 181. Л. 167, 173.

³ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1890. Л. 177—177 об.

⁴ Там же. Л. 182 об.—184.

⁵ Там же. Л. 917.

⁶ ОР РГБ. Ф. 214. Опт-367. Л. 185—185 об.

«Оптинская история», в которой он пишет, что иеромонах Оптиной Пустыни Моисей (один из жалобщиков) вскоре после поданного им доноса назначен на должность настоятеля Дионисиево-Глушицкого монастыря Вологодской епархии. Журналист сетует, что «такого почтенного и заслуженного инока», одного из тех, кто указал на якобы беспорядочное ведение монастырского хозяйства, переводят в другую епархию накануне ревизии¹. Жалобщики утверждали еще и то, что они терпят притеснения от скитоначальника и духовника братии, старца Варсонофия².

Но калужским епархиальным начальством жалобы были оставлены практически без последствий, сделаны лишь замечания настоятелю и старшей братии, не отразившиеся, впрочем, в послужных списках. Отец Ксенофонт был снят с должности благочинного монастырей Калужской епархии³. А главные жалобщики, иеромонах Моисей и иеродиакон Георгий, «за несправедливое обвинение ими своего настоятеля в преступном ведении лесного хозяйства»⁴ для своего исправления и водворения мира в обители были переведены в другие монастыри. Иеромонах Моисей, как уже было сказано, перемещен в Вологодскую епархию, а иеродиакон Георгий по распоряжению Св. Синода в 1911 году был переведен в Мещовский Георгиевский монастырь.

Немало шума натворила и некая крестьянка Дарья Финяева, написавшая свою жалобу калужскому епископу Александру (Головину) на монастырское начальство, запретившее ей посещение богослужений, в чем она видела происки проживавшего вблизи монастыря С.А. Нилуса. Финяева решилась пожаловаться на писателя, обвинив его в том, что он якобы живет в монастыре на со-

блазн всем с двумя женами. Настоятель архимандрит Ксенофонт объяснил, что прошение крестьянки Финяевой «есть не что иное, как пасквиль на семейство известного православного писателя господина Нилуса, живущего со своим семейством не в Пустыни, а на даче Оптиной Пустыни, отстоящей от Пустыни в полуверсте. Сам господин Нилус, — пишет настоятель, — человек преклонных лет, известный строгонравственный писатель по духу и по жизни, состоит сотрудником Преосвященного Никона по редакции Троицких изданий; супруга господина Нилуса, бывшая фрейлина высочайшего двора и начальница женского института, Елена Александровна (урожденная Озерова)... Жизнь этого семейства вблизи Пустыни заключается в делах благотворительности бедным. По роду сочинений своих господин Нилус получил благословение оптинских старцев, покойного отца Иоанна [Кронштадтского] и игумена Варсонофия... Просительница Финяева обладает необузданным характером, приносящим ей немало неприятностей. Состоявшимся 1 сентября 1910 года приговором члена окружного суда по Козельскому уезду, Финяева была подвергнута аресту на 10 дней за [грубое и нецензурное. — и. П.] оскорбление на словах богомолицы Полевой в соборном

*Елена Александровна и Сергей Александрович
Нилусы*

¹ Земщина. № 358, июнь 1910 г.

² ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1818. Л. 99 об.

³ Там же. Ед. хр. 1933. Л. 35.

⁴ Там же. Ед. хр. 1889. Л. 619—621.

храме пустыни, а в текущем [1911 году] был составлен урядником протокол по заявлению приехавшей в Пустынь госпожи, которую Финяева в приемной комнате скитона начальника, игумена Варсонофия, объявила женщиной разврата»¹. По мнению настоятеля, жалоба Финяевой была продолжением возникших в 1910 году доносов на администрацию монастыря. Жалоба Финяевой как необоснованная была оставлена епархиальным начальством без последствий².

9 мая 1911 года скончался старец Иосиф, но брожение продолжалось. Скит до тех пор оставался в стороне от конфликта. Когда настоятель, отец Ксенофонт, обратился за помощью к скитона начальнику и духовнику братства, игумену Варсонофию, тот, как пишет Концевич, сразу усмирив бунт, умиротворил братию и настоял на удалении из обители зачинщиков бунта.

Взрыв произвела некая Мария Михайловна Булгак, урожденная Бартенева, крайне правая политическая деятельница. Поначалу эта особа обожала старца Варсонофия и даже обещала завещать скиту свой капитал в сто тысяч рублей, но на этом основании она решила, что ей дозволено там распоряжаться. «Произошел конфликт, и Мария Михайловна возненавидела отца Варсонофия. <...> Желая отомстить отцу Варсонофию, Булгак явилась в политический петербургский салон графини Игнатъевой, где можно было встретить епископов — членов Синода, и выложила там весь багаж привезенных из Оптиной клевет и сплетен. Проверять слухи поехала в Оптину сама графиня Игнатьева»³. Впоследствии Булгак оставила свой капитал не скиту, а на содержание и пропитание двух своих собак, о чем, как о курьезе, было написано в газете «Новое Время».

Старец вспоминал: «Были у меня... две дамы из интеллигентного круга и

пронесли имя мое яко зло (Ср.: Лк. 6, 22), за что, спросите? Нашли у меня в молельной слишком роскошно для Оптиной, а главное, не понравилась им большая картина Ангела, утешающего скорбную душу»⁴. Игнатьева потом рассказывала, что у Старца на картине изображена женщина, хотя ей возражали, что это святая, но она считала, что все равно — не годится. Также ей не понравилось, что во время проповеди иеромонах произнес два раза слово «женщина». «„Затем и сам Старец одет вполне прилично, я представляла его совсем другим“. Оказывается она хотела видеть Старца во вретисце, с всклокоченными волосами и разочаровалась. Но все наши старцы, — говорил преподобный Варсонофий, — одевались вполне прилично и не ходили в изорванных рясах. Например, батюшка отец Амвросий был великий старец, совершал предивные чудеса, мог даже мертвых воскрешать, но одевался вполне прилично. <...> Ведь не одежда спасает, а чистота души»⁵.

Во время визита Игнатьевой по просьбе отца Варсонофия присутствовала старушка М.Н. Максимович, жена варшавского генерал-губернатора. Вернувшись в Петербург, графиня доложила членам Синода, посещавшим ее салон, что в келье скитона начальника стояли цветы и чай разливала дама⁶.

Кроме этого, недовольство некоторых могло вызывать негативное отношение отца Варсонофия к так называемому Мите Козельскому, которого одно время в Петербурге почитали как настоящего юродивого, он был известен и при дворе. Косноязычный Митя тоже пожаловался на порядки в Оптиной в письме к императору. Стиль письма поразительно напоминает жалобы под редакцией Боборыкина. Впоследствии Митя потерял свои

¹ ГАКО. Ф.33. Оп. 2. Ед. хр. 1889. Л. 39.

² Там же. Л. 39 об.

³ Концевич И.М. Указ. соч. С. 388.

⁴ Преподобный Варсонофий Оптинский. Указ. соч. С. 239.

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Концевич И.М. Указ. соч. С. 389.

позиции при дворе, вступив в единоборство с Распутиным¹.

В результате всех этих жалоб и слухов Св. Синод поручил провести ревизию в Оптиной епископу Кишиневскому Серафиму (Чичагову). Епископ был одним из завсегдатаев салона графини С.С. Игнатьевой². Концевич пишет: «Он прибыл в Оптину под первое января 1911 года и после всенощного бдения выступил для произнесения проповеди. Он начал с того, что монахи бывают послушными и непослушными. Все ожидали, что речь коснется удаленных за бунтарство монахов, их своеволия и непокорности. Но каково было общее изумление, когда он начал громить и поносить отцов настоятеля и скитона начальника, двух старцев, склонивших перед ним свои убеленные головы и поддерживающих его под руки. „Какой ты старец?“ — крикнул епископ на отца Варсонофия. Смиранный игумен ответил кротко: „Я не самовольно старчествовую, Владыко, меня Синод назначил“. Народ, свидетель этого, покидал собор возмущенный и взволнованный»³. В течение года Св. Синод не принимал никакого решения.

В «Биржевых Ведомостях» (№ 12766) 2 февраля 1912 года было опубликовано заседание Св. Синода по результатам поездки епископа Серафима. Газета пишет, что ранее уже поступали в Синод жалобы нескольких монахов на якобы злоупотребления в Оптиной Пустыни, но Синод оставил их без последствий. Теперь же епископ Серафим доложил, что, по его мнению, хозяйство в монастыре ведется безалаберно, особенно операции с лесом. Рубка, по заключению Преосвященного, ведется крайне беспорядочно.

¹ Митрополит Антоний [Храповицкий] и его время. 1863—1936. Братство во имя святого князя Александра Невского, 2004. Кн. 3. С. 22—24.

² Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда в системе власти самодержавной России конца XIX—начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

³ Концевич И.М. Указ. соч. С. 389.

Игумен Феодосий (Поморцев) (†1920).

Фотография. 1910-е годы

Это кажется немного странным, учитывая, что в монастыре специалистами не раз с начала века проводились ревизии, не нашедшие никаких нарушений. Вообще, изучение документов Св. Синода в Российском государственном историческом архиве доказывает, что ошибки при ведении лесного хозяйства были очень распространены, учитывая то, что в то время практически все монастыри и приходы использовали дровяное отопление. Об этом свидетельствуют сотни дел в фондах архива. В той же дореволюционной Оптиной в год расходовалось на отопление и другие хозяйственные нужды не менее тысячи кубометров дров.

Епископ Серафим назвал настоятеля обители «слабовольным человеком», который «не в состоянии уследить за всем

громадным монастырским хозяйством». На основании доклада епископа Кишиневского Серафима 6 февраля 1912 года Синод издал указ, в котором предписывалось: «Объявить игумену Варсонофию, управляющему скитом Оптиной Пустыни, что он назначен Св. Синодом настоятелем Коломенского Старо-Голутвинского монастыря Московской епархии с возведением в сан архимандрита»¹. Также было приказано избрать нового назначая, уволить заведующих монастырской канцелярией и двумя лесными дачами обители, прекратить вырубку леса до составления новых планов, а иеродиакона Георгия, ранее переведенного в Мещовский монастырь, переместить обратно в Оптину Пустынь. Последним пунктом указа был запрет на проживание в монастырских гостиницах богомольцам более десяти дней. Этот пункт в первую очередь бил по писателю С.А. Нилусу, который был вынужден 14 мая 1912 года, после нескольких лет жизни в оптинском раю, вместе с замечательными старцами, покинуть навсегда милую его сердцу обитель². Исключение не сделали и для тихой старушки М.Н. Максимович, несмотря на ходатайство настоятеля. Концевич пишет, что поднимался вопрос даже «о закрытии скита и прекращении в Оптиной Пустыни старчества»³.

Игумен Варсонофий написал прошение в Духовную консисторию об увольнении его от должности настоятеля Коломенского монастыря, желая остаться в скиту хотя бы в качестве простого монаха, но это уже было не в компетенции епархиальных властей. Настоятель и вся старшая братия подали прошение епископу Калужскому Александру с просьбой как-то посодействовать, оставить старца Варсонофия в обители. Братия писали: «Игумен Варсонофий в настоящее время самый нужный инок для скита и Пусты-

ни. С кончиной приснопамятного отца протоиерея Иоанна Кронштадтского и старца отца Варнавы [Гефсиманского] в последние годы заметно стал увеличиваться прилив в Оптину богомольцев, и преимущественно интеллигентных, образованных, с разных концов России: дам высшего общества, студентов высших учебных заведений, учительниц — образованных людей обоего пола, жаждущих духовных разъяснений на волнующие их чувства и сомнения и врачевания их. И отец игумен Варсонофий удовлетворял эту потребность... По благословению иеромонаха Амвросия он поступил в скит Оптиной Пустыни... В 1906 году, по возвращении с войны, его вызывал Его Высокопреосвященство митрополит Антоний [Вадковский] для высшего назначения, но ввиду желания братства Оптиной Пустыни и скита, чтобы он не оставлял обитель по надобности в нем... он остался в пустыни и назначен начальником скита. Отсюда начинается более обширная духовная деятельность отца Варсонофия; он не только ежедневно постоянно устно ведет старческое окормление стекающихся как простых, так и образованных лиц, но продолжает затем общение с ними и руководство посредством переписки, достигающей нескольких тысяч (не менее 4000) писем в год. Оптина находится в самом центре России, для старчества в ней нужны такие иноки, как отец Варсонофий, заменить которого в настоящее время некем.

Приняв все вышеизложенное во внимание, старшая братия Пустыни и скита постановила: выразить отцу Варсонофию братскую любовь и ходатайствовать пред высшим начальством об оставлении его в скиту для духовного окормления и руководства притекающих богомольцев и братским духовником»⁴. Следуют подписи двадцати восьми старших братий. Но прошение было тщетным. Посове-

¹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1927. Л. 365 об.

² ОР РГБ. Ф. 214. Опт- 367. Л. 212 об.

³ Концевич И.М. Указ. соч. С. 390.

⁴ ОР РГБ. Ф. 213. К. 61. Ед. хр. 25. Л. 79—79 об.

*Отпевание преподобного Варсонофия,
старца Оптинского*

товавшись с Преосвященным Финляндским Сергием (Страгородским) и епископом Трифоном (Туркестановым), игумен Варсонофий покорился и принял назначение. 26 марта 1912 года в скиту была отслужена Божественная литургия, возглавляемая архимандритом Ксенофонтом, сослужили ему старцы Варсонофий и Нектарий¹. В день отъезда Батюшка попрощался с братией. «Прощание было трогательное, — пишет Концевич, — почти всем он кланялся в ноги... Много было слез»². Духовник Старца, игумен Феодосий (Поморцев), был поражен его смирением. На вокзал отец Варсонофий отправился с одним маленьким ручным саквояжем.

Журналист Боборыкин не успокоился. В статье он защищал своих друзей, иеромонаха Моисея и иеродиакона Георгия, повторял обвинения против мо-

настырского начальства, писал в Синод в конце 1912 года, уже после окончания ревизии³. Официально дело о смуте было закрыто лишь в 1919 году, в канцелярии Патриарха Тихона⁴.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: поскольку никто из монастырского начальства формально наказан не был, следовательно, серьезных ошибок в ведении хозяйства не оказалось, и что цель смуты — лишь честолюбивые намерения жалобщиков, зависть к положению и дарованиям Старца, неприязнь к сложившимся монастырским порядкам, самому институту старчества с его строгой покаянной дисциплиной и препятствием к своеволию. Кроме того, вероятно месть определенных столичных кругов писателю С.А. Нилусу, трудившемуся под покровительством оптинских старцев и опубликовавшему свои резонансные сочинения «Близ есть при дверех» и «Протоколы сионских мудрецов». Другими мотивами объяснить совершенно нелогичный, не относящийся к ведению монастырского хозяйства запрет на проживание мирян при монастыре более десяти дней трудно. Эту версию подтверждают слова Елены Концевич, которая пишет, что именно за поддержку С.А. Нилуса пострадал старец Варсонофий⁵.

Преподобный Варсонофий прожил ровно год со времени назначения настоятелем Голутвина монастыря. Он скончался 14 апреля 1913 года и был погребен в Оптиной Пустыни. Настоятель архимандрит Ксенофонт пережил своего сподвижника на год и умер после тяжелой болезни 30 августа 1914 года.

Иеромонах Моисей (Чеботарев), один из жалобщиков, ушел «по болезни» с настоятельства в Дионисиево-Глушицком монастыре. В 1913 году был определен ду-

¹ ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-367. Л. 211.

² Концевич И.М. Указ. соч. С. 391.

³ РГИА. Ф. 787. Оп. 96. 1911 г. Ед. хр. 242.

⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 72—74.

⁵ Andreevsky-Kontsevich correspondence, Ivan Andreevsky Papers, Box 1, 16. Holy Trinity Seminary Archives, Jordanville, NY.

Оптина Пустынь. Фреска «Чудо исцеления глухонемого преподобным Варсонофием» над ракой с мощами старца в храме в честь Владимирской иконы Божией Матери

ховником ставленников и монастырской братии Симбирского архиерейского дома, но надолго там не задержался, и в 1914 году был перемещен в Сызранский Вознесенский монастырь, в 1915 году — в Жадовскую пустынь, и в конце 1915 года перешел в Екатерининскую пустынь в Подмосковье¹. Он пережил революцию, перебрался в Воронежскую губернию и был расстрелян в Липецке 24 января 1938 года за свою сословную принадлежность².

Иеродиакон Георгий, другой жалобщик, в 1914 году вновь был переведен в

Мещовский монастырь, где вскоре был назначен настоятелем. После 1917 года он сменил фамилию на Лавров, в 1920-х годах находился в Даниловом монастыре. Скончался 4 июля 1932 года в Нижнем Новгороде после ссылки.

Иеромонах Иезекииль (Степанов) скончался 13 марта 1920 года, схимонах Михей (Матвеев) — 26 октября 1922 года, схимонах Патрикий (Ревякин) — 13 января 1924 года, отец Савватий — 12 ноября 1919 года³.

¹ ЦИАМ. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 55. Л. 4 об. — 6.

² ГАЛО. Ф. Р-2210. Д. 21977.

³ АОП. Фонд новомучеников и исповедников. Синодики.

Источники и литература

**Игумен Дамаскин (Орловский).
Преподобноисповедник Агапит
(Таубе) (1894–1936)**

РГИА. Ф. 229. Оп. 19. Д. 3527; 3528;
3529.

УФСБ России по Архангельской обл.
Д. П-11397.

УФСБ России по Калужской обл.
Д. П-16298.

ОПИ ГИМ. Ф. 521. Оп. 1. Д. 10, 43.

АОП. Фонд новомучеников и исповедников. Неопубликованные мемуары
Н.А. Павлович.

Амвросия (Оберугева), монахиня.
История одной старушки. М., 2005.

Мария (Добромыслова), монахиня.
Житие оптинского старца Никона. Козельск: Введенская Оптиная Пустынь, 1996.

Оптинский альманах. Святыня под спудом. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2009.

Соль земли / Сост. С. Фомин. М., 1998.

Иллюстрации: АОП. Фонд новомучеников и исповедников; фонд изобразительных материалов.

**Иеромонах Нестор (Кумыш).
Иеромонах Аифал (Панаев)
(1879–1935?)**

Архив УФСБ по Калужской обл.
Д. П-13910.

ГАКО. Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 339.

Амвросия (Оберугева), монахиня.
История одной старушки. М., 2005.

Амвросия (Оберугева), монахиня. Записки старицы, получившей много милостей от Бога. М., 2009.

Дневник очевидца // Вестник РХД. 1976. № 117.

Мария (Добромыслова), монахиня. Житие оптинского старца Никона. Козельск: Введенская Оптиная Пустынь, 1996.

Иллюстрации: УФСБ по Калужской области; Калужский областной краеведческий музей.

**Марина Можарова.
Оптинский старец Амвросий
в письмах К.Н. Леонтьева**

Леонтьев К.Н. Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе // *Леонтьев К.Н.* Моя литературная судьба. Воспоминания. М., 2002.

Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба: Автобиография Константина Леонтьева // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935.

Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993.

Леонтьев К.Н. Отец Климент (Зедергольм) — иеромонах Оптиной Пустыни // Православный немец. Иеромонах Климент (Зедергольм) — насельник Козельской Оптиной Пустыни. Введенская Оптиная Пустынь, 2002.

Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М., 2010.

Александров А.А. I. Памяти К.Н. Леонтьева; II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову. Сергиев Посад, 1915.

Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. У.М.С.А.-PRESS. PARIS, 1926.

Вытронский Е. Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2000.

Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: в 2 т. М., 1911. Т. 2.

Колюпанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева: в 2 т. М., 1892.

Концевиз И.М. Оптина Пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. — Репр.изд.

Концевиз И.М. Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., 2009.

Котельников В.А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002.

Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сб. СПб., 1911.

Поселянин Е.Н. Старец Амвросий. Праведник нашего времени. М., 2009.

Розанов В.В. Сочинения. М., 1990.

Иллюстрации: АОП. Фонд изобразительных материалов; Калужский областной краеведческий музей.

Андрей Толмачев.

**Иеромонах Даниил (Болотов) —
оптинский иконописец и портретист**

ОР РГБ. Ф. 213. Оп. 55. Ед. хр. 22, 23.

ОР РГБ. Ф. 214. Опт-319, Опт-356, Опт-367, Опт-410.

ОПИ ГИМ. Ф. 521. Ед. хр. 7, 19, 69, 70.

ГАКО. Ф. 33. Ед. хр. 3.

АОП. Проповедь епископа Трифона (Туркестанова) от 2.12.1907. Машинопись.

Агапит (Беловидов), схиархимандрит. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле: в 2 ч. М., 1900; Репр. изд.: 1992.

Андроник (Трубаев), игумен. Священник Павел Флоренский и Оптина Пустынь // П.А. Флоренский. Философия. Наука. Техника. Л., 1989.

Быков В.П. Тихие приюты для отдыха страдающей души. [М., 1913]. 2-е изд. Псково-Печерский м-рь, 1993.

Духовные светочи России. Каталог выставки. М., 1999.

Евангулова О.С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в. М., 1987.

Женская Оптина. Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аноси-на монастыря. М., 1997.

Из бездны небытия: книга памяти репрессированных калужан: в 4 т. Калуга, 1993. Т. 1.

Нилус С.А. Великое в малом. Изд. 3-е. Сергиев Посад, 1911; Репр. изд.: 1992.

Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч. 1. Сергиев Посад, 1916; Репр. изд.: 1991.

Стрижев А.Н. По следам Сергея Нилуса. М., 1999.

Трифон (Туркестанов), митрополит. Проповеди и молитвы. М., 1999.

Иллюстрации: АОП. Фонд изобразительных материалов.

**Священник Н. Алявдин.
Путешествие в Оптину Пустынь
епископа Иувеналия (Масловского).
1918 год**

Тульские епархиальные ведомости. 1918. №19–21. 1 июня по 15 июня: Отд. неофиц.

Иллюстрации: АОП. Фонд новомучеников и исповедников; фонд изобразительных материалов.

Елена Бехтерева. Возвращение

Иллюстрации: АОП. Фонд изобразительных материалов.

**Лидия Соколова. Катынь: мифы
и реальность. Лагерь польских
военнопленных в Оптиной
Пустыни**

Архивная справка ГАДНИ Калужской обл. от 22.04.2011. № ТЗ—28.

Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. Минск, 2007.

Леонид (Кавелин), иеромонах. История Церкви в пределах нынешней Калужской губернии и Калужские иерархи. Калуга, 1876.

Российские вести. № 16. 23.03.2005.

Иллюстрации: <http://maxpark.com/content/1465809>.

**Коллаборационизм
духовенства
на оккупированных немцами
территориях в контексте
канонизации святых Русской
Православной Церкви**

ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л.49.

Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941—1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.

Корнилов А.А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Самара, 2001.

Кулик С.В. Антифашистское движение сопротивления в России. 1941—1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006.

Молодова И.Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.

Обозный К.П. История Псковской православной Миссии. 1941—1945 гг. М., 2008.

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов. М., 2009.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.

Якунин В.Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Самара, 2001.

Церковный Вестник. 2013. 5 февраля.

Журнал Московской Патриархии. 2011. Октябрь.

Иллюстрации: Калужская областная библиотека; АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

**Елизавета Булгакова.
Воспоминания об Иване
Митрофановиче Беляеве**

АОП. Фонд новомучеников и исповедников. Воспоминания Е. Булгаковой. Машинопись.

Иллюстрации: АОП. Фонд новомучеников и исповедников; фонд изобразительных материалов.

**Письма
Ивана Митрофановича Беляева**

Архив журнала «Глаголы жизни».

**Письма
святителя Николая Сербского**

Николай Сербский, святитель. Миссионерские письма. Издательство московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 2003.

Иллюстрации: АОП. Фонд изобразительных материалов.

**Зинаида Иноземцева.
Правда истории. Нужна ли она народу?**

Андроник (Никольский), архиепископ Пермский, священномученик. Творения. Кн. 1. Статьи и заметки. Тверь, 2004.

Вопросы философии. 2012. № 6.

Материалы семинара Центра российского ИНИОН РАН. М., 2010.

Мифы и мифология в современной России. — (Библиотека либерального чтения). М., 2003.

Иллюстрации: АОП. Фонд изображений. Фонд изобразительных материалов.

Наше наследие. 2012. №104.

**Иеродиакон Платон (Рожков).
Преподобный Варсонофий
и оптинская смута**

РГИА. Ф. 787. Оп. 96. 1911 г. Ед. хр. 242; Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 1.

ОР РГБ. Ф. 213. К. 29. Ед. хр. 8; К. 61. Ед. хр. 25.

ОР РГБ. Ф. 214. Опт-367.

ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1816—1818, 1890, 1927.

ГАЛО. Ф. Р—2210. Д. 21977.

ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 27. Д. 181; Ф. 1371. Оп. 1. Д. 55. *Благодарим С.Н. Романову за помощь в подготовке публикации.*

АОП. Фонд новомучеников и исповедников. Синодики.

Andreevsky-Kontsevich correspondence, Ivan Andreevsky Papers, Box 1, 16. Holy Trinity Seminary Archives, Jordanville, NY.

Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустыни, 2005.

Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. М., 1993.

Дневник послушника Николая Беляева (преподобного оптинского старца Никона). Изд.: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустыни, 2004.

Концевиг И.М. Оптиная Пустынь и ее время. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N.Y., 1970. *Благодарим отца Германа Подмошенского за предоставление рукописи главы «Оптинская смута».*

Мария (Добромыслова), монахиня. Житие оптинского старца Никона. Козельск: Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1996.

Митрополит Антоний [Храповицкий] и его время. 1863–1936. Братство во имя святого князя Александра Невского, 2004. Кн. 3.

Неизвестный Нилус. Православный паломник. М., 1995.

Нилус С.А. На берегу Божией реки. М.; СПб., 1999. Т. 1.

Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда в системе власти самодержавной России конца XIX — начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

Земщина. Июнь 1910 г. № 358.

Речь. 8 мая 1910 г. № 134.

Иллюстрации: АОП. Фонд новомучеников и исповедников; фонд изобразительных материалов.

Список сокращений

АОП — Архив Оптиной Пустыни

ВМН — Высшая мера наказания

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия

ГАДНИ Калужской области — Государственный архив документов новейшей истории Калужской области

ГАКО — Государственный архив Калужской области

ГАЛО — Государственный архив Липецкой области

ГАНИНО — Государственный архив новейшей истории Новгородской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ИНИОН РАН — Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГИА — Российский государственный исторический архив

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет

РПЦ — Русская Православная Церковь

УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности

ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности

ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы

Оптинский альманах

Выпуск 4

Крестный путь

На 1-й полосе обложки:

Оптина Пустынь. Церковь в честь Всех Святых
на кладбище. Фотография начала XX(?) века

На 2-й полосе обложки:

Оптина Пустынь. Рака с мощами преподобного Амвросия
Оптинского в храме в честь Казанской иконы
Божией Матери. Фотография 2011 года

На 3-й полосе обложки:

Оптина Пустынь.
Храм в честь Казанской иконы
Божией Матери. Фотография 2011 года

Подписано в печать 09.04.2013

Формат 60х90/8. Бумага мелованная.

Печать офсетная. Объем 15 печ. л.

Тираж 5000 экз.

Заказ № 954

Издательство Введенского ставропигиального
мужского монастыря Оптиной Пустыни

249723, Калужская обл., г. Козельск,
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптина Пустынь
Тел./факс: (48442) 50-117